

Ркаил
ЗАЙДУЛЛА

МЕЧ ТЕНГРИ

Ркаил Зайдулла
Меч Тенгри (сборник)

«Татарское книжное издательство»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Зайдулла Р. Р.

Меч Тенгри (сборник) / Р. Р. Зайдулла — «Татарское книжное издательство», 2016

ISBN 978-5-298-03255-1

В книгу вошли проза и публицистика лауреата Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая Ркаила Зайдуллы, переведённые на русский язык.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-03255-1

© Зайдулла Р. Р., 2016
© Татарское книжное издательство, 2016

Содержание

На родимой стороне	6
Перо Зайдуллы	7
Рассказы и повести	10
Ружьё	10
Белая собака	13
Шурале	16
Алла	20
Горя много – смерть одна	26
Армянская Сююмбике	29
Женщина с дурным глазом, или Мечь через любовь	35
Дырка от бублика	39
Врата	44
Дитя	48
Домовой	52
Сова под дождём	65
Женщина	72
Щтапан	86
Сановный дом	92
Пещера	94
Шаман	98
1	98
2	101
3	106
4	110
5	112
6	116
7	119
Нам, татарам, всё равно	121
1	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Ркаил Зайдулла

Меч Тенгри

© Татарское книжное издательство, 2016

© Зайдулла Р. Р., 2016

На родимой стороне

На родимой стороне ветер и вода иные,
Свет зари такой дарован нам и только нам.
Корни наши сплетены тесно, как литые,
Никогда узора их не понять врагам.

На родимой стороне ветер и вода иные,
Я журчанье серебристых родников вдыхал, —
Как у нас вдыхают травы, словно бы живые,
Если тёплый шелест платья рядом пробежал.

На родимой стороне ветер и вода иные,
Дни и ночи вперемешку шествуют сюда.
Кто-то молится на звёзды, звёзды неземные,
А у нас всегда спаситель – наша лебеда.

На родимой стороне ветер и вода другие,
На сердце печали след глубоко пролёт!
Что ж ты, девушка-судьба, брови дорогие
Насурьмила тёмной пылью из дому дорог?

На родимой стороне ветер и вода другие,
И трава нежнее там, и земля сама.
Коротки весенние ночки молодые,
И длинна суровая русская зима.

Перо Зайдуллы

Законы литературы так же незыблемы, как и законы физики, математики... Один из литературных постулатов гласит устами А. С. Пушкина: «Лета к суровой прозе клонят». Да, поэты с годами, как правило, переходят к прозе. Подтверждением тому и книга известного поэта Ркаила Зайдуллы «Меч Тенгри». Этому увесистому изданию в восемь сотен страниц может позавидовать и прописной прозаик, посвятивший избранному жанру всю свою жизнь. Под одной обложкой собраны рассказы, повести, публицистика, переведённые на русский язык.

Сборник открывают рассказы и две повести. Тематически они в своём большинстве посвящены вопросам межнациональным («Алла», «Горя много – смерть одна», «Армянская Сююмбике», «Щтапан»), социально-экономическим («Нам, татарам, всё равно», «Врата», «Сановный дом»), семейно-бытовым («Ружьё», «Домовой», «Женщина»). Есть здесь и криминал («Шаман»), и притча («Пещера»), и мистика («Белая собака», «Шурале», «Женщина с дурным глазом»).

Впрочем, многие рассказы не поддаются чёткой тематической градации, некоторые из них содержат в себе и то, и другое, и третье. Повесть «Нам, татарам, всё равно» я отнёс к социально-экономическим, но без криминала в ней не обошлось, и, судя даже по названию, без национального вопроса тоже. Так что различие рассказов весьма условное, а вот что объединяет их – это, в подавляющем большинстве, реалистический подход к повествованию. И здесь я бы отдельно отметил рассказы «Ружьё», «Дырка от бублика», «Домовой», свободные от какой-то идейной направленности.

Особенно рассказ «Ружьё», открывающий сборник. Он представлен читателю в своей кажущейся простоте, сдержанности, отсутствии крутых поворотов сюжета... Но сколько в нём жизни! Рассказ построен на тонких нюансах, лёгких движениях повествования, точно это живописное полотно, написанное невесомой кистью художника-импрессиониста. Казалось бы, ничего в нём не происходит, вроде бы даётся простая картинка – человек в кои веки при безнадежно больной жене собрался на охоту и при этом перекидывается на дворе несколькими словами с пышущей молодостью и здоровьем свояченицей. В начале рассказа она спрашивает: «На охоту, что ли, собрался?» Мужчина отвечает: «Да вот, думаю, не попадётся ли мне какая-нибудь райская птичка...» А в конце, когда он уже шагнул в сторону леса, услышал за спиной её игривый голос: «Без райской птички не возвращайся, зятёк!» Писатель лёгким мазком кисти передаёт его новое настроение: «Мужчина обернулся, и улыбка осветила его лицо». Он впервые улыбнулся за долгое время ухаживания за больной женой, с которой разговор бывал многословен, но... Но каждый говорил о своём. Когда он уронил какой-то пузырёк с лекарством, больная произнесла: «Какой ты неловкий...» В ответ он: «Сегодня должна ожеребиться соловая кобыла...» Она: «Надоела я тебе...» Он: «Давно ружья в руки не брал... Даже забыл о нём. А сегодня вытащил из чулана». В этом рассказе нет уроков морали, в этом рассказе – жизнь во всей своей неоднозначности.

Вторую часть книги составляют исторические рассказы. Писатель хорошо знает историю. Ркаил Зайдулла является ярким представителем литераторов, кто глубоко переживает потерю в 1552 году государственности своего народа. Татарские писатели его поколения – и более старшего, и последующего, но современники – почти все, и это не преувеличение, буквально живут в Казанском ханстве, пользуются образами того времени; их творчество, даже на современную тему, зримо и незримо переплетается с судьбой предков, с порой расцвета земли Казанской и проблемами тех лет, которые привели государство к гибели.

Показательна по этому поводу повесть «Шах-Али». В ней Зайдулла умело сплетает и расплетает сюжетные нити исторического повествования, где в главные герои выведен один из самых неоднозначных персонажей истории татарского народа, ставленник захватчиков древ-

ней Казани, касимовский хан Шах-Али. Появляется он в современном мире на кладбище в виде жёлтой собаки и умирает вместе с псом, побитым камнями. Но не всё так просто. Образ Шах-Али выписан весьма выпукло и дотошно, кисть художника неспешна и прекрасно знает натуру. Касимовский соискатель престола Казанского ханства показан с юных лет, в независимом от него самого развитии, со всеми неожиданными взлётами и падениями.

Что интересно, кроме прочих современников, в повести появляется и образ Писателя, который жизнь положил на разработку исторической темы и на которого первое лицо республики наводит критику: зачем копать в старье, пыль ворошить? Что такое Казанское ханство? Дикое государство! И это первое лицо пытается направить писательское перо на злободневную тему: какие стройки вокруг, как много прекрасных начинаний! Тот же КамАЗ...

За образами Писателя и Первого (идеологического начальства) угадываются реальные лица. Зайдулла щедро снабжает свою прозу не только историческими персонажами, но и героями и антигероями нашего времени. Всё в этом мире, говорит нам автор книги, взаимосвязано – и прошлое, и настоящее, и будущее.

В рассказе «Меч Тенгри», название которого вынесено на обложку книги, речь идёт о предводителе союза племён гуннов Аттиле в момент его наивысшего могущества, когда его войска подошли к стенам Рима, и он диктовал римлянам свои условия. И надо же, знаменитый завоеватель, создавший огромную империю от Балтики до Каспия, неожиданно умирает при завоевании женского сердца прямо на брачном ложе!..

Исторические рассказы Зайдуллы, кроме развёртывания интересных сюжетов, сеют зёрна познания. Читатель с помощью автора книги побывает и в Древнем Булгаре, и в стольном граде Казани, и в палатах Московского Кремля, встретится с историческими личностями – Токтамышем, Идегеем, Улуг Мухаммедом, Ахметом ибн Фадланом, ханами Гиреями, царями Василием II, Василием III, Иваном IV, повелительницами Нурсултан, Гаухаршад, Сююмбике и многими, многими другими. Пусть для неподготовленного читателя некоторые исторические лица и события на страницах книги не совсем известны, но тем интересней порыться в словарях, справочниках, исторических изданиях... Зёрна познания надо культивировать и возвращать...

Перо Зайдуллы богато эпитетами, сравнениями, афоризмами... Образная система автора живо и красочно передаёт дух описываемых времён. Читаешь и будто через пелену веков прорываешься в чистые поля Великого переселения народов, города Средневековья, оказываешься в тесных рядах своих далёких прародителей.

Для наглядности только одна картинка природы: «Воздух был, словно натянутая тетива. В звонком ясном небе сияло солнце, похожее на золотой щит. Лишь вдаль, на горизонте, будто грива коня, трепетало то ли марево, то ли заблудившееся облако».

И только один афоризм: «Мечом можно завоевать мир, но мечом нельзя управлять».

Насколько эта древняя сентенция актуальна и сегодня!

Надо заметить, что атрибутика Казанского ханства, эти средневековые максимы присутствуют и в текстах Зайдуллы на современную тему. Повторюсь: в текстах Зайдуллы и его литературных соратников. То есть творчество Ркаила Зайдуллы, и в частности эта книга, представляет собой характерный образец современной татарской литературы.

Итак, третья часть книги. Она отдана публицистике, которая то поблёскивает седой стариной, то рассказывает о событиях, тенденциях и проблемах общества в последние двадцать пять лет. Статьи обозначены год за годом датами написания, разностильем и стремительно меняющейся общественно-политической атмосферой. Шестьдесят две статьи – это, прямо скажем, немало. Здесь и межнациональные отношения, и история, и суверенность, и родной язык, и культура, и религия, и демография, и образование... Не то что пересказать статьи и эссе, а и просто перечислить их непросто. Но я бы основополагающей мыслью этой части книги взял

следующее утверждение автора: «Фундамент нации – язык и культура». Особенно *язык*, как следует из текстов всего сборника, – и художественных, и документальных.

В самом деле, родному языку, его значению, обучению, применению, отношению к нему посвящена львиная доля книги. Родной язык, родная речь – главная песнь Ркаила Зайдуллы. Общеизвестно же, нет языка – значит, нет ни культуры, ни даже нации вообще. От рассказа к рассказу, от статьи к статье, в авторской речи, в диалогах, на жизненных примерах он горячо продвигает это положение, эту аксиому, не требующую для просвещённой публики особых доказательств. Тем не менее, как известно, проблема родного языка у нас, да и в других республиках страны остаётся особо актуальной.

По статьям и эссе Зайдуллы можно наглядно увидеть четвертьвековую жизнь республики и остро ощутить легкомысленную переменчивость богини Клио: вчера – одно, сегодня – другое, завтра – непредсказуемое третье.

Вот статья «Тюбетейка для Ельцина» о приезде летом 1990 года первого Президента России в Казань и посещении Союза писателей Татарстана, где он произнёс историческую фразу: «Возьмите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Двадцать пять лет прошло с того дня, когда Казань бурлила этим вопросом, жила мечтами о повышении государственного статуса республики и получила обнадеживающий ответ. И что? Пришли к исходному – «нам, татарам, всё равно»?

В заключение хочу остановиться на статье «Что в имени твоём?..».

Немало людей интересуется этимологией имён, как своих, так и родных и близких, любимых и друзей... И вот им я порекомендовал бы прочесть эту статью. А кто не интересуется – не просто прочесть, а сделать это чрезвычайно внимательно. Недаром автор начинает материал со слов Г. Тукая: «Подходящее ли имя дано человеку – это очень значимо и важно». Здесь после некоторых наблюдений и размышлений Зайдулла останавливается на значении (смысле) своего собственного имени – Ркаил. В поисках правильной трактовки он обращается к Корану и словарям, учёным и писателям... В «расшифровке» редкого имени участвуют писатели Х. Туфан, Н. Фаттах, С. Хаким, Р. Батулла, М. Галиев... Везде и у всех разное мнение. Одно: Ркаил – это от французской жемчужной раковины Рокайль; другое: это аббревиатура от «Российской Красной Армии имени Ленина»; третье: это имя главы ангелов Аркаила; четвёртое и не последнее...

Впрочем, кто прав и что же означает имя автора этой книги – прочтите самостоятельно в означенной статье.

Да и всю книгу надо осилить, невзирая на объём. Не спеша, вдумчиво, с карандашом в руке. Она многое даст тебе, дорогой читатель, – и в плане познания людского мира, и в плане познания самого себя и своего народа.

Ахат Мишинский

Рассказы и повести

Ружьё

В сенях царил полумрак. Лишь косые лучи солнца, пробившись сквозь ветхую дощатую стену, расплосовали плотную темноту. Запах подвешенных под притолокой душицы и лекарственных трав нежно коснулся его лица, защекотал ноздри. Раздвинув прошлогодние берёзовые веники, он начал шарить в углу – там должна была висеть его двустволка. И когда ладонь коснулась её холодного ствола, по всему телу разлилось мучительное блаженство. Как давно он не брал в руки ружьё! Почти забыл о его существовании.

Как странно... ведь когда-то он считался хорошим охотником.

Перепаханный паутиной и обсыпанный сухой травой, он выбрался на свет и, шурша жёлто-красными листьями, щедро устлавшими весь двор, направился к скамейке возле ворот. «Осень наступила», – лениво подумал он, и, будто подтверждая эту мысль, под ним жалобно закрипела скамейка. В пожелтевшем лесу, нависшем прямо над ним, царила манящая тишина.

Неожиданно лес словно вытолкнул из себя молодую женщину с коромыслом на плечах. Он улыбнулся, узнав в ней свояченицу. Полоскала бельё. Уже третий раз за этот день. Белья набралось слишком много. Увидев его, женщина тоже улыбнулась.

– На охоту, что ли, собрался?

– Да вот, думаю, не попадётся ли мне какая-нибудь райская птичка.

Застеснявшись своей шутки, он вдруг замолк, его густые брови сдвинулись, и он забормотал глухим голосом:

– Давненько ружья не брал в руки.

Женщина в ответ звонко рассмеялась, словно лесной ручей, в котором она полоскала бельё:

– Эх, уж если и тебе не попадётся этакая птичка!

Он чистил ружьё и поглядывал на свояченицу, развешивавшую бельё на протянутой через весь двор верёвке. Её округлые груди, обтянутые мокрым платьем, открытые крепкие плечи, гладкие ноги, белеющие из-под задравшегося подола, то и дело приковывали к себе его взгляд.

Свояченица жила в городе. Там и замуж вышла. Они, кажется, присылали приглашение на свадьбу, но поехать как-то не получилось. Он вообще не общался с родственниками жены. Вернее, это они не считали его за ровню. И жену его не простили за то, что она выбрала себе такого мужа. Её отец так и не смог смириться с тем, что дочь вышла за простого лесника – странного, нелюдимого и замкнутого человека. Старик ни разу не подал зятю руки, не сказал ни единого слова, не пригласил к себе в гости. Вначале его дочь надеялась, что с возрастом отец станет мягче, но, увы, лёд в его сердце так и не растаял. Старик оказался на редкость упрямым.

Однако зять не очень-то и переживал по этому поводу. И они вдвоём жили-поживали себе в лесу. Казалось, даже были счастливы... Но Бог не дал им детей...

А свояченица с мужем развелась. Он как-то случайно краем уха слышал, как та говорила сестре: «Пьёт хуже извозчика».

Сестрёнка жены – приветливая и жизнерадостная... Теперь вот приехала к ним постирать накопившееся бельё, убратся в доме, да и вообще помочь, где надо. Интересно, как это её отец отпустил? А может, она и не стала ему говорить?

Он прислонил ружьё к забору и пошёл к дому. Жёлто-красное покрывало из листьев мягко, с нежным шорохом прогибалось под ногами.

Стараясь не скрипеть, он осторожно прошёл по выскобленным и вымытым половицам в глубину комнаты, к кровати, отгороженной занавеской.

Он приоткрыл занавесь, присел на табурет возле кровати. При его появлении худое тело под одеялом шелохнулось, на сером, словно обтянутом паутиной лице появилось что-то похожее на улыбку.

– Как ты? – спросил мужчина. Вопрос был задан механически и не требовал ответа. И он уже в который раз рассердился на себя за то, что снова произнёс эти два слова, потерявшие от многократного повторения всякий смысл.

– Сегодня день такой ясный, – сказал он, немного помолчав. А потом зачем-то добавил: – Листья осыпаются.

– Что-то мёрзну я, – сказала жена. – Обессилела совсем. Во рту сухо.

Мужчина взял со стула чашку и дал жене глотнуть холодного чая. Какой-то пузырёк с лекарством, задетый им невзначай, со стуком упал на пол и покатился к двери.

– Какой ты неловкий, – пробормотала жена.

– На днях должна ожеребиться соловая кобыла, – сказал муж виноватым голосом.

– Говорят, в Казани есть доктор по фамилии Минкаев, и он из Кукмора может предотвратить землетрясение под Чёрным морем. Показать бы ему... – Женщина приложила к губам влажный носовой платок. – Говорят, что он запросто тучи гоняет по небу. Меня бы он уж точно вылечил...

Заметив, что по лицу жены побежали красные пятна, мужчина шевельнулся.

– Хотел сегодня на охоту сходить. Вдруг какая дичь попадётся...

– Кто же повезёт меня к нему? – плачущим голосом спросила жена.

– Окрепни немного, и поедем. А может, я его сюда привезу...

– Где Алмакай? – так жена называла свою младшую сестру.

– Бельё развешивает...

– Она так похорошела в городе! И работает от души. Она хотела остаться ещё на три-четыре дня, но я отговорила, работа у нас никогда не кончится, не стоит ей задерживаться. Если отец узнает...

Мужчина окинул взглядом чистую и посветлевшую комнату. Здесь даже воздух стал другим, и лекарствами теперь не так сильно пахнет. Хотя... от этого запаха так быстро не избавишься.

– Раз она хочет здесь пожить, пусть остаётся... Зачем гнать её?

– Не повезло бедняге с мужем, – отрывисто проговорила жена. – И сюда приехала, не спросившись у отца.

– Тогда пусть уезжает...

– Надоела я тебе. И говорить со мной толком не хочешь. – Женщина снова захныкала.

– Давно так ружья в руки не брал, – сказал муж. – Даже забыл про него. А сегодня вытащил из чулана.

– Говорят, если положишь фотографию этого доктора на живот, болезнь как рукой снимет. Алмакай рассказала, что у жены Шавали Медведя после того, как она одну ночь поспала с фотографией на подушке, на голове исчезла седина. Сходил бы ты в деревню да принёс эту фотографию?..

– Завтра схожу. Сегодня я в лес собрался. Может, тебе суп из дичи на пользу пойдёт...

– Нет уж, умру я, наверно. Избавишься, наконец. Только не вздумай жениться, пока сороковины не пройдут.

– Не болтай ерунду! – Мужчина тяжело поднялся. – Глядишь, скоро и бегать будешь.

– Спасибо моей Алмакай, одних только лекарств вон сколько навезла!

– Корове сена надо дать. Скоро доиться перестанет, всего два месяца осталось, – пробормотал мужчина в сторону.

«Вот и осень пришла», – подумал он, вновь оказавшись на улице. Но в душе почему-то не было грусти, и сердце как-то возбуждённо бьётся. Наверно, это потому, что он собрался на охоту.

Свояченицы во дворе не было. Закинув ружьё на плечо, он зашагал к лесу. И тут услышал за спиной насмешливый голос:

– Без райской птички не возвращайся, зятёк!

Мужчина обернулся, и улыбка осветила его лицо. Потом, словно устыдившись этой улыбки, решительными шагами направился к лесу.

Уже возле самой опушки он вдруг услышал какие-то невнятные звуки и взглянул в небо. Там, в далекой синеве, стая птиц, выстроившись клином, улетала куда-то далеко, в неведомые края.

1997

Белая собака

Наверно, нет в округе человека, который бы не знал бабушку Жантай из нашей деревни. У неё постоянно толпятся люди. Если у околицы покажется какая-нибудь чужая машина или путник с рюкзаком за плечами, будьте уверены, они направляются к бабушке Жантай. Я сам сколько раз указывал им дорогу к ней: от мечети подняться к кладбищу, а там с краю стоит дом под соломенной крышей. Эта крыша – единственная такая в деревне. Там живёт бабушка Жантай. Если приезжий оказывается непонятливым, иногда приходится объяснять подробнее. Мол, дом старухи Жантай под соломенной крышей – через два дома после учителя Хазята... А узнать дом Хазята нетрудно – под скатом крыши и весной, и осенью висит красное знамя. Красноты-то в нём – кот заплакал, выгоревший под ветрами, цвет его стал неразборчивым, но можно абсолютно не сомневаться, что коммунист Хазят ничего, кроме красного знамени, повесить не мог. Конечно, украшать наполовину ушедшую в землю неказистую избушку знаменем – это всё равно что кривоногой девушке надеть брюки в обтяжку, но, что поделать, брат, такие уж люди у нас живут.

Сказать по правде, я бабушку Жантай никогда не видел, да и кто из наших, интересно, когда-нибудь её видел? Говорят, несколько лет назад с нею разговаривал наш председатель, Равиль Галыч. Бабкина соломенная крыша уже давно была для него как бельмо в глазу. И однажды он постучался в дверь старухи. Но не успел он переступить порог и открыть рот, как старушка сама заговорила: «Намерения у тебя хорошие, сынок, как тебя там... Но я всегда жила под соломенной крышей и в конце своей жизни не стану менять её на железную. Дай Бог тебе здоровья, поскольку вскоре тебя ожидает казённый дом...» – «Твоя избушка всю картину портит. Если мы её отремонтируем да жестью покроем, она же улыбаться начнёт!...» – пытался гнуть своё Равиль Галыч. Но и старуха оказалась упрямой – шамкает своим беззубым ртом и стоит насмерть: «Через железо солнечные лучи не могут проникнуть в мою душу».

Так и сказала, ей-богу! Если обманываю, то век мне счастья не видать! От настоящей железной крыши отказалась, безумная старуха!

И всё-таки Равиль Галыч ушёл от неё окрылённый. За несколько дней до того ему показалось, что глава района делал ему какие-то намёки. «Значит, хочет взять к себе», – подумал он теперь. А народ деревенский «казённый дом» понял по-своему. Нашлись даже те, кто, поняв это по-своему, начали исподтишка ухмыляться. Немного забегаю вперёд, скажу: в этом вопросе обе стороны оказались правы. Сначала Равиль Галыч занял в районе большую должность, а чуть погодя его перевели в то самое место, которое в народе называют «казённым домом».

В дом к бабушке Жантай шли не только днём, но и ночью. И как только у неё хватало на всех заклинаний! Только станут ли из-за каких-то там заговоров пускаться в такой дальний путь те, кто приезжает сюда под покровом ночи? Говорят, что старуха ещё умеет делать любовные привороты и наводить порчу. Любовь – это одно, но если она порчу умеет наводить, то плохо дело. Вот моя жена, например, и так настоящая ведьма, а если ещё бабушка Жантай руку приложит, то мне останется только бежать из деревни.

Поэтому-то наши местные немного побаиваются старухи. От колдовства лучше держаться подальше. Впрочем, есть и те, кто завидует. Сколько людей к ней приезжает – и ведь всё не с пустыми руками. Сынок Минзука, прохвост, вернулся из тюрьмы и вон что удумал. Уселся у старухиной калитки и обложил приезжих налогом: «Я – бабкин секретарь, вход – десять рублей». Однако долго ему сидеть не пришлось, на следующий же день обе его руки почему-то отнялись и повисли, словно флаг на избе Хазята. Говорят, что теперь даже по малой нужде он ходит в сопровождении матери.

Никто не знает, сколько бабушке Жантай лет. Наверно, она и сама этого не помнит. Моя бабушка говорила: «Когда мы ещё были несмышлёными девчонками, Жантай уже была стару-

хой». Очень даже вероятно, бедняжка просто не может умереть. Женщины знают, что говорят. Но самое страшное в этой истории то, что ночью будто бы эта старуха превращается в белую собаку и рыскает по улицам в поисках какой-нибудь женщины. Говорят, что если собаке удастся прошмыгнуть у женщины между ногами, то Жантай сможет спокойно отдать Богу душу, а её бессмертие и колдовство перейдут к той несчастной, которая в неподходящее время вздумала расставлять ноги там, где не следует.

Конечно, не все верят этому. Особенно злится сосед старухи, Хазят. «Дурман, да и только! – ругается он. – Вы же строители коммунизма, а забиваете себе голову всякой чушью!» Но однажды, говорят, он сам заглянул к старухе Жантай и начал исподволь расспрашивать: мол, когда родилась, видела ли первых коммунистов деревни? А бабулька ответила: «Перед началом французской войны меня сосватали сыну старосты». В глазах у Хазята помутилось, но виду он не подал и продолжал расспрашивать: «Не знаешь, когда появилась наша деревня?» А вечная старушка невозмутимо в ответ: «Наши с мурзой Енакаем ходили брать Казань». После этого Хазят махнул на неё рукой и ушёл – мол, старуха совсем помешалась.

Но ведь есть люди, которые встречали ночью в деревне белую собаку. На днях доярка Джамия сама рассказывала: «Иду я с утра затемно на ферму и вдруг, откуда ни возьмись, эта белая собака, будь она проклята! У меня аж ноги подкосились, и я как куль шлёпнулась на землю. Она молнией пронеслась мимо...»

Вообще-то радуется, что Джамия вовремя села на землю, а то, если, не дай бог, эта сварливая баба станет бессмертной, у нас тут никому и жить не захочется. А что касается бабки Жантай, пусть она не то что в белую собаку, а хоть в кого угодно превращается, живёт-то она тихо, и вреда от неё никакого, если, конечно, кто-нибудь не вздумает её посетителей налогом облагать. Пусть живёт себе хоть тысячу лет. Но, видно, ей и самой надоела эта вечная жизнь. Иначе не стала бы она каждую ночь маяться в собачьем обличье. Интересно ведут себя и женщины: как бы ни хотелось им жить подольше, ни одна из них не рвётся заменить бабку Жантай. Впрочем, если ты с утра до вечера надрываешься, зарабатывая на хлеб насущный, небось, не захочешь вечной жизни. К тому же и в собаку превращаться ночами тоже, наверно, не очень весёлое занятие.

Но шила в мешке не утаить. Узнали-таки и в Казани о том, что в нашей деревне есть вечная старуха и что ночами она превращается в белую собаку и ищет женщину, которой могла бы передать своё колдовство. А в Казани какие только женщины и девушки не живут – не чета нашим. Если пообещать вечную жизнь, не то что в собаку, в змею готовы превратиться – ведь это же только на ночь! А может, такая способность есть не только у нашей старушки? Вон в городе частенько можно встретить какую-нибудь красотку с огромным, с телёнка ростом, кобелем. Но эти – не то что наша бабка Жантай, эти, видно, как-то приспособились.

И однажды в нашу деревню на невиданных машинах начали приезжать на ночь глядя разные женщины. И не одни, а в сопровождении крепких мужиков: коротко стриженных, с бульдожьими лицами и толстыми золотыми цепями на шее. Мужчины в деревню не заходили, оставались за околицей, а женщины пешком направлялись в верхний конец, к дому бабушки Жантай. В сумерках то тут, то там можно было увидеть женщин, стоящих с расставленными ногами. Но белой собаки, как на грех, не было видно. Или старушка уже смирилась со своим бессмертием, или не желала дарить свои колдовские способности чужакам.

Женщины были красивые, хорошо одетые... одна богаче другой, эх, вот бы кого обложить налогом, но те, в золотых цепях, не то что руки твои, а тебя самого запросто превратят во флаг, чучело ты гороховое. Так что мы наблюдали за ними только сквозь щели в заборе. Даже вечно брешущие по ночам собаки, и те попрятались, поджав хвосты.

В ту ночь в небе над деревней носились свинцовые облака. Когда стемнело, ветер стих, всё погрузилось в напряжённую тишину. Ровно в полночь где-то на окраине деревни

послышался звук, похожий на выстрел. Внезапно пошёл сильный дождь, и тут же зарокотали моторы...

Утром я увидел бегущих по улице людей. «Белую собаку пристрелили!» – крикнул кто-то. И правда, возле ограды кладбища лежал труп белой собаки. На лбу виднелась кровавая рана, видно, кто-то из тех, кто заждался у кладбища своей алчущей вечной жизни подружки, не выдержал и пристрелил собаку. А может, испугался, увидев её ночью, а может, подумал, что его жена уже превратилась в эту белую собаку.

Душа наполнилась щемящей грустью. В это время с кладбища выбежал какой-то мальчик лет четырёх-пяти и, бросившись к собаке, заплакал жалобным голосом, растирая лицо маленькими ладошками, испачканными в жёлтой глине.

Я не признал этого мальчика.

Бабку Жантай мы похоронили в тот же день. Люди судачили, что у неё на лбу тоже была маленькая красная точка. Я не очень-то поверил, сами знаете, женщины любят присочинить.

Вечером приехал большой бульдозер и столкнул в кладбищенский овраг старухину избу с соломенной крышей. А на месте бывшего дома потом ещё долго копались мальчишки. Они ведь, известное дело, везде ищут клады. Золота они, конечно, не нашли, зато насобирали всякой всячины – обломок сабли, наконечники стрел, глиняные черепки, пожелтевшие листки бумаги. Говорили, что на этих листках были древние письма, да и те полустёртые. Так что прочитать их было невозможно. И всё же учитель Хазят повёз одну из наиболее сохранившихся страниц в Казань. Очень большие учёные после долгих мучений смогли наконец прочитать несколько слов.

Там было написано: «Но Если...»

1998

Шурале

От нашей деревни до леса – рукой подать. Наверно, потому-то у нас и не любят особо заниматься заготовкой дров. Частенько запасов не хватает даже до середины зимы. Но раз лес близко, нет проблем – ничего не стоит привезти воз крепких берёзовых стволов. А если уж тебе лень разгрести в лесу сугробы, то существует же ещё забор! Летом его можно поставить снова...

Сейчас как раз середина лета. Мы с соседом Минзуком договорились сегодня съездить в лес. У него во дворе уже урчит старенький «Беларус». Продрав с утра глаза и опасаясь ворчанья жены, я вылетел во двор, опустил в колодец ведро, но на обратном пути верёвка оборвалась. Чёрт, день начинается паршиво... Омочив глаза и губы тёплой водой из тазика, я поспешил к Минзуку. Его жена кормила в хлеву кур, увидев меня, она тотчас отвернулась. Вчера мы с Минзуком основательно обмыли предстоящее мероприятие, и теперь, надо полагать, его жена на меня дулась.

Самого Минзука я обнаружил в сених на кровати за занавеской. Он лежал и стонал, но, увидев меня, сел, ведь в таких случаях приход друга радует: может быть, у друга есть какое-нибудь предложение?.. Минзук что-то невнятно пробормотал, я напрягся и разобрал: «...Во рту будто табун лошадей ночевал». Небось, забормочешь тут, если мы на радостях, что в лес едем, вдвоём «уговорили» три литра, хотя под конец к нам, кажется, присоединился и Шавали.

Вид у соседа был, прямо скажем, устрашающий. В углах опухших глаз спёкся гной, губы потрескались и слиплись. А-а, впрочем, что я рассказываю! С каждым, наверное, такое случалось. «Давай, – говорю, – скорей пошли отсюда, а то от твоего дыхания даже мухи дуреют и вон, по полу на четвереньках ходят».

А про лес он забыл начисто! «Ну, ради такого дела, – говорю я, – моя, пожалуй, пол-литра нам выдаст...» От этих слов Минзук как будто немного ожил и с охами да ахами поднялся-таки с постели.

Хорошо, что горячее в трактор мы залили с вечера, и теперь он завёлся сразу. Я быстро сбегал за инструментами и сумкой с продуктами. Ощутил мимоходом, как приятно коснулась моей ноги бутылка, наполнив душу радостью...

Хотя до леса было рукой подать, но терпеть сил у нас не оставалось, поэтому сразу за околицей мы заглушили мотор и достали бутылку. В «бардачке» у Минзука нашёлся стакан. Впрочем, стаканом это можно было назвать только условно. Никогда не мытый, он настолько «растолстел», что принял какую-то неопределённую форму.

Настроение у нас, скажу прямо, сразу же поднялось. Трактор с ровным стрекотом чесал к лесу. Голова у Минзука теперь не раскалывалась, он даже скалил в улыбке свои крупные жёлтые зубы – чучело гороховое!

Добравшись до своей делянки, мы допили бутылку, а потом разлеглись на траве и закурили. Хорошо, честное слово! Небо чистое, солнце в зените. «Начнём пилить, когда жара немного спадёт, – говорит Минзук, – работа – не волк, в лес не убежит». И правда. Минзук, зараза, слово-то умное умеет к месту вернуть. Вечерами он обычно прилипает к телевизору, оттуда, наверно, и слышит всякое разное, собака!

Когда я открыл глаза, уже смеркалось. Сон у меня чуткий— показалось, что поблизости что-то шуршит. Я привстал, обернулся на звук и обалдел: в двух-трёх метрах от нас стояло нечто волосатое – то ли человек, то ли чёрт, хотя кто же его, чёрта этого, наяву видел?.. Глаза у мохнатого горят, на лбу что-то вроде маленького рога, руки длинные. И без штанов!

Минзук между тем тоже проснулся и истошно завопил: «Шурале!» Тут я вспомнил сказку, слышанную ещё в школе. Ну точно! Шурале! Однако сказка сказкой, а здесь мы, так

сказать, собственной персоной... Впрочем, если перед тобой стоит нечто волосатое с таким... не могу даже слов найти, тут, ёлки-палки, не то что в сказку – в Бога поверишь...

А Минзук-то оказался парень не промах – вскочил и схватился за топор. Я тем временем подобрался к Шурале сзади. Как в руках у меня оказалась дубина – убей меня, сейчас не вспомню. Зато помню отчётливо, как я долбанул ею по голове волосатого, собравшегося тем временем юркнуть в кусты... Бедняга, он аж покатылся по земле.

О дровах мы, конечно, забыли. Кое-как закинули этого лесного барана в прицеп и припустили домой. Когда мы вернулись в деревню, существо ещё было без сознания.

У Минзука на огороде уже давно стояла большая клетка. Откуда он её привёз – неизвестно, такая уж у него была привычка – тащить всё нужное и ненужное в дом. Хотя это и правильно: в хозяйстве всё сгодится. С огромным трудом мы затащили клетку в хлев, наладили дверцу и занесли туда Шурале. Минзук быстренько защёлкнул замок.

Лежит наш Шурале развалясь. А тут влетает жена Минзука и, сообразив, что мы без дров, открывает уже рот, чтобы заверещать. Но вдруг видит волосатое существо и тут же теряет дар речи.

И что же теперь делать? Как выяснить, кто в клетке: Шурале или ещё что-то? У Минзука в таких случаях голова хорошо работает: «Давай сходим к Равиль Галычу, он всё знает», – говорит он. И правда, Равиль Галыч у нас в деревне – единственный авторитет. Вся деревня пляшет под его дудку. Его специально для этого привезли из Дрожжановского района. Равиль Галыч, в другое время нас, мальков, и за людей-то не считавший, услышав о Шурале, рассмеялся. Мы с готовностью подхихикнули ему. Как-то на душе стало приятно, что такого человека развеселили. «Из-за постоянных пьянок вам уже Шурале начал грезиться! Придётся вас в ЛТП отправлять». А мы-то о выпивке вообще забыли! Нам даже немного обидно стало из-за напраслины. «Равиль Галыч, – говорю, – честное слово! Если не веришь – иди в хлев к Минзуку, Шурале там в клетке сидит».

К нашему приходу хлев был полон женщин. Моя там тоже вертелась. Увидев нас, они смущённо захихикали и отодвинулись от клетки. Шурале уже очнулся, глаза его горели, а сам он гневно дёргал прутья клетки. Но что толку – приваренные друг к другу, они даже не шелохнулись. Дурак, что ли, Минзук, чтобы тащить в дом всякую дрянь.

«Да-а...» – только и смог выдавить Равиль Галыч. А мы подбоченились – надо же, такого человека удивили! Минзук тем временем толкнул жену в бок: мол, что стоишь, тащи сюда родимую...

«Наверно, это снежный человек, – предположил Равиль Галыч. – Ну, ребята, теперь слава о нас дойдёт аж до Чебоксар...»

Между тем Шурале этот, или снежный человек, короче, этот волосатый, гундосит что-то и длинными руками пытается прикрыть своё богатство, мается, бедняга... Ёлки-палки, так вот почему тут все бабы толпятся и не могут разойтись!

«Надо сообщить в Казань, пусть приедут и посмотрят», – сказал Равиль Галыч и пошёл в правление.

А тут и жена Минзука вынесла пол-литру. Мы махнули по одной, и тут Минзук возьми да и предложи: «Давай, браток, и Шурале немного нальём!» Волосатого, видимо, жажда замучила – так он за стакан ухватился! Выпил залпом и даже крикнул.

«Да-а, этот, похоже, тоже из наших будет...» – с удовлетворением заключил Минзук и почесался.

Целый день, проведённый в лесу, сделал своё, к тому же и есть хотелось изрядно, так что мы, быстро «раздавлив» бутылку, разбрелись по домам.

А Шурале с того времени начал жить в деревне. То ли Равиль Галыч как-то не так дело представил, то ли своих забот в Казани хватало, но из города никто к нам не приехал. Ну

конечно, что им какой-то там Шурале, может, они даже не знают, что это такое, ведь в сказках Пушкина, говорят, Шурале нет.

А, впрочем, может, кто и приезжал, а мы просто не слышали. Ведь на третий или четвёртый день после тех событий Равиль Галыч отправил нас – меня, Минзука и Шавали – на колхозную делянку рубить лес. И не возмущайся, мол, почему мы да мы, – на всю деревню нас, мужиков, всего-то и осталось трое-четверо. Остальные – все в верхнем конце деревни, на кладбище.

Недели две мы провели в лесу. Вернулись, а деревня... какая-то другая. Нет, вроде и дома те же, и тополя так же шумят, но что-то... что-то было не так. Поразмыслив немного, мы догадались: бабы изменились. Видели бы вы, как они теперь в нарядных платьях вышагивали по улицам! Даже сам воздух в деревне стал иным – он наполнял грудь и щекотал сердце. Моя собственная жена встретила меня у ворот – картина сама по себе невероятная! И начала расспрашивать, мол, как съездилось, не очень ли тяжело было, как то да сё? А в доме стол накрыт, посередине его гордо стоит бутылка! Я скорёхонько сунул бутылку за ремень и, спотыкаясь от удивления, кинулся к Минзуку. А у него та же картина маслом! В красном углу сидит довольный Минзук, перед ним почти пустая бутылка. А вокруг него хлопочет жена, словно лебёдушка выгибается. Перекусили мы немного и вышли покурить. «Как там наш Шурале поживает?» – вдруг говорит Минзук и кивает в сторону хлева. Вот блин, мы же о нём вообще забыли! Забегаем в хлев, а там клетка открыта настежь, Шурале и след простыл!

Тут оказалось, что за нами в хлев случайно зашла жена Минзука, увидела наши растерянные физиономии и теперь стоит, смущённо улыбаясь и игриво покачивая бёдрами. «Его пригласила сегодня в гости Джамилия», – заявляет она нам. Знаем мы эту горластую Джамилию. Когда она начинает материться, коровы на ферме от стыда прячут морды в сено. С её покойным мужем мы немало бутылок уговорили. В прошлом году он спяну заблудился у себя во дворе и замёрз насмерть, бедняга. А Минзук между тем уж рот открыл и как заорёт: «Он что, мулла, чтобы его в гости зазывать?!» – «Но он совсем как человек, всё у него на месте, – отвечает ему жена. – Тихий такой, одинокий. Его уже полдеревни в гости приглашало. А сегодня очередь Джамили...»

Вскоре они и сами появились. Впереди, широко шагая, шёл наш Шурале, а сзади мелко семенила Джамилия. Её будто подменили – щёки румяные, лицо сияет. «Здравствуйте, мужички», – пропела она нам. «Амина-апа, вот тебе небольшой подарочек», – и суёт жене Минзука отрез на платье.

Минзук уже сжал было кулаки, но, взглянув на Шурале, вдруг успокоился. Только боднул жену взглядом: «Ну и дела-а...»

Вернулись мы в дом. Моя бутылка была только почата, Минзук шумно разлил её по трём чашкам: «Давай, Шурале, товарищ, брат, свояк, – сказал он. – Тяпнем по одной!» – «Он же не человек, ему нельзя, вы его погубите...» – попыталась было встрять жена Минзука, но он только рыкнул на неё, мол, не лезь к мужикам. Сначала Шурале страдальчески морщился, но после третьей чашки довольно загугукал и поднял большой палец кверху, мол, всё отлично...

Как я от них ушёл – не помню. Может, Шурале меня отнёс...

С того дня он сильно изменился, стал ходить на нас и, куда бы мы ни шли, ни на шаг от нас не отставал. А куда мы ходим – ясное дело, в заботах всё о том же самом – как бы сообразить на троих.

Деревня же вернула себе свой прежний вид. Бабы снова стали хмурыми, той же самой Джамиле не дай бог попасться на глаза. Минзукова жена выгнала Шурале из дома, и он, бедолага, снова начал жить в клетке. Впрочем, он и там пробыл недолго. Сварливая Минзучиха побежала в правление и развопилась, что из-за него в хлеву воняет. Тогда Равиль Галыч назначил нашего дружка сторожем на огороде. Там стояла хибарка, овощей – море, живи себе и в ус не дуй. Ну и голова у этого Равиля Галыча, – теперь этот огород все за версту обходят. Всё-

таки Шурале есть Шурале, хоть и облез сильно. Теперь сидит он там в ожидании нас и целый день дрожит. А увидит бутылку, так чуть не на четвереньки становится, бедняга, даже жалко смотреть. Ведь не приобщись он тогда к нам, сейчас бы как сыр в масле катался.

Осенью, сняв с огорода высокий урожай, Равиль Галыч на радостях привёз Шурале из района паспорт и подарил ему просторные штаны. И стал Шурале похож на самого обыкновенного человека, вроде нас. Теперь его уже никто особо не замечает, только женщины порой, случайно задержав на нём взгляд, грустно улыбаются – незаметно, краешком губ, будто вспоминая о чём-то очень дорогом и сокровенном.

1998

Алла

В загоне пахло свежескошенным сеном и конским каштаном. Ахияр с наслаждением вдохнул эти ароматы, пробуждавшие в нём самые сладостные чувства, ощущая, как распирает грудь от радости, блаженства, удовлетворения и безмерного ликования. Признав хозяина, в стойле зафырчала лошадь. Ахияр погладил её по шее, глубоко запустил заскорузлые пальцы в густую гриву. По телу разливались неизъяснимо приятные волны, и от избытка чувств Ахияр неожиданно рассмеялся. Алла (такое странное имя носила кобыла), кажется, понимала его радость и в знак любви и преданности прикоснулась мягкими тёплыми губами к небритой щеке хозяина.

Ахияр заглянул в умные глаза Аллы, их взгляды встретились. Мужчина почувствовал жаркий прилив в груди, смутившись, отвёл взгляд в сторону. Сейчас, наверное, во всём мире для него не существовало другого, более дорогого и понимающего друга, чем эта кобыла...

Не только в Тиресле – родном селе Ахияра, но везде, где обитают татары-мишаре, исконно бытует особое отношение к лошадям, нежели к другим домашним животным. (К слову, название села Тиресле произошло не от слова «тирес» – «навоз», коим удобряют землю, как полагают некоторые доморощенные краеведы, а от обидного прозвища «упёртый», прилепившегося к местному населению за крайне неуступчивый и упрямый нрав.) В тридцатые годы, когда всех крестьян насильно загоняли в колхозы, с виду суровые, как мордва, и упрямые, как чуваша, тиреслинские мужики навзрыд плакали, расставаясь со своими сивыми и пегими кобылами, резвыми рысаками и терпеливыми тяжеловозами, в которых они души не чаяли. Вынужденные своими руками отдать на общее пользование ещё сбрую и упряжь, отличавшуюся богатым убранством и особым щегольством, они убивались с горя. Ведь джигит без коня, что птица без крыла! Тогда многие, разочаровавшись в новой власти, махнули на всё рукой и разбрелись в разные концы. Большинство мужиков вроде бы направило стопы в сторону Москвы, а уж там кто устроился дворником, а кто-то грузчиком на вокзале. Сбежавшие крестьяне не чурались никакой чёрной работы. Впрочем, вряд ли у них был иной выбор... Ведь в России любой тяжёлый труд будто только для татар и существовал... Лашманы, шахтёры, грузчики, бурлаки, камнетёсы...

В Тиресле издавна, как во всех настоящих мишарских селениях, содержали коней на забой (на зиму каждая семья запасалась кониной). Однако по мере того, как крепла советская власть и всё большим количеством налогов облагалось население, когда следовало платить даже за яблони, сельчане понемногу перестали заготавливать на зиму не только конину, но даже баранину. В войну слово «мясо» почти забылось, деревенский люд, как мог, перебивался картошкой, лебедой и прочими съедобными растениями. Со временем забылись и рецепты приготовления знаменитой конской колбасы «казылык» и множества других яств из конины. Позднее, в годы так называемого «застоя» (с чьей-то лёгкой руки к ним прилепилось именно такое название) у сельчан дела вроде бы понемногу пошли на лад, а тиреслинские мужики, вооружившись пилой и топорами, повадились ходить на шабашку в русские деревни. Они строили дома, коровники и свинарники (русские сами не хотели строить, да и то верно, иначе на кой ляд России нужны татары?), строили много и неплохо зарабатывали. Глубокой осенью шабашники возвращались домой, ведя под уздцы лошадей. Причём о лошадях с заказчиком всегда договаривались заранее, прежде чем ударить по рукам. Настоящий мишарин никогда не брался за работу, если на заработанные деньги нельзя было купить коня.

Рано или поздно всё возвращается на круги своя. Вот в настоящее время уже официально разрешено заводить сколько угодно конского поголовья. Сегодня в Тиресле в каждом дворе можно услышать лошадиное фырчанье из стойла. Пацаны как прежде выводят коней на ночное и разводят костры на опушке леса. Сидящие на завалинке мужики с серьёзным видом молча

затягиваются сигаркой, ещё бы, разве это не счастье, когда ты обуреваем тихой радостью от простого конского ржания, когда внутри тебя всё клокочет и ликует от дробного стука копыт по-над пыльным большаком! Понятное дело, лошади! Значит, жизнь удалась, и душа мишарина в ладу с самим собой.

Ахияр тоже вернулся из шабашки со своей лошастью. В селе Урда на пермской земле (там он строил коровник) долго выбирал эту лошадь и не ошибся. Несмотря на своё необычное имя – Алла, лошадь оказалась на редкость умной, с покладистым норовом. Ахияр весь год терпеливо и любовно возился с ней, приучая к упряжке. Сам смастерил телегу, лёгкую и прочную, изготовил дугу, а за остальной сбруёй не поленился съездить в Казань.

В деревне Ахияра недолюбливали. Жил он замкнуто, ни с кем не заговаривал, проходя мимо, здоровался лишь кивком головы. Заслышав кличку¹ его кобылы, старухи испуганно поплёвывали через плечо, а молодухи удивлённо всплескивали руками и хлопали себя по бокам. Мужики тоже в первое время скалили зубы. Кобылу одарили этим именем ещё там, в Пермской области, видать, конюх был без ума от самой Аллы Пугачёвой. Хоть кличку кобылы следовало произносить с ударением на первом слоге, да разве татары будут считаться с законами русского языка? Ахияра не пугали старушечьи пересуды, нехай обзывают хоть чёртом, хоть кяфиром, то есть нечестивым безбожником, язык-то у них без костей. Только однажды больно резануло слух, когда местный деревенский придурок Дерми прилюдно, у сельмага сболтнул несуразное, называя кобылу с ударением на последнем слоге. Прозвучало просто кощунственно! Ахияр совсем не хотел подобного богохульства, но на каждый роток ведь не накинешь платок. После этого случая он пробовал дать кобыле другую кличку. До изнеможения, раз сто на дню Ахияр повторял: «Милка, Милка», однако лошадь даже не оглядывалась на хозяина, пока её не окликали прежним именем. Верно говорят, что по характеру домашние животные очень похожи на своих хозяев. Вот и Алла в упряжке не уступала самому Ахияру.

От лёгкого толчка ногой дверь полутёмного загона приоткрылась. Заслоняясь рукавом от яркого солнечного света, Ахияр вышел во двор. Неспешно ступая по мягкому ковру из зелёной лапчатки, прошёл в дом. Голод напомнил о себе. Усевшись за стол, Ахияр сначала смёл рукавом хлебные крошки на краешек, очистил от кожуры увесистую головку лука, посыпал её крупинками соли, положил на ломоть хлеба, с хрустом откусил и с аппетитом стал жевать.

Взгляд его упал на паутину в переднем углу, где среди чёрных точек отчаянно жужжала муха, пытаясь вырваться из цепкого плена, но чем сильнее она билась, тем больше запутывалась. Ахияр безучастно наблюдал за этой схваткой между жизнью и смертью. Вставая из-за стола, ногой задел пустые, слабо звякнувшие бутылки.

Он повалился на неубранную постель у печки, чуть приподняв засаленную подушку.

С тех пор как от него ушла жена, всё валилось из рук. Впрочем, этого следовало ожидать с самого начала. Подобная история произошла не с ним одним. Трудоспособные мужики села Тиресле большую часть года работали на стороне, попросту говоря, нанимались строителями в русских деревнях. Некоторые сходились там с одинокими женщинами и жили по-семейному. А потом появлялись дети. Однако мужики не забывали о своей прежней семье. Ежемесячно посылали домой какую-нибудь сумму, время от времени навещали домочадцев, когда надо было сажать или убирать картошку. Да и зиму они проводили под боком своей законной благоверной. А русская жена где-то на стороне вроде бы и в счёт не шла. Случалось, что молодые неженатые парни сходились, да потом так и не расставались с якобы временными жёнами. На поверку выходило, что в их числе оказывались самые видные, рослые и красивые джигиты села. Ахияр тоже сошёлся с девушкой по имени Валя из деревни Урда. Ах, до чего же сладостны и жарки объятия русской жены! Ахияр как в омут головой нырнул в Валины объятия, да так и не сумел вынырнуть. Бывало, в пять утра, идя на работу, спросонок расшибал лоб о встречные столбы и чужие заборы.

– Давай поженимся, – однажды предложила Валентина сама. – Бросишь эту шабашку, уйдёшь из вашей бригады, вон и Пётр Степанович обещает тебя назавтра же посадить за баранку. Ты погляди на себя, одна кожа да кости. Вы же настоящие рабы! Разве нормальный человек должен так жилы рвать... Коли поженимся, начнём жить по-людски, ты тоже будешь жить нормально, как мы.

К тому времени Ахияр уже похоронил родителей, так что никто осуждающе не ворчал по поводу женитьбы на русской девушке, да и в родном селе не было зазнобы, ждущей его возвращения. Поэтому на предложение Валентины он ответил согласием, хотя сильного душевного влечения к ней и не испытывал.

– Но жить поедem к нам, – выдвинул он своё условие. – Я не брошу отчий дом, там у меня такие хоромы, как дом советов.

– Поедем, поедem, – поспешила его успокоить улыбающаяся Валя. – Коль мы любим друг друга, нам везде будет хорошо. Ведь там тоже Россия...

Ахияр тогда очень обрадовался тому, что не перечат его словам. Крепко обнял пышное тело молодой жены и спрятал сомлевшее от счастья лицо между её налитых грудей, вывалившихся из выреза ночной рубашки, и долго лежал, вдыхая терпкий запах женской плоти.

Свадьбу справили с размахом, шумную и многолюдную. «Пусть все лопнут от зависти, пускай кумушки не судачат по углам, почему, дескать, в мужья выбрала татарина, вот и погуляем от души», – твёрдо заявила Валя. На свадьбу пришёл и Пётр Степанович. Как самого дорогого гостя его усадили во главе стола. Он же произнёс и первый тост, очень хвалил Валю, не позабыл отметить и Ахияра: «Такие парни, как Саша, нам очень нужны. Пусть детишек будет полон дом, а для колхоза подрастёт новая рабочая смена». В довершение своих добрых пожеланий от имени колхоза подарил молодожёнам двух розовых поросят.

Хотя и договаривались о том, чтобы обосноваться в родном селе Ахияра, но быстро тронуться с насиженного места не удалось. Да и чем там заниматься? Постоянной работы никакой, за подённый труд же платили сущие копейки. «Вот подкопим деньжат, тогда и поедem, – решил Ахияр про себя. – С деньгами везде можно прожить».

После свадьбы он не вернулся в свою бригаду, устроился шофёром в колхозе. Зарплата приличная, к тому же кое-что «прилипало» ко дну кузова. А потом у них родился мальчик. Ахияр хотел назвать сына Тимуром, но Валя ни за что не соглашалась. Она не дала ему и рта раскрыть и предложила сама: «Назовём сына Петром! В честь Петра Степановича... Да и председателю будет приятно, авось согласится стать его крёстным. Надо уметь жить, Саша...» Ахияр смолчал, почти привыкший к тому, что последнее слово Валя всегда оставляла за собой. Хотя, по его мысли, имя Тимур должно было устроить их обоих – мало ли татар и русских нынче нарекают детей этим именем... «Вот вернёмся домой, там и переименую, – искал он для себя слабое утешение. – Тогда и Валя не станет артачиться».

Маленький Петя уже как чертёнок носился по дому, а Валя ни разу не заговорила об отъезде. Мало того, она затеяла покупку нового дома, только что построенного односельчанами Ахияра в Урде. Вся в хлопотах и заботах, Валя каждый день бегала к Петру Степановичу... В последнее время с крёстным Пети они стали такими друзьями, ну просто не разлей вода, о чём-то шептались, договаривались. Председатель теперь и сам частенько навещался к ним, прихватив крестнику в подарок то рубашку, то штанишки. Против такой заботы и слова поперёк не скажешь, и Ахияр не стал возражать, когда сына крестили. Он вообще не обращал внимания на такие пустяки. Как говорится, если к приходу мужа обед готов, а жена улыбается, чего ещё желать?

Так он думал... Но со временем привычка Вали делать всё по-своему, вопреки мнению мужа, начала его раздражать. А раздражение, годами копившееся внутри, постепенно превращалось в злость и ярость. Всё чаще вспоминал Ахияр слова покойной матери: «Уж лучше в полымя войти, чем в примаки пойти».

Теперь он редко виделся с односельчанами. Это тоже исподволь бередило душу. Однажды Ахияр решил навестить их. В выходной день он прихватил с собой тряпичный мешок с двумя «белоголовками» и направился к землякам. Встретили его радушно. От души посидели тогда, а Ахияр вдоволь наговорился на родном языке. Слегка захмелевший старик Али – белая кость в бригаде, который не брался за грубую плотницкую работу, а делал только рамы и двери, – негромко, дрожащим голосом затянул народную песню:

Отпустил коня я в поле,
Чтоб зелену травку рвать.
Сам помру, но песнь оставлю
Твою душу надрывать...

Глаза Ахияра увлажнились, из горла вырвался сдавленный крик... Вот помрёт он, а после него и слова не останется... Даже имени... Здесь все его кличут Сашей. Саша, Саша...

– Пётр Степанович что-то зачистил к вам, – повернулся к нему бригадир Рафаким. – Видно, нашёл общий язык с твоей Валею...

Ахияр смотрел на бригадира, на лице которого блуждала издевательская ухмылка, и ждал продолжения разговора. Однако Рафаким, кажется, не собирался попусту ляссы точить, он коротко взглянул на часы:

– Пора на боковую, небось, завтра по календарю русского праздника нету...

Слова Рафакима показались Ахияру обидными, он помрачнел лицом и тоже засобирался домой.

– Где ты мотаешься?! – зло прошипела жена, но тут же осеклась, встретив свирепый взгляд мужа. Валя была умной женщиной и точно знала, когда можно брать лаской, а когда таской, то есть горлом. Зачем зря дразнить гусей, ещё неизвестно, чего ждать от этого молчуна-татарина, если ненароком наступить на его больную мозоль...

– Поедем в мою деревню! – грубо отрезал Ахияр.

– Ладно, ладно, – поспешила согласиться жена. Ничего, авось пронесёт, наутро встанет и как миленький пойдёт на работу, подумалось ей. Однако утром Ахияр встал, выпил полный ковш студёной воды, а потом вернулся и лёг на кровать. Валя оцепенела, заметив его перекошенное от злости лицо.

– Баста! – рыкнул муж. – На работу больше ни ногой, надо собираться, поедем в деревню.

Жена пыталась отговорить его изо всех сил: плакала, умоляла, скандалила, но безрезультатно. Ахияр твёрдо стоял на своём. Упрямый мишарин потихоньку стал собираться в путь. Вечером его вызвали в правление – к Петру Степановичу.

– Кум, да ты, оказывается, надумал бросить нас, – завёл разговор председатель. – А ты ещё раз подумай-ка, хорошенько всё взвесь. У вас ведь там безработица, сам посуди, ваши мужики сюда едут, чтоб здесь спину гнуть. Ну и чего тебе не хватает? Живёшь тут, понимаешь, как у Христа за пазухой. Ну, чего тебе ещё надо? Хочешь, завтра же назначу снабженцем? По разным командировкам будешь ездить, мир повидаешь...

Однако Ахияр недаром слыл тиреслинским мужиком. У них уж если что втемяшется в голову, то ничем оттуда не выбьешь. Кажется, это дошло и до кума. Поморщившись, он махнул рукой и в сердцах бросил: «Дурак!» Мол, сколько волка ни корми, всё в лес норовит убежать.

Деваться некуда, пришлось Вале смириться и последовать за мужем. Погрузив домашний скерб и нехитрые пожитки в председателю машину, двинулись в городок Верещагино – на железнодорожную станцию.

А оттуда тряские вагоны соликамского поезда, постанывая, тронулись в путь и покатали на родимую сторону.

Валя никак не могла свыкнуться с укладом жизни татарской деревни. Любопытные соседки, поначалу наперебой рвавшиеся к ним, чтобы посудачить с русской снохой на её языке, постепенно перестали бывать в доме Ахияра. Сама Валя держалась с ними как бы свысока, а соседки со своим скудным запасом слов русского языка, порядком позабытого после школы, не могли свободно, от души разговориться. Русскую сноху сначала пробовали заставить выйти в поле на прореживание свёклы, а потом послать окучивать картофель, но она с заносчивой улыбкой заявила: «Я ведь не колхозница. Я – медсестра!» Ахияр лишь растерянно разводил руками, а в сельском медпункте свободного места уже не было.

Однажды, вернувшись с работы, Ахияр застал жену у дверей с чемоданом в руке и с одетым в дорогу маленьким сынишкой.

– Ты как хочешь, но мы тут больше оставаться не можем, – запричитала жена со слезами. – Сколько я уговаривала тебя уехать отсюда...

И в самом деле, она ведь ночи напролёт только и делала, что пилила мужа и говорила об отъезде, а он только сопел и молчал. Хотя, честно говоря, мужское ухо только ночью и слышит по-настоящему...

Ахияр сам проводил их до Канаша. Старенький автобус, чихая и кашляя, с натужным рёвом двигался вперёд. Валя, уставшая уговаривать и убеждать мужа, утомлённо прислонилась к окну. Мелькавшие за окном кудрявые лесные опушки, сливавшиеся с горизонтом бескрайние поля, кажется, не радовали её. Всё же, садясь в вагон, она ещё раз обернулась к нему: «Поедем с нами». Ахияр лишь молча отвернулся.

– Ну и живи среди своих вонючих татар! – в отчаянии закричала женщина. – Неблагодарный чучмек!

На Ахияра будто вылили ушат помоев. Не ожидавший такого поворота событий, он, поёживаясь от холода и дрожи, пробиравшей всё нутро, медленно побрёл на вокзал. Не в силах более вынести камнем лёгшую на душу тяжесть, он обернулся назад: из окна вагона протягивал тонкие ручонки его сынок Петя и писклявым голосом кричал: «Папа! Папа!»

Вот теперь эта картина мучила его во сне. Валю он тоже часто вспоминал. Все эти оскорбительные ругательства она выкрикнула не со зла, а от обиды. Если бы не любила, разве приехала бы вместе с ним?.. И в самом деле, какого рожна притащились они сюда? Дескать, хоть и уродина, но своя родина. А кому он тут нужен?

Ахияр встал с постели, подошёл к окну, вытащил из кармана мятую пачку папирос. Но папирос там не было.

Денег тоже не было.

Ахияр решил вновь податься на чужбину. Однако опять нужны деньги. Хотя внутри у него всё плакало и сопротивлялось, но делать нечего, пришлось обуздать свои чувства, – он надумал продать свою кобылу. Но никто из односельчан не хотел покупать её. Даже отъявленный вор и пьяница Атай лишь рукой махнул, дескать, упаси Аллах иметь лошадь с такой кличкой, нет, подальше от греха.

У Ахияра рука не поднялась пустить её под нож. Да и кто из деревенских купил бы у него это мясо?

В соседней чувашской деревне тоже шансов мало продать, чуваша равнодушны к лошадям, конину и за мясо не считают.

Оставить бы кобылу в селе, доверить в надёжные руки... Кто знает, может, он снова вернётся сюда... А потом забрал бы её обратно, выкупил бы.

Кто-то приближался к воротам. Какой-то незнакомец – этого человека Ахияр раньше никогда не видел в деревне. Кажется, тот тоже заметил хозяина, стоящего у окна, его сытая физиономия расплылась в улыбке, и он даже изобразил приветственный жест рукой.

– Ты будешь Ахияром? – бесцеремонно спросил он, обменявшись рукопожатиями. – Это ты продаёшь лошадь?

– А ты кто?

– Из Шыгырдана я. Если продашь, тотчас же увезу лошадь с собой. – Ахияр знал, что шыгырданские мужики исконно промышленяют заготовкой и сбытом мяса, по окрестным сёлам собирают животных на убой, а мясо возят на казанский рынок.

– Кобылу-то кличут Алла, – вымолвил Ахияр, словно бы надеясь на что-то и желая как-то оттянуть решающую минуту.

– Ха, а нам всё равно, как её кличут, – самодовольно усмехнулся шыгырданский мужик. – Ежели произвести убой с молитвой, то мясо всё одно будет халяльным. Ну назови свою цену. Мы платим по шесть рублей за кило живого веса. Деньги я готов отдать хоть сейчас. – Незнакомец выразительно похлопал по оттопыривавшемуся нагрудному карману.

Ахияр всё так же стоял и смотрел на него немигающим взглядом.

– Эй, дядя, ты что, язык проглотил?

– Она в стойле, – хрипло прошептал он в ответ.

Расставшись с Аллой, Ахияр весь извёлся, не находя себе места. Не осмелился заглянуть только в конюшню. Он долго слонялся туда-сюда, а потом сходил в магазин за водкой. В полутёмной избе сидел один и пил горькую. Впрочем, не совсем один, то ему мерещилось, как, протягивая ручонки, к нему бежал Петя, а Валя безудержно смеялась, то Алла встряхивала головой и фыркала, а из её больших лиловых глаз с гнойной каёмкой беспрерывно текли слёзы.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, он тронулся в путь. Автобус отправлялся из Шыгырдана. Хотя до села было километра три, он не стал дожидаться попутной машины, а зашагал пешком. На автобусной остановке с ноги на ногу переминалось несколько мужчин, среди них Ахияр увидел того бойкого мужика, который вчера ночью увёл у него Аллу. К груди подступила тошнота, и это муторное ощущение подбиралось к горлу. Ахияру не хотелось ни здороваться с этим человеком, ни вообще проявлять к нему какой-либо интерес... Однако тот уже успел заметить его и, широко улыбаясь, сам подошёл к нему, словно обрадовавшись встрече с давним знакомым.

– Кобылу-то твою насилиу довели, – первым заговорил он. – Всю дорогу, веришь, оборачивалась и смотрела назад, а сама плачет, бедняжка. Вот ведь как она к тебе прикипела душой.

Ахияру захотелось напоследок ещё раз взглянуть на Аллу, по-людски попрощаться с ней.

– Вы, верно, ещё не успели отдать её на убой, – с надеждой спросил он, вцепившись в рукав бойкого мужика.

– А то как же... – ответил тот, коротко сплюнув под ноги. – Небось, уже мясо довели до Казани.

Рука Ахияра отцепилась от рукава и бессильно повисла как плеть.

– Слышь, а у неё жеребёнок был. – Незнакомец как-то неловко замялся. – Что же ты не сказал, что она жерёбая? Может, я бы подождал, пока он родится, сам бы кормил и ухаживал...

Однако Ахияр уже был не в силах выслушать его до конца. Еле добежав до угла, он руками упёрся о забор и начал судорожно биться в приступах тошноты. И вместе со слюной, стекавшей изо рта узкой струйкой на землю, будто медленно уходила и его душа.

1998

Горя много – смерть одна

Солнце клонилось к вечеру. Хорошо-то как! Целый день он шатался без дела, трепался с дружками. Благо, их в Канаше у него было много. Слегка пошатываясь, он поднялся на пятый этаж, нажал на кнопку звонка своей квартиры. Впрочем, квартира принадлежала его жене – полгода назад он пришёл жить к одной русской женщине. Тоже хорошо! А в народе почему-то говорят: чем к бабе в дом, уж лучше в огонь. Может, раньше так и было... А теперь ничего зазорного в этом нет...

За дверь послышался невнятный шорох.

Вагиз снова нажал на звонок, потом, подумав немного, несколько раз ударил в дверь кулаком:

– Галя!

Неожиданно дверь распахнулась, и оттуда буквально вылетело широкое, покрытое красными пятнами лицо жены. Вагиз невольно попятился, словно на него замахнулись раскалённой сковородой.

– Не пушу! – заверещала женщина. – Надое! Бестолковый, ленивый татарин! Сколько можно тебя кормить!.. – И дверь со стуком захлопнулась.

Тупо постояв некоторое время у двери, Вагиз спустился вниз и не спеша направился в сторону железнодорожного вокзала. Он не волновался: кто-нибудь да пригреет его у себя, может, встретится кто из приятелей. Сразу захотелось есть...

Теперь было нехорошо.

А как славно всё начиналось. Вагиз свою Галю даже в деревню возил. Они под ручку шли по улице. Разумеется, теперь русской женой никого в деревне не удивишь... Но народ всё-таки выходил посмотреть и ахал. А дети так и вовсе следом бежали... Да, удивляться было чему – Галя была выше мужа на целую голову, её огромное тело поддерживалось толстыми, как бочки, ногами. Мать Вагиза, которая всегда твердила: «Не сможешь ты жениться, кто ж за тебя пойдёт», увидев «невестку», лишилась дара речи.

Да, тогда было хорошо.

...На вокзале, как всегда, было полно народу. Вагиз протиснулся поближе к буфету. За столиком поодаль стояли двое и с аппетитом поедали курицу. Посередине стола торчала бутылка. Один из них – узкоглазый, с чёрными волосами, спадающими на выпуклый лоб, сделал Вагизу знак приблизиться.

– Ты, браток, чего такой смурной?

Второй протянул Вагизу стакан, наполненный до краёв водкой. Он, в отличие от первого, был желтоволос и веснушчат настолько, что, казалось, его веснушки вот-вот посыплются с его лица на пол.

Вагиз сказал им правду:

– Жена выгнала...

...Он проснулся от резких ударов по телу. Заплывшими глазами посмотрел по сторонам. Кажется, он спал в коровнике. Только что был на вокзале, а теперь почему-то валяется на соломе в хлеву...

– Где я? – спросил он удивлённо.

– В раю, браток, – рассмеялся Веснушчатый. – Теперь живи себе, забот не знай!

– Вставай, урод! – прикрикнул Узкоглазый. – Третьи сутки дрыхнешь. Вот тебе фронт работ... – Он махнул рукой вокруг себя. – Будешь и доярком, и пастухом... животноводом, одним словом.

Вагиз лениво поднялся. Голова болела так сильно, что, казалось, раскалывается. Коровы, словно выражая своё недовольство, жалобно замычали. Потирая глаза, Вагиз с интересом взглянул на мужиков.

– Вы шутите? – спросил он, всё ещё на что-то надеясь.

И тут же получил от Узкоглазого неожиданный удар в живот. От резкой боли Вагиз словно переломился пополам.

– Ты теперь наш раб! – сказал Веснушчатый. – Понимаешь, что это такое?

Узкоглазый, не замахаясь, ударил Вагиза по лицу. Во рту потеплело, и по подбородку потянулась струйка крови.

– Понял?

– Понял.

Они вышли из хлева. Вокруг, до самого горизонта, расстилалась степь.

Неподалёку какой-то человек, встав на корточки перед висящим казаном, разжигал огонь.

– Сашка! – крикнул Узкоглазый. – Помощника тебе привезли.

Тот, кого называли Сашкой, оказался седым небритым стариком с подслеповатыми глазами. Он был высок ростом и худ настолько, что на спине торчали лопатки. В довершение всего он, кажется, был ещё и глух, потому что переспросил, приложив руку к уху:

– А?

Когда Сашка встал с корточек, Вагиз отметил про себя, что изношенный пиджак висел на старике, как на скелете.

– Вот тебе товарищ. Объяснишь ему что к чему.

– Шурпа сейчас закипит, – сказал Сашка.

Огонь уже всю лизал дно казана.

Тем временем Узкоглазый с Веснушчатым сели в машину и уехали. «Надо бежать», – подумал Вагиз.

– Где мы? – спросил он у Сашки. Спросил громко.

– Не ори... – Старик потыкал палкой в костёр. – Пока ещё на этом свете.

– Здесь поблизости есть какая-нибудь деревня? – Вагиз уже понял, что Канаш остался где-то далеко отсюда.

– Не знаю, – сказал Сашка. – А зачем тебе деревня? Нам отсюда никуда нельзя уходить. Ничего, привыкнешь. Скоро и самому не захочется никуда уходить. Кому мы там нужны. А здесь хорошо: еда есть, ни о чём думать не надо...

«Надо бежать! – подумал Вагиз. – Только куда?»

– Здесь двадцать коров, по десять на каждого из нас, вставать на дойку придётся полчетвёртого утра, – начал тем временем Сашка знакомить с «распорядком дня». – В шесть надо на пастбище. Вечером та же морока. Утром и вечером приезжает машина за молоком.

– Как же я сюда попал? – Сам того не замечая, Вагиз проговорил вслух беспокоивший его вопрос.

– Не ломай голову по пустякам... Жратва здесь хорошая. Вон там спим. – Сашка ткнул пальцем в какую-то хибару возле хлева. – Хорошо здесь... А там, случаем, войн каких-нибудь нет?..

– Где?

– В мире...

– Вроде не слышно.

«В водку налили снотворного!» – осенило Вагиза. Если молоко увозят утром и вечером, значит, где-то неподалёку живут люди.

– Как звать-то тебя?

– Васька.

Перекусив, Вагиз пошёл прямо в степь. «Васька! Не надо!» – кричал ему Сашка, но Вагиз лишь махнул на него рукой. Он шёл и шёл. Солнце жгло темя, по лицу ручьями струился пот. Перед глазами мельтешили сине-зелёные круги. Когда ноги окончательно отказались его держать, он ничком рухнул на землю. Вскоре к нему подъехала машина.

– Куда это ты направился, падла?! – Веснушчатый со всей силой пнул его в живот.

Крепко завязав Вагизу руки, конец верёвки прикрепили к машине и медленно двинулись в обратный путь.

Больше Вагиз не убежал. Привык. И в самом деле – кому он нужен на этом свете? А здесь... еды достаточно, ни о чём думать не надо. И не эта ли самая забота о желудке и водит человека по свету? А смерть – она одна. Это уж когда Господь решит...

...Весть о том, что Вагиз исчез, не разлетелась по деревне со скоростью света. Многие даже не почувствовали, что его нет. Только мать иногда нет-нет да и вспоминала о сыне. Один из его братьев сказал: «Чем торчать бельмом на глазу, лучше ему сгинуть». Им всем он уже давно осточертел. О матери не говорю, матери свой ребёнок никогда не надоест.

– Его, наверно, уже давно убили, – сказал Зиннат-Таракан.

– Нутром чую – жив он, – сказал Наби. Он когда-то с Вагизом вместе учился в школе.

– Может, его перенесли на другую планету? Сейчас это вполне обычный маршрут, – предположил я.

...После тех событий прошло почти пятнадцать лет. Вагиза все забыли. Люди ведь часто теряются. Теперь, кто бы ни пропал, это уже давно никого не удивляет.

Но однажды в деревню приехала шикарная машина. То ли это был «Мерседес»... Спробуйте, кто в ней сидел? Да, да, Вагиз! И не один, а с двумя мужчинами. Это были те самые Узкоглазый и Веснушчатый. Они ни на шаг не отходили от Вагиза. Так, чуть ли не сцепившись вместе, они вошли в дом матери Вагиза. Она тогда уже жила одна.

Как встретились мать и сын после стольких лет разлуки – нам неизвестно. Но, думаю, вряд ли Вагиз прослезился – у него и раньше не было такой привычки.

Сказывали, будто бы Узкоглазый сказал старухе: «У твоего сына золотые руки!» Так, во всяком случае, рассказывали в деревне. Наверно, мать в эту минуту была счастлива. Когда бы ещё она услышала такую похвалу о своём беспутном сыне?

«Мерседес» в деревне пробыл недолго. Кажется, он уехал к вечеру. Только Наби целый день ломал голову, размышляя, зачем Вагиз приехал с двумя незнакомцами через столько лет.

На следующий день и это выяснилось. Оказалось, Узкоглазому и Веснушчатому нужна была справка о том, что Вагиз – человек. Так объяснили в муниципалитете.

2009

Армянская Сююмбике

В окне мелькнуло озабоченное лицо жены. Наверное, завтрак приготовила, вот и беспокоится, чтобы не остыл.

Я ещё раз обошёл вокруг гружёного зерном «КамАЗа», попинал колёса. Вроде бы всё нормально. Машина – «зверь». Груз надёжно укрыт брезентом – не то что на Кавказ, хоть на Памир езжай.

Люблю такие ясные октябрьские дни, когда лёгкая осенняя паутинка нет-нет да и пощекотит лицо, а с гумна тянет неповторимым, единственным в мире дымом сжигаемой картофельной ботвы...

Несмотря на разгулявшийся с утра аппетит, я не спешил завтракать. Вдруг скрипнула калитка, пропуская во двор какого-то скукоженного мужичка. Это был сельский пастух Юсуф. Он потоптался у калитки и, наконец, приблизился ко мне с явно виноватым видом.

– Как дела, сынок?..

Я молча кивнул головой в знак приветствия.

– Вижу, в дальний путь собрался. Кхе-хе... К армянам, да?..

Его гноившиеся глаза утопали в густой паутине красноватых, морщин.

– Чего надо? – грубо оборвал его я.

– Да ничего особенного. Кхе-хе... Ты там наверняка нашу Сююмбике увидишь, а мы тут со старухой письмо ей написали. Может, передашь?

– Отчего же не передать?.. Письмо к дочери – это не ахти какой груз. Конечно передам, лично в руки ей передам.

Хотя не выносил я на дух этого Юсуфа, но при имени Сююмбике смягчился.

Он снова потоптался.

– Мы ей уже дважды письма посылали через местных армян... Не знаю... То ли они не передали, то ли... В общем, ответа нет и нет...

– Я же сказал: передам лично в руки. И ответ привезу.

– Вот спасибо, рахмат, – поблагодарил пастух и почему-то захихикал. – Говорят, армяне живут богато. Ты уж, наверное, насмотришься на них... А от зятка до сих пор ни слуху ни духу... Дни стоят ясные, погожие, а мне дом надо достроить. Ты уж намекни им на это, язык у тебя хорошо подвешен и русский знаешь...

Я поморщился.

– Нашёл богатеев, дядя Юсуф. Богатые не выписывают себе зерно за тысячи километров от дома.

– Не скажи, – возразил пастух. – Отчего же им хлеба не привезти за счёт нашего колхоза? Тем более наш татарин же и повезёт, а армянина рядом с собой посадит, как начальника какого...

«Ты подумай, – удивился я про себя, – ведь верно рассуждает, не пропил ещё, видно, мозги до конца».

Уже лет десять работали в нашем ауле шабашники-армяне. Кто-то из них уезжал, кто-то приезжал, но их бригадир по имени Рафик почти не отлучался из нашей деревни, став почти односельчанином. Армяне жили в кирпичном доме, построенном ими же, а Рафик устроился под тёплым бочком вдовушки Гаухар. Он даже выучился говорить по-татарски, так что его трудно было бы отличить от местного жителя, если бы не его надменность в обращении с другими. Он даже галстук носил на манер начальства.

Первые годы армяне работали споро, дружно. Но сейчас в колхозе то ли деньги кончились, то ли объекты для строительства. Во всяком случае, половина армян занимались какой-

то «мелочёвкой», а другая половина – возведением в райцентре трёхэтажного коттеджа для нашего председателя.

Но доблестные сыны Кавказа не спешили на родину. Да и куда им спешить, если они в конце каждого месяца, судя по блестящим глазам, небезрезультатно, кучковались у кабинета главбуха, тогда как колхозникам зарплату не платили уже несколько месяцев подряд...

По радио и телевидению то и дело передавали о войне в их стране, а тут куда ни сунься – армяне и азербайджанцы, – почти все боеспособные, а кто воюет – детвора, старики да бабы, что ли?..

Рафик спину не горбил, всё около председателя. Гостей из райцентра или Казани встречали на глухой поляне шашлыками, приготовленными лично Рафиком. Говорят, шашлык по-армянски из татарской овцы получается особенно вкусным. Не знаю, не пробовал.

Говорят ещё, что сам глава районной администрации хотел забрать Рафика себе, но наш председатель заартачился: «Что хочешь возьми, – якобы сказал он, – только Рафика не забирай!»

Как бы ни было, а на знаменитый «рафиковский» шашлык приезжали разные начальники, некоторые из них даже с девицами.

Вечером в клубе армяне тоже были желанными гостями.

Мы знали, что сельские девчата давно заглядываются на южных гостей. По правде говоря, не на нас же, деревенских пентюхов, им заглядываться. Армяне ходят прямо, гордо, подбородок – вперёд, и нос... А девки – они для того и девки, чтобы делать ложные выводы методом сравнения.

Конечно, мы, деревенские, злились за это на армян. И у меня руки в кулаки сжимались, да что толку? Кого запугаешь этими кулаками, да ещё спрятанными в карман?

Так и ходили мы, жалуясь друг другу, вынашивая планы мести... И всё же армяне оказались не такими уж плохими. Временами они приглашали нас распить бутылочку-другую, после чего «потеплевшие» джигиты широко улыбались и в доброту душевной готовы были отправить в Армению хоть всех аульских девушек.

Армянам не отказать во вкусе. Их внимание сразу привлекла Сююмбике – дочь пастуха Юсуфа. Особенно увивался за ней один армянин по имени Арсен. Он тенью ходил за ней со своими шоколадками да орешками, но Сююмбике не позволяла провозжать себя ни местным парням, ни жгучим залётным армянам. Огонь-девка. Я тоже был влюблён в неё, но с ней смотрелся балда балдой, не умевшим и двух слов связать.

Вся деревня только и говорила, что о Сююмбике и Арсене. Дескать, влюблённый армянин совсем высох от своих страданий, почти не ест, не пьёт, а всё только о ней, Сююмбике, мечтает. Некоторые хвалили гордую девушку: «Молодец! Порядочная девушка не станет осквернять свой язык болтовнёй с каким-то приезжим!» Однако находились и такие «подружки», что ворчали, сами чуть не лопааясь от зависти и ревности: «Воображает из себя невесть кого! Будто она ханский отпрыск, а не дочь нищего пастуха...»

Стоило только Арсену поманить пальцем, как за ним, наверняка, побежала бы любая сельская девица. А вот Сююмбике не позволяла даже провозжать себя.

Армяне, как известно, настойчивый народ.

Однажды Юсуфа позвал к себе в контору сам председатель колхоза. В кабинете уже сидели Рафик с Арсеном.

– Как живёшь-можешь, дядя Юсуф? – радушно улыбнулся ему председатель, встречая гостя у порога. – Что-то не видно тебя, уж не заболел ли случаем?

Растерянный Юсуф промямлил:

– Да нет... Старуха малость хворает...

На столе появилась водка, остатки знаменитого «рафиковского» шашлыка. (Юсуф потом долго будет хвастать, как его угощали «армянским шашлыком».) Выпили, закусили, выпили...

– Избёнка-то у тебя обветшала, дядя Юсуф, – посетовал председатель. – Ну ничего. В колхоз поступило пять финских домиков. Хочешь, один из них тебе выделю? Живите на здоровье, радуйтесь...

Одеревеневший от алкоголя язык не поворачивался, и бедный Юсуф лишь послушно кивал головой.

– Есть только одно обстоятельство, дядя Юсуф, – продолжал председатель. – Дело в том, что Арсен смертельно влюблён в твою дочь. Ну прямо Меджнун!.. Посмотри, как он высох от любви, несчастный, одни кожа да кости остались. Не ест, можно сказать, и не пьёт. Разве такие – извини, Арсен, – дохляки нужны моему колхозу?!

Председатель засмеялся и дружески посоветовал пастуху:

– Выйдет за него дочь, а мы тебе хорошее приданое – новый дом выделим.

Выпили очередной раз, и Юсуфу ничего не оставалось, как в знак согласия сунуть свою дряблую руку в могучую председательскую...

– Ну ты джигит! – похвалил его председатель. – Понимаешь текущий момент!

Армяне подарили Юсуфу кепку-«аэродром», а его старухе – отрез на платье.

Но пастух эту кепку не надевал – видимо, армянская голова пошире татарского «кочана».

Председатель своему слову хозяин – на следующий же день к избушке пастуха привезли необходимый комплект стройматериалов для финского домика. Оставалось собрать его – и «только»...

Но он до сих пор не собран. Мало того – досок в комплекте поубавилось. Хозяин – человек добрый, покладистый. Отчего не дать за бутылку пару досок? Пожалуйста... А доски в деревне везде пригодятся.

Впрочем, случалось, что ночью доски пастуха исчезали сами собой.

Арсен увёз нежную и гордую Сююмбике к себе на родину. Когда они отъезжали, я по каким-то делам находился возле конторы, и почти физически ощутил на себе резанувший, полный слёз, взгляд Сююмбике. Её припухшие губы шевельнулись, словно что-то сказать хотели. От неё веяло такой безысходностью, что я поспешно понурил голову. Позднее те самые подружки, что обвиняли Сююмбике в «излишней гордости», даже сложили о ней печальный байт. Байт о девушке, которую увозят на чужбину. Таков уж наш народ – он почему-то любит несчастных, униженных, прямо-таки содрогается от жалости к ним...

– И всё же ты намекни им, что я собираюсь дом возвести, – ещё раз попросил пастух, подойдя поближе и обдав меня водочным перегаром.

– Из чего ты собираешься дом построить?! – не удержался я от возмущения.

– Да-да... Стройматериалов не хватает... Но я попрошу ещё у председателя...

– Держи карман шире! – рассмеялся я. – Девка-то уже – тю-тю!

Паутина морщин недовольно всполыхнула, и я уже побаивался, как бы пастух не начал материться. Его ругань практически невозможно остановить, она может шквалом пройти от одного конца деревни к другому. Но старик, кажется, не собирался скандалить.

– Ну, не даст, так буду жить, как раньше жил. Мне уже недолго небо коптить. А финский домик отдам под мечеть. И то дело: везде мечети строят, а у нас – нет. Вчера только говорили об этом с муллой Шарифом. Если народ малость подсобит – будет Шариф, как и положено мулле, при мечети.

...В окне снова показалось лицо жены. Да, пора.

– Ну, ладно, до свидания, дядя Юсуф, – поспешил я отделаться от назойливого старика. – Выполню твою просьбу.

– Погоди-ка... – пастух нерешительно приблизился ко мне и как-то стеснительно попросил: – У тебя не найдётся по маленькой? Как говорится, чтобы дорога была удачной?.. А?..

Он скривился в жалкой улыбке.

– Вчера лишку перебрал...

Я молча отвернулся и пошёл к дому, спиной услышав приглушённый стон сожаления и шаркающие шаги удалявшегося пастуха.

* * *

Из села мы выехали на трёх «КамАЗах». Я – впереди, как более опытный: всё-таки у меня за спиной армейские дороги. Рафик, конечно, сел в мою машину. Он оказался не из разговорчивых, и я обрадовался этому, так как, в отличие от многих шофёров, не любил пустословия за баранкой... Гораздо приятнее предаваться в пути своим сокровенным думам, а если надоест, можно включить музыку.

Скоро я услышал какой-то подозрительный шорох в кабине. Оказалось, мышка! Маленькая, с пол-ладошки. Видимо, попала в машину вместе с зерном и каким-то образом перебралась в кабину. «Сейчас мы её поймаем и раздавим», – засуетился Рафик, но я отговорил его. «Не тронь! – сказал я. – Всё-таки она моя землячка, с нашей деревни!»

Рафик только усмехнулся уголками рта: «Ну ты даёшь! Землячку нашёл...»

В дороге я привык к этой мышке, подбрасывал ей под сиденье горсти зерна и с удовольствием слушал её благодарное хрумканье. Пересекая далёкие чужие земли, приятно чувствовать возле себя хоть какое-то живое существо с родины. Даже если это всего лишь простая мышь.

Мы спускались с гор в долину. Внизу, у подножья горы, раскинулось большое живописное село, при виде которого Рафик преобразился, оживился.

– Вот оно, наше село, – с благоговением прошептал он.

Я удивлённо посмотрел на моего спутника. Да, каждому дорога своя, родимая земля. Но почему же люди покидают этот райский уголок и обрекают себя на скитание в чужой стороне? Почему бы не жить припеваючи среди этих гор, виноградников, садов, попивая терпкое вино и растя внуков?

Почему люди стремятся покинуть свою родину, свою страну? Почему у многих народов нет своей отчизны?

Мы разгрузили зерно, перекусили, и лишь после этого я спросил Рафика о дочке пастуха.

Услышав имя Сююмбике, Рафик тут же перестал улыбаться, окинул меня подозрительным взглядом и, нахмутив брови, спросил:

– Зачем она тебе?

Я ответил как можно равнодушнее:

– Отец письмо ей написал.

– Давай сюда, сам передам.

– Нет, Рафик, – резко сказал я. – После такой дороги, что я скажу её отцу, если не увижу её?

Он с интересом посмотрел на меня. Подумал, наверное, что и среди этих бессловесных татар встречаются джигиты, которым лучше не класть палец в рот.

– Хорошо. Вечером сходим. А пока нужно отдохнуть...

– Нет, – упрямылся я. – Покажи мне дом, я сам её навещу.

Явная растерянность Рафика прибавила мне решимости. Что он может мне сделать? Ничего!.. В конце концов, ему ещё предстоит ехать обратно, в Татарстан.

Он не стал спорить, только пожал плечами и вышел на улицу.

Сухой южный воздух благодатно вливался в лёгкие. Горная долина. Так и хотелось вытащить за хвост ленивый ветер, застрявший в густых виноградниках.

Рафик остановился возле большого дома, окружённого каменной стеной. Потянув за верёвку, вдетую в отверстие калитки, он стал ждать хозяина. На звон медного колокольчика

вышел старый усатый армянин. Они о чём-то затараторили по-своему, размахивая руками, так что не было понятно: то ли они ссорятся, то ли договариваются.

Наконец, старик зашёл в дом.

– Иди сюда, – сказал Рафик, – Сююмбике сейчас выйдет. Только будь покороче. Я здесь подожду.

Я шагнул во двор. Навстречу мне вышла женщина в чёрном платье и чёрном платке. Я не сразу узнал в ней Сююмбике.

– Сююмбике!

Её лицо потемнело, и даже нос, кажется, вытянулся. В общем, девушка из татарского аула Шалки здесь, на Кавказе, стала похожа на сдержанных армянских женщин.

Она остановилась в метре от меня. Я взял её за руку, жёсткую, потрескавшуюся, и слегка пожал пальцы, вздрогнувшие и выскользнувшие из моей ладони.

– Исәнме... Здравствуй...

Чтобы снять возникшую напряжённость, я попробовал пошутить.

– Надо же! А в деревне говорят, будто тебя держат взаперти с отрезанными ушами и носом... Но ты всё такая же красивая!

Сююмбике лишь тихо, печально вздохнула. Какой же я кретин, разве можно так шутить!

– Я письмо привёз от твоих родителей.

Она быстренько спрятала на груди помятый конверт и спросила:

– Как они там?

– Хвала Аллаху! Дядя Юсуф хочет финский дом собрать. Вот только досок не хватает. А в колхозе уже пять месяцев зарплату не дают.

«Зачем всё это ей говорю? – подумал я. – Какой толк от дома, который никогда не будет построен, и где никогда не будет слышен смех Сююмбике?»

– Три года, как уехала, а родителей ещё ни разу не навестила.

Она беспомощно улыбнулась.

– У меня же двое детей. Как с ними в такую дальнюю дорогу выехать?

– Мальчики? Девочки? Как зовут? – я изо всех сил старался поддержать разговор.

С материнской радостью в глазах Сююмбике ответила:

– Мальчики. Тигран и Вазген. Сейчас спят, а то бы показала.

– И Арсена не видно...

– Он в Карабахе... воюет. Уже год нет от него вестей, – шмыгнула носом Сююмбике.

«Когда же она в дом пригласит?» – думал я, по наивности думая, что здесь так же гостеприимны и радушны к гостям, как в нашем ауле. Но Сююмбике вовсе не горела желанием пригласить меня на чашку традиционного чая. Она нервно потирала руки и беспокойно поглядывала по сторонам.

Что ж... Пора и честь знать... Говорить, кажется, уже не о чем. Неужели она родителям ничего в гостинец не пошлёт?

– Ну, ладно, прощай, что ли... А-а... Магазин где у вас? Надо бы продукты в дорогу, гостинцы домой закупить...

Она вяло махнула рукой куда-то мне за спину: «Та-ам...»

И вдруг во мне словно бес проснулся. Какая-то глупая надежда всколыхнула мне сердце, и я тихонько и горячо позвал её:

– Сююмбике! Собирайся, я увезу тебя домой!

Она не успела ответить, потому что в дверях появился тот усатый старик, видимо, её свёкор, и что-то сказал по-армянски, энергичными жестами зовя её к себе.

– Передавай привет! – упали на порог последние слова Сююмбике, за которой закрывались, словно створки раковины, тяжёлые двери крепкого армянского дома.

* * *

На следующий день мы выехали в обратный путь. Отжав муфту сцепления, я услышал какой-то писк, доносившийся из-под педали.

Это моя бедная мышка, «землячка», за время дороги освоившая кабину как свою нору, – ну надо же, из-за утраченной осторожности и рискованно приобретённой смелости попала под нажим педали...

Вот так бывает... Тысячи километров проезжаешь благополучно, преодолеваешь много трудностей, и вдруг случайно гибнешь по нечаянной вине своего же земляка и товарища...

Остановив машину, я облокотился о руль и закрыл кулаками глаза. На душе было тоскливо. Однако времени на чувства не было: сзади стали сигналить машины. Я открыл дверцу кабины и пинком сбросил окровавленное тельце мышки на пыльную армянскую землю.

«КамАЗ» взревел и рванулся вперёд. Горные гряды постепенно уменьшались, таяли за спиной. Впереди меня сиротливо ожидала родина.

1997

Женщина с дурным глазом, или Месть через любовь

Те, кто видел новую лошадь Шакура-абзый, целых три дня не могли прийти в себя от изумления. От коня глаз нельзя было отвести. При беге гибкое туловище его грациозно вытягивалось, копыта летели, едва дотрагиваясь до земли. Мы, желторотые мальчишки, заворожённо смотрели на это чудо природы, ощущая в себе непонятное, неизведанное ещё чувство прекрасного, возвышенного начала. Кажется, даже кровь в наших жилах текла быстрее и горячее при взгляде на коня. И кличка у него была редкая, живописная, напоминающая старинные бабушкины сказки, в которых прекрасные перы перемежались со страшными семиголовыми драконами. Когда Шакур-абзый ласково обращался к своему новому четвероногому другу, в груди нашей что-то теплело. А звали коня – Фархадом.

Пацанами мы постоянно шныряли около дома и двора Шакура-абзый. К конюшне мы, понятное дело, даже приблизиться боялись. И было чего бояться. Как только к конюшне приближался чужой человек, Фархад раздувал ноздри, бил копытом и тонко ржал... И только завидев хозяина, он с удовольствием протягивал ему свою шею и, закрыв глаза, ждал, пока его почешет ласковая рука сурового мужчины. Шакур-абзый кормил его сахаром, гладил по морде, по холке, шептал ему нежные слова. Впрочем, это и не удивительно, ведь Шакур-абзый – всё равно что Бог для лошадей. Ну не Бог, так добрый дух. Даже полудикие, горячие нравом необъезженные жеребцы тут же смиренно затихали, стоило только протянуть к ним руку этому невысокому, широколицему мужику с жиденькой бородкой. Не зря в народе говорили, что в Шакура «бес лошадиный вселился».

Его сын Сабир был под стать отцу – жить не мог без лошадей. Благородные животные также отвечали ему взаимностью. Увидев на пастбище дочерна загорелое лицо Сабир, кони с радостью подымали хвосты и галопом мчались к своему любимцу. Вечерами Сабир водил отцовских лошадей на водопой и купание, любовно мыл каждую лошадь. К реке и от реки он мчался даже не верхом, а стоя на спине лошади, гарцуя, как циркач, всем видом как бы говоря: «Смотрите, вот я, сын знаменитого коневода Шакура, будущий знаменитый коневод Сабир!» Хотя от их двора до реки вела прямая дорога, Сабир гнал лошадей обходным путём, мимо Лапотной горы через верхнюю часть села. Причиной этого была не столько бравада джигитовки, сколько одна женщина, жившая на краю села, но только в нижней части, вросшей в землю избушке. Никто не видел, чтобы она куда-нибудь выходила из дому или как заходила домой. Впрочем, возможно, просто не замечали или не хотели замечать. По пути на речку мы наблюдали иногда в окне избушки очертания лица этой странной женщины. Сельчане старались обходить стороной этот домишко, ибо в ауле бытовало поверье, что у хозяйки этой избы дурной глаз, причём дурной как бы наоборот. Считалось, что человек или скотина, которыми она восхитится, то есть посмотрит на них с радостью, непременно попадут в какую-то беду: заболеют, а то и вовсе помрут, если им не поможет опытная ворожея. Поэтому и мы, пацаны, старались бегом пробежать мимо этой заколдованной избушки с подслеповатым окном. Только пятки сверкали!

И лишь мой друг Хайруш не верил этим слухам, смеялся над «бабушкиными фантазиями». Спрашиваю: «Почему же взрослые опасаются близко подходить к этому дому?» «А что им в этой стороне делать? – отвечает друг. – Ведь они не бегают к реке купаться или загорать». Действительно, домик местной колдуньи стоял на отшибе, и сельчане могли месяцами не появляться здесь.

«Может, в этом доме вообще никто не живёт?» – предположил Хайруш, – может, там черти поселились? Слушай, айда сходим туда ночью, проверим».

Ага, нашёл дурака!

Однажды Сабиру вздумалось погнать Фархада на купание мимо дома «колдуньи», через нижнюю часть села. Видно, так суждено ему было на роду.

Недавно мы слонялись возле двора Шакура-абзый. На скамейке в саду он вёл чинный разговор с соседями. Сам только что вышел из бани, распаренный, красный, как варёный рак, довольный, свежий. Махровое полотенце ещё висело у него на плече, рубашка распахнута, седые волосы густо серебрились на груди. Он был вполне счастлив – в конюшне тонко ржал сытый Фархад, и Шакур-абзый тихо вторил ему довольным смешком. В воздухе плыл головокружительный аромат яблок.

Разговор, естественно, вился вокруг Фархада.

– К следующему Сабантую будет готов, – высказал предположение дядя Сафар, и потёр рукой лоб, чтобы скрыть завистливый взгляд в сторону конюшни. – Животное благородное, не наших краёв, иноземных кровей. Издалека видно...

В селе поговаривали, что Шакур увёл этого жеребца у Шайми-бая, живущего где-то под Казанью... А тому баю, говорят, этого жеребца подарил сам «султан туркменский». А что? Очень даже может быть. Знающие люди говорят, что жеребец этот – ахалтекинской породы.

Дядя Сафар и сам нет-нет да и пригоняет откуда-то весьма неплохих лошадей, отличает их с закрытыми глазами. Слово коневода Сафара стоит дорого. Поэтому Шакур лишь довольно посмеивается над словами уважаемого Сафара-ага.

К разговору подключается Шешам-абзый.

– Как, говоришь, его кличут, Шакуретдин?

Шешам был стар, тощ, жёлт, вдобавок у него тряслись руки. Говорят, в молодости он украл коня где-то в России, его увидели, долго за ним гнались. Шешам сумел переправиться через весеннее половодье, спасся, но с тех пор руки у него трясутся.

– Фархад! – торжественно объявляет (в который раз!) Шакур.

– Не к добру давать человеческое имя животному, – покачал головой Шешам и, пряча дрожащие руки, побрёл к своему домишке. – Ох, не к добру...

– Ха, старый хрыч, – беззаботно заметил ему вслед Шакур. – От тебя путного слова не жди.

Но Шешам оказался прав. Пророчество его вскоре подтвердилось. Не прав оказался именно Шакур, каким бы умным он ни казался.

Однажды Сабир, как уже было сказано, решил погнать Фархада на купание через нижнюю часть села. Он стоял босыми ногами на спине ахалтекинца, ловко гарцуя и весело посвистывая. Мы побежали следом – так притягивало нас зрелище купающегося чудо-коня. Ахалтекинец!

Хайруш вдруг потянул меня за край рубахи. Оказывается, мы бежали мимо дома «колдуньи». Занавеска на окне, кажется, дёрнулась.

– Ах! По-моему, она увидела Фархада! – сокрушённо взмахнул рукой приятель.

В то время я не обратил внимания на его слова. А если бы и обратил – что изменилось бы?

Река светилась тёплым закатом. В малиновой воде купался Фархад, и его тонкое ржание изумительной мелодией разливалось по округе. Сабир что-то говорил своему питомцу, и конь согласно кивал узкой изящной мордой.

...А наутро весь аул облетела злая весть: Фархад заболел!

Услышав эту весть, мы прибежали к подворью Шакура-абзый. Там уже собралось немало народу. Тихо, будто ждали выноса мёртвого тела. С трудом протиснулись мы поближе к ахалтекинцу: глаза его уже закатывались, из-под губ выступила пена, розовая, как закат.

– Не иначе, как та ведьма сглазила, – пробурчал Шешам-абзый.

– Гнать её нужно из села, – сказал кто-то.

И только Шакур-абзый молчал. Вместе с несколькими мужиками он погрузил мёртвого Фархада на арбу и поехал на скотомогильник. Гордость села, всей округи, всего района – благородного ахалтекинца – тянула в последний скорбный путь обыкновенная деревенская кляча.

Мы улеглись на траве, в тенёчке под забором.

– Шакур-абзый не даст спуска этой ведьме, – заверил Хайруш, облизывая потрескавшиеся губы. – Вот увидите: он накажет её.

Сабира не было видно ни во дворе, ни на улице. На другой день возле их дома остановился тарантас, из которого вышел очкастый бородатый человек с портфелем.

– Саквояж... Доктор, – прошептал Хайруш.

Слова-то какие знает. Понятно: сынок учителя.

– Здравствуйте, Антон Павлович, – приветствовал человека Шакур-абзый и даже поклонился.

Да-а... Шакур далеко не перед каждым склоняет свою гордую голову.

«Доктор приехал осмотреть Сабира», – вдруг подумали мы. Ведь родные боялись, как бы подросток не сошёл с ума от горя. Говорили, что он лежит целыми днями неподвижный, глядя в потолок, ничего не ест, не пьёт. Считает, наверное, себя виноватым в гибели Фархада. Спрашивается, какая нечистая понесла его в тот день через нижнюю часть села? «Чёрт попутал», – утверждает Хайруш.

Оказывается, Шакур вызвал весьма известного доктора. Как бы то ни было, а через несколько дней похудевший, осунувшийся Сабир вновь появился на улице. Правда, с нами уже не здоровался, взгляд его был опущен, потеряян.

– Что-то он задумал, ребята, – многозначительно сказал Хайруш, и от его слов у меня словно мороз по коже прошёл.

Да, по всему видно, назревали события. К вечеру, когда уже смеркалось, Шакур-абзый сунул что-то под мышку и направился в нижнюю часть села. Мы с Хайрушем переглянулись, не зная, что сказать, хотя и поняли, что он отправился к «ведьме». Что же он нёс под мышкой?

Тихонько пошли мы вслед за Шакуром-абзый. Дверь избушки скрипнула, и бывший владелец ахалтекинца нырнул в логово сатаны.

– Пошли к окну, – потянул меня Хайруш.

– Ой! – испугался я и задрожал, как руки старого конокрада Шешама.

– Да ты трус! – Хайруш презрительно отвернулся и пошёл к окну.

Ну и трус... И что?.. Забоишься тут... Если эта ведьмовка почует... Если взглянет... Всё-таки перед другом не хотелось позориться, и я, собрав остатки смелости, шагнул к окну. Кроме того, ужасно хотелось знать, что делает в этой конуре Шакур-абзый. Так хотелось – терпения нет!

Я тоже прильнул к окну. Они сидели за столом напротив друг друга. Доносились голоса. Впрочем, кажется, говорил один Шакур-абзый.

– Сколько лет уже я не могу забыть тебя.

Он развернул принесённый свёрток. Показался отрезок красной шёлковой ткани. – Вот... Принёс... Красное, как наша молодость...

В ответ ни слова.

– Сколько лет уже снится мне по ночам твоя стройная фигура, – продолжал гость. – Ты сама не знаешь, насколько ты красива. Никого нет в селе красивее тебя. Брови будто пером писаны, глаза словно звёзды на небе, губы спелые, как ягоды. Посмотри на себя в зеркало, и ты поверишь моим словам.

Она обернулась и посмотрела на засиженное мухами треснутое зеркало. Он продолжал:

– Скрываешь от людей такую красоту.

Ни слова в ответ.

Шакур встал и направился к двери. На пороге обернулся и сказал, как застонал:

– Я тебя никогда не забуду.

Махнул рукой и вышел. Как только Шакур вышел, она подошла к зеркалу, примерила на себя ткань, причесала волосы. Мы не дыша следили за ней. Уже стихли шаги Шакура-абзый.

Женщина вдруг громко засмеялась. В её смехе чувствовалось какое-то торжество, даже толика злорадства. На нас словно холодом повеяло. Не помня себя, кинулись мы бежать восвояси.

Немного отдышавшись, я удивился:

– Неужели Шакур-абзый любит эту ведьму?

Хайруш шмыгнул носом:

– Здесь явно что-то неладно. Шакур запросто так даже кучку соломы не поворочит.

Причём здесь солома? И где здесь неладно? Мы же собственными глазами видели, как Шакур-абзый объяснялся ей в любви. Ну да, и слышали всё. Конечно...

На другой день мы только и думали об этом. Шакур абзый открылся перед нами с совершенно неожиданной стороны. Сказать другому, не поверит.

– Здесь какая-то тайна, – заявил Хайруш, привыкший думать основательно.

С наступлением темноты, как было договорено, мы снова пошли в нижнюю часть села. История шакуровской любви затмила даже трагическую гибель прекрасного ахалтекинца. Ладно – мы. Но как мог Шакур-абзый так быстро забыть смерть своего любимого скакуна? Тем более, что говорят, будто эта зазноба-ведьмовка и погубила скакуна. Мы снова прильнули к подслеповатому оконцу отверженной избушки.

Женщина... Она стояла перед зеркалом и что-то напевала вполголоса. На ней струилось алым цветом роскошное шёлковое платье.

И тут что-то случилось – лицо женщины исказилось какой-то мукой, руки безвольно повисли, и она упала на пол в конвульсиях. Потом затихла. Из рта выступила кровь, будто кусочек ярко-красного шёлка.

От страха мы онемели, а опомнившись, побежали к мулле Аптерахману.

На другой день несколько стариков понесли умершую женщину на кладбище. На отпевании покойной Шакура-абзый не было...

2002

Дырка от бублика

Когда я оказался в райцентре, дождь, всё ещё не желая сдаваться, посыпал землю мелкими, холодными капельками. Надо же, так не везёт! За поворотом, оставляя за собой клубы сизого дыма, скрылся последний автобус, который проходит через нашу деревню. «Чёрт возьми!» – сплюнул я на землю. Эти слова срываются с моего языка, когда я особенно раздосадован. Стараясь ступать по траве, я направился в сторону асфальтовой дороги. Пойду пешком – кто знает, может, подберёт какая-нибудь попутка...

Не успел прошагать и пяти минут, как позади замаячила серебристая машина. «Отойдука в сторону, новые хозяева жизни не станут уговаривать – окатят грязью, мало не покажется!» – с этими мыслями я отступил назад и без всякой надежды поднял руку.

Смотри-ка, остановился...

За чернотой тонированных стёкол не разберёшь, кто там внутри. Открыл... и на тебе: Камиль – друг детства! Точно он, но каков гусь! Скажешь, большой кабинетный начальник. Нехотя кивнув, махнул рукой, мол, садись! Бросил взгляд на мои мокрые ботинки – не запачкают ли они салон?

– Домой? – первым завёл он разговор.

Про Камиля говорили, что работает на бензозаправке, что поймал за хвост птицу удачи, катается как сыр в масле. Завидуют люди, конечно. Разве могут у нас искренне радоваться чужому счастью? Могут, наверное. Есть такие чудачки. Только я их не встречал...

Камиль вновь пронзил меня взглядом.

– Чё не на машине?

Только хотел сказать, что машины у меня не было и в помине, как Камиль сказал:

– Да, бензин нынче дорог. – И непроизвольно облизнул губы.

Видать, не бросил он эту свою детскую привычку. Да надо ли? Сейчас она ему даже к лицу. А что скажешь против хозяина такой крутой тачки? Даже если он языком будет облизывать не губы, а собственные уши, скажешь «молодец!» и всё.

– Машина у тебя классная! – продолжил я беседу.

Этот комплимент должен был ему понравиться – уж я-то его знаю! И в самом деле, Камиль широко заулыбался, его глаза счастливо засияли.

– Ещё бы не классная... Купил у одного мужика, который привёз её из самой Америки. В Москве, через знакомых. Как тебе?

– Супер!

– Видел тебя по телеку как-то. Кажется, в воскресенье. В другие дни смотреть нету времени. И часто светишься в ящике? В тот раз, кажись, был в белой куртке.

– Не часто, – отозвался я и добавил: – Когда случайный ветер занесёт.

Долго ехали молча. Через некоторое время Камиль вновь завёл разговор:

– А твоя – иномарка?

– Что?

– Машина твоя, говорю, иномарка, что ли?

– У меня нет машины...

– Что? – Камиль посмотрел на меня с недоверием. – Не ври... Как так: писатель, и нет машины? По телевизору тебя показывают. Ладно я, даже родственники в Канаше тебя видели. Голос, говорят, у него точь-в-точь отцовский. Не врут... Отец твой нашим учителем был. Что уж преподавал? Географию, кажется?

– Да...

– Что думаешь о Саддаме Хусейне?

Я пожал плечами.

– Ничего не думаю.

– Хитрец мужик... Как думаешь, расстреляют?

– Не знаю...

– Всё равно в тюрьме замочат. Как Салмана Радуева.

– Такие не умирают своей смертью, – сказал я глубокомысленно. В подобных случаях стараешься как-то поддержать беседу...

– А тот, которого арестовали, интересно, он не двойник его? Про Гитлера вон говорят, что живёт в своё удовольствие в Америке...

– До сих пор?

– Такие живут долго. Если бы Берия не прихлопнул Сталина, до сих пор бы житья от него не было. Помощнички-то его чуть ли не до ста лет дожили.

– Телевизор много смотришь. Хотя и говоришь, что времени не хватает, – заулыбался я.

Телевизор! Чёртов ящик! Вот чему должна быть «благодарна» татарская нация. Старухи, которым надо думать о намазе, распустив слюни, радуются бестолковым сериалам. Кафиры не поклоняются так своим иконам, как мы поклоняемся телевизору.

Машина резко затормозила. Обиделся, что ли, Камиль? Чем чёрт не шутит – оставит здесь и уедет. Видно, что стал он совсем другим человеком – по неторопливым и ленивым движениям пальцев видно.

– Слышал, что Самигулла погиб?

– Какой Самигулла?

– В классе у нас был только один Самигулла...

– Да...

Вот так бывает. Услышишь неожиданную весть о смерти знакомого человека, и верить не хочется. Хотя с годами начинаешь привыкать к уходу близких... А смерть кого-то чужого, со стороны, вообще не вызывает никаких чувств. Что сказать? Стоишь на краю могилы знакомого, и пронзает тебя мысль: «А долго ли ты ещё будешь топтаться на этой земле?» Душа вздрагивает, но вскоре забываешь об этом. Захватывает жизненная суета... нацепляешь на лицо маску, бежишь туда, сюда... врёшь, сам обманываешься. Один раз выигрываешь, десять раз проигрываешь. И выясняется в конце концов, что главный проигрыш – это наша жизнь.

Так мы живём, так существуем. Бессмысленно, бестолково. Не знаем ближнего своего, не знаем, не ценим самих себя. Поняв, что ходим по замкнутому кругу, говорим – мы боремся! Боремся... с кем, за что? И рано или поздно этот порочный круг разрывается...

Самигулла... Сирота... воспитывался бабушкой. Как уж её там звали? Высокая, худая, руки, словно высохшие ветви. Близко посаженные, колючие чёрные глаза – время ещё не осветлило их. Крупный нос говорил о том, что в её породе намешана дальняя южная кровь. На голове всегда чёрный платок. Побаивались мы её. А Самигуллу при виде бабки прямо дрожь пробирала – держала она его в ежовых рукавицах. Да как же её звали, эту старуху? Трудно они жили, нуждались во всём. Мать Самигуллы умерла сразу после родов. Сколько лет прошло с тех пор, как его мать простилась с этим бранным миром... Отца, кажется, у него не было. Впрочем, что это я? Да разве без отца появился бы Самигулла на белый свет? Говорят, отец лётчиком был... Взорвался вместе с самолётом. Впрочем, таких «детей лётчиков» у нас в деревне было ещё несколько.

– Вот здесь, – сказал Камиль.

– Что – здесь?

Камиль посмотрел на меня с недоумением.

– Так ты ничего не знаешь?

– Ничего... – Стараясь удобнее устроиться, я заёрзал на своём сиденье.

– Он въехал на своей машине вот в этот столб...

Вдоль дороги стояли бетонные опоры фонарей. Ближайший столб покосился, а в одном месте виднелось что-то вроде вмятины. Можно представить себе, с какой скоростью он гнал, если чуть такой столб не обрушил.

– Так он машину купил?

– Только что. «Девятку»... Красную... – Камиль тяжело вздохнул. – А ведь я собственными глазами видел, как он разбился. За ним ехал...

– Да что ты говоришь!

– Ну!.. Ещё в райцентре встретились. Я стоял и разговаривал с Наби. Помнишь его? Тоже с нами учился. Лесом он сейчас торгует, джип купил, слышал, наверное... Из Казани привёз... Он бы за машиной, как я, в Москву поехал, да по-русски два слова связать не может. Школу закончил, а читать толком не научился. Припоминаешь? Подъезжает красная «девятка». И что? Провалиться мне на этом месте! Не спеша выходит из неё Самигулла! Улыбается, конечно. Рот до ушей. Прикинь? Наби вытаращил зенки и смотрит. Да... картина. Самигулла – и машина... красная. Ты же знаешь, как он рос? За ноги поднимай и трясись – блохи дохлой не вытрясешь. В последнее время в Казани работал, не бог весть кем – что-то типа сантехника...

– Он один ехал?

– Один. Это к лучшему... Жена, дети... Все бы превратились в месиво. Ну вот. Увидели мы его. Что говорить – удивились, конечно. Обмыть надо, говорим, тачку. Сами уже подогретье, но так, слегка...

– Самигулла же не пил? У него же сердце большое было!

– Ты же знаешь Наби, он прилипнет – не отлипнет. Зашли в рюмочную. Обмыли машину. Чуть-чуть... Классная была тачка... красная... грохнулась. В хлам!

– Хорошо, видать, обмыли!

Камиль вышел из машины, следом выбрался и я. Ступая по примятой, испачканной то ли маслом, то ли сажей траве, подошли к столбу.

– Десять дней как похоронили Самигуллу... Он поехал первым, мы с Наби за ним следом... Колонна друзей молодости, прикинь! Стемнело уже. Смотрю – машина Самигуллы вылетает туда-сюда. Потом резко повернула и прямо в этот столб – бах!

Закружилась голова, я невольно облокотился о столб. В четырёх-пяти шагах в траве валялось что-то жёлтое. Подошёл ближе: это был обломок бублика...

– Что нашёл? – спросил Камиль.

Я развернул ладонь, на которой лежал кусочек бублика.

– А-а... гостинец бабушке. Любит она с бубликами чаёвничать. Вот он и купил...

...Лет десять, наверное, с тех пор прошло. Занесло меня как-то в Канах. Самигулла тогда там учился в каком-то профтехучилище. Сойдя посреди ночи с казанского поезда, я не знал куда податься. Делать было нечего, пришлось пойти в общагу, в которой он жил.

Несмотря на то, что я разбудил его, Самигулла встретил меня радостно, он вообще улыбочивый был. Его радость передалась и мне, ведь мы со школы не виделись.

О чём говорили? О чём могут говорить два неженатых молодых парня?

– Так, Ркаил, завтра вместе поедem домой, – сказал Самигулла. Его длинные ресницы дрогнули, будто в смущении. – Вот... купил бабушке бубликов.

Я обернулся: на гвозде возле полки с посудой висела связка бубликов.

– Завтра только среда. Как с учёбой? Проблем не будет?

Самигулла лишь махнул рукой.

– Со-ску-чил-ся...

Как всё же звали эту старуху? Неужели он так любил её? Взрослый уже парень. В таком возрасте родственные чувства ослабевают, их заменяют другие чувства – хотя бы к девушкам, например...

Самигулла как будто прочёл мои мысли:

– Бабушка, сам знаешь, воспитывала меня строго. Да и сейчас, чуть что – схватит палку, долго упрашивать не будет. Только... Нет у неё на всём белом свете человека ближе, чем я. Да и у меня нет. Стараюсь каждую неделю ездить домой. Всё мне тут надоело... Городские пацаны пристают, требуют, чтобы делился бабками. – Наклонив голову, он чуть улыбнулся: – Я же безобидный, сам знаешь.

И в самом деле, совсем безотказным был этот Самигулла. За пряниками и конфетами в магазин гоняли его. Так уж люди устроены: стоит дать слабину, и даже самый близкий, родной человек готов сесть тебе на шею!

Я не стал влезать к нему в душу, утешать и успокаивать. Какой прок от этого? Всё равно, что сыпать соль на рану...

– Не по одной только бабке соскучился, наверное?

Самигулла, покраснев, опустил голову.

– У Алии завтра аулак ий...

Ага! Вот в чём секрет... Я, конечно, слышал о неразделённой любви Самигуллы. Он был равнодушен к одной девушке из нашей деревни. Звали красотку Гульчачак. Впрочем, равнодушен – это слабо сказано. Он втрескался в неё по уши.

Что там происходит на аулак ий? Молодёжь собирается, когда родителей нет дома, начинаются игры, гадания на кольцах, ещё что-то... Уже забылось. Наигравшись, наплясавшись, парни вызывают понравившихся им девушек «на разговор». Помощниками в этом деле служат младшие мальчишки и девчонки. В один из таких вечеров и Самигулла «вызвал» свою Гульчачак...

Этот «разговор» – сам по себе интересная тема. О чём говорить, например, с девушкой, с которой и так встречаешься каждый день? В былые времена разговаривали через дырку в заборе. Девушка – на крыльце, парень – снаружи. В моё время молодёжи уже можно было рядом постоять, хотя девушки за руку взять себя ещё не позволяли. О чём-то большем мы не думали и не знали. Да и откуда? По телевизору тогда крутили разве что фильмы о войне с немцами. Не то что сейчас, когда «про это» известно в подробностях любому мальчишке.

Говорят, что Самигулла долго ждал Гульчачак. Парни, которые вызывали своих возлюбленных «на разговор», болтали с ними про всё подряд. Выясняли, сколько у тех в хлеву телят, сколько пеструшки несут яиц, и с гордо задранной носом возвращались домой: мол, мы теперь не просто шантрапа уличная, мы теперь с девушками общаемся и даже тайком касаемся их тела. Вот как! А Самигулла? А Самигулла так и простоял весь вечер в ожидании, да впустую...

На следующий день «сарафанное радио» разнесло по деревне слова Гульчачак: «С какой стати я выйду к этой несчастной сироте казанской?»

Эти слова наверняка донеслись и до Самигуллы. Не донеслись, так донесли...

В тот вечер в общежитии он, словно прочитав мои мысли, сказал:

– Не могу забыть её. Сам себе удивляюсь...

...Камиль пробормотал:

– Говорят, что его сердце остановилось ещё до удара... – И зашагал в сторону своей машины.

– А что, молодёжь до сих пор собирается на аулак ий? – спросил я.

Камиль посмотрел на меня, как на сумасшедшего. И как-то противно ухмыльнулся:

– Деревня уже давно переплюнула город! Вы что там в Казани, думаете, что деревня живёт по-старому? Да? А Самигулла... Самигулла каждый раз, как навевался, спрашивал о Гульчачак. Бедняжка...

– Как она сейчас?

– Гульчачак? Сто лет в обед как осыпался этот цветочек. Что в ширину меряй, что в длину – всё одно. На руках двое детей, муж на шабашке. Строит коттеджи казанским бога-

чам. – Слегка пнув по колесу машины, Камиль нервно облизал губы. – Ныне на неё никто даже сморкаться не будет.

На въезде в деревню притормозили возле похожего на амбар здания, «на лбу» которого красовалась надпись «Юлдаш».

– Курево закончилось, – пояснил Камиль.

Я пошёл за ним.

– У нас сейчас таких магазинов около десятка...

В пустом магазине сидела полусонная тётка мрачного вида. Полки завалены колониальным товаром – водкой, минералкой, соками.

– Бублики есть? – спросил я.

Тётка отреагировала на удивление быстро – поднялась и всей своей массой чуть не навалилась на меня.

– У нас всё есть. Главное, чтобы деньги были.

Камиль, вероятно, расценил мой вопрос как чудачество.

– Я домой. Ты уж дальше сам как-нибудь, – сказал он.

– Конечно, конечно, – отозвался я.

Мы разошлись. Закинув на плечо связку бубликов, я побрёл по улицам деревни в тот конец, где жила бабушка Самигуллы... Как уж её там звали?

Её дом я увидел ещё издали. Маленький такой, словно гусёнок, готовый вот-вот нырнуть в речку. Пройдя через калитку, я на ощупь взобрался на крыльцо и вошёл в сени.

Изнутри послышался слабый голос:

– Кто там?

Я коснулся выключателя возле двери, и в комнате вспыхнул безжалостный электрический свет. Среди голых стен на деревянной кровати, поджав ноги, сидела бабушка Самигуллы.

– Самигулла?..

– Это... это я, бабушка, Ркаил, друг Самигуллы. Вот принёс небольшой гостинец, – и протянул ей бублики.

– Самигулла-а...

– Нет, это не он. Я...

– Где ты шлялся до сих пор, чёртов мальчишка?

Старуха протянула ко мне свои смуглые пальцы с длинными ногтями:

– Иди сюда, пропащий. Вот я тебе сейчас надеру уши!.. Коза вон с голоду скоро подохнет.

Деньги привёз?

Я невольно отступил назад.

– Где палка? погоди, всыплю тебе сейчас по первое число! – И тут же начала жевать беззубыми дёснами один из принесённых мною бубликов. В этот момент разорвалась бечёвка, и все бублики разлетелись по полу, словно золотые монеты...

Я выключил свет и вышел наружу, оставив позади дрожащий голос старухи:

– Самигулла!..

2004

Врата

Мустафу знали как первоклассного мастера по изготовлению ворот из дерева. Под стать ему – только дядька Минап из соседней деревни Урмай. Люди верили, что врата, сделанные Мустафой, приносят счастье. Бабка Минжихан говаривала: «Если собираешься вершить большие дела, выйди в ворота, которые Мустафа поставил, и непременно будет удача».

– Уж все в деревне с новыми воротами! Все, кроме нас, – ворчала жена Мустафы. – Сапожник без сапог!

Через пару дней Мустафа отправился в Урмай, нанять дядьку Минапа.

– Ты ж и сам мастер! – удивился Минап.

– Для себя, боюсь, нехорошо выйдет, – признался Мустафа, потирая лоб.

Дней за десять Минап поставил другу отличные ворота.

Лето было в самом разгаре, жара стояла невероятная. Женщины отправились косить. Жена Мустафы тоже пошла, но так и не вернулась в тот день с луга. Сказали, что она упала возле собственной косы, кровоизлияние в мозг.

Самат не сразу понял, что матери больше нет. На похоронах он видел, как тело опускали в могилу, но не мог осознать, что это его мать, что она навсегда остаётся в земле. Как так? Ведь не далее, как позавчера, рано утром, уходя на покос, мать сказала: «Самат, присмотри за Гульфией, суп на печи, не забудьте вовремя пообедать!» – и ушла. А пятилетняя Гульфия беззаботно спала, раскинувшись на постели.

Самату казалось, что мать уехала и скоро вернётся. Войдёт в новые ворота и скажет: «Ах, сынок! Так гладко двор подмёл! Молодец! Совсем большой!»

И лишь утром после похорон, когда Самат увидел почерневшее от горя лицо отца, понял, что матери никогда, никогда уж с ними не будет.

Через несколько дней к ним зашёл Минап:

– Понимаю, брат, понимаю, – он обнял Мустафу. – Страшное горе.

Мужики сели за стол.

– Что ж... мёртвые лежат, а живым надо жить, – продолжил Минап. – Мне вот один казанский богачей заказал ворота. Они ж все сейчас под Казанью огромные замки отстраивают. Нашёлся один чудака – хочет ворота, чтоб как в деревне! Плевать, что дом из кирпича, а ворота пусть деревянные! У богатых свои причуды, – хохотнул Минап.

Кажется, Мустафа и не слушал – какое ему дело до каких-то там богачей, которые с жиру бесятся?

– Может, съездишь, а? Проветришься! Тоску развеешь! – предложил Минап. – И сына в помощь возьми, – Минап огромной рукой потрепал Самата. – Тьфу-тьфу-тьфу, настоящий мужик растёт!

– Ну, как скажешь... – голос Мустафы прозвучал глухо. – Съездим, поставим... Гульфию у тёщи оставляю.

Минап достал из кармана мятый клочок бумажки:

– Вот адрес. Это на подъезде в Казань. Завтра же и выезжайте. Хозяин любит, чтоб всё сразу. – Минап усмехнулся, а Самату его беззубый рот показался недобрый.

Проведя рукой по коротким волосам, Минап поднялся:

– Ну, хорошей дороги!

На следующий день отец и сын сошли на трассе возле огромной вывески «Нарат». Перешли под землёй дорогу и углубились в лес, к хоромам казанского богача.

С почётной «мозолью» над ремнём, невысокий, коренастый хозяин осмотрел Мустафу с сыном блёклыми голубыми глазами. Будто не заметив протянутой для рукопожатия руки, богач сказал:

– Ворота должны стоять здесь! Пусть будут, что надо! Если будут, что надо – денег не пожалею! Я дней на десять лечу за границу. Будут вопросы, – он кивнул в сторону жены, – ей вон задашь. Роза Фатыховна, жена.

Из дома выбежала девочка, примерно того же возраста, что и Самат. Хотя нет, наверное, постарше: тонкое платьё топорщится на груди, да и личико далеко не детское. Она бросилась к хозяину дома, обвила его шею тонкими руками:

– Папочка! Когда вернёшься?

– Позвоню... – Отодвинув от себя дочку, хозяин направился к машине.

Молодой парень, раскрыв заднюю дверь, ожидал своего шефа.

Девочка старательно махала отъезжающей машине, а после скрылась в доме, даже не взглянув на Самата с Мустафой. Они вошли в просторный двор. Тихий ветер будто причёсывал густую мягкую траву. Выложенная плиткой дорожка вела к крыльцу хозяйского дома, ещё одна – в просторы сада, и третья – самая узкая – к летнему домику, где поселили Мустафу с сыном на время работы.

Мустафа провёл ладонью по идеально ровной свежей доске и отошёл в сторону. Улыбнулся и потёр тщательно выбритый, гладкий, как доска, подбородок. Отец всегда потирал подбородок, когда был доволен. Кивком головы он подозвал сына. Самат подошёл. Оба глядели на высокие деревянные ворота.

– Хороши-и! – похвалил Самат.

Отец потрепал сына по плечу:

– Ворота! Настоящие врата!

На внушительных ступенях кованого крыльца появилась хозяйка дома, Роза Фатыховна, крашенная блондинка с зелёными, как трава, глазами. Чуть вздёрнутый носик придавал ей слегка надменный вид. Короткие шорты и блуза с глубоким декольте могли вскружить голову любому мужчине.

– Принимайте работу! Ворота готовы, – Мустафа улыбнулся шире обычного, а голос его показался Самату каким-то чужим, слишком сладким.

«Неужто отец настолько хочет угодить хозяйке? Зачем? Ворота ведь и так хороши», – подумал Самат.

– Я не могу принять ворота, я их не заказывала, – хозяйка вальяжно отвернулась и сунула в рот тонкую сигарету. – Ренат Асхатович вечно что-нибудь выдумает. Все люди как люди – железные ворота ставят, а этот... Хочу, говорит, чтобы как в деревне! Из дерева! Тьфу...

Дым от сигареты кудряво стремился в небо. Самат учуял какой-то горьковато-сладкий запах. Да уж, эта фифа не станет курить что попало.

Мустафа задумчиво поглядел в небо:

– Ренат Асхатович знает, что делает. Железо это железо. Холодное. А у дерева душа есть. Хозяйка рассмеялась:

– А ты, я смотрю, философ, Мустафа! Душа! Да где она? И что мне с неё?

– Ну... Дерево тёплое.

Женщина только рукой махнула и выбросила окурок в урну. Мустафа ухмыльнулся, а Самат поразился тупости хозяйки! Да все на свете знают, что у дерева есть душа!

– Мы хотели сегодня уехать, – сказал Мустафа.

– Придётся ещё на одну ночь остаться, – возразила хозяйка. – Надо дожидаться Рената Асхатовича. А то отругает, что я вас без его ведома отпустила. Куда торопитесь-то? Отдохните маленько! Спуститесь к озеру, искупайтесь. А то всё в трудах, трудах... – и она, отворив тяжёлую дверь, скрылась за ней.

– Да мы вообще-то не отдыхать приехали! – недовольно проворчал отец и, махнув рукой, пошёл в сторону гостевого домика.

Солнце поднималось всё выше, становилось жарко. Самату хотелось купаться... Будто прочитав его мысли, отец предложил:

– Хочешь, сходи окунись. А я в город сгоняю, гостинцев прикуплю.

От радости Самат запрыгал, как разбаловавшийся жеребёнок. И дал дёру в сторону озера. «Далеко не заплывай!» – крикнул вдогонку отец, но сын, кажется, не расслышал.

На берегу он скинул одежду и вбежал во спасительную ласково-прохладную воду. На озере никого не было – Самат заметил это, когда вынырнул: «Надо было без трусов!..» – с досадой подумал мальчуган. На другом берегу ели опустили лапы в воду. Самат проплыл немного и перевернулся на спину.

Невыразимо голубое небо улыбалось ему, озеру, всей земле. Как хорошо лежать на воде и глядеть в синеву!.. Как хорошо!.. Мысль о матери резанула душу. Не сможет мать поглядеть в небо, она теперь сама там, – так, кажется, говорит бабушка. Хоть Самат и не увидит мать – она, должно быть, постоянно глядит на него, – от этой мысли стало легче. Вспомнилась сестрёнка Гульфия... Соскучилась, наверно, по отцу, по брату...

Ох и жаркое же нынче лето! Преодолевая зной, Самат дошёл до студёного гостевого домика. Вероятно, его построили в этом году, потому что стены крепко пахнут сосновой хвоей. Посередине комнаты – кровать отца, чуть дальше – дверь, а слева у стены – топчан, где спал Самат. После полуденного солнца в теновом домике, казалось, было сумеречно. Мальчик приблизился к топчану, чтобы лечь, но вдруг заметил голые женские колени. Приглядевшись, он узнал дочь хозяина. Лежит себе, глаза, будто маслом подёрнуты, приоткрытый рот лоснится пухлыми губами.

– Чё встал? Садись рядом.

Стараясь не глядеть на её ноги, Самат присел. Несмотря на то, что белые ляжки напомнили мальчику не что иное, как столбы ворот, у Самата закружилась голова от близости какого-то глубинного, животного жара, который исходил от девочки.

– Тебя как звать-то?

– Самат.

– Самат... Саматлор, – девочка схватила мальчика и опрокинула его на себя.

Будто обжёгшись, Самат метнулся в сторону. Девчонка засмеялась:

– Тебе лет-то сколько?

– Тринадцать... Через десять месяцев четырнадцать.

– Хм, мы с тобой ровесники! А ты ещё, оказывается, салага, – девочка мягко толкнула Самата.

Тот не отреагировал. Бесстыжая приподнялась на локте и посмотрела на Самата так, будто готова была растерзать.

– Мальчишка! – Дочь хозяина порывисто обняла его и попыталась впиться губами в плотно закрытый рот. Через мгновение Самат отбросил её, и девчонка рассмеялась пуще прежнего, спрыгнула с топчана, оправила юбку и сказала:

– Эх ты, деревня! Не вешай нос, я тебя всему научу! Ночью приду, двери не запирай только! – и убежала.

Одурманенный, Самат долго сидел на топчане. Приятный, успокаивающий сосновый запах перебила подушка, от которой сладко пахло девчонкой. Самат раздражённо перевернул подушку. «Научит она меня! Да я сам... Кого хочешь...» На душе скребли кошки, хоть Самат и повёл себя пристойно, ему было как-то непростительно стыдно...

Мальчик и не заметил, как вернулся отец. Сбросив рюкзак, отец спросил:

– Чего в темноте сидишь? – отец рванул шторы в сторону. – Загорать надо!

Мустафа присел рядом с сыном. Отец был в хорошем расположении духа, кажется, немного поддавший...

– Чего нос повесил?!

– А?..

Мустафа вдруг резко переменялся, крепко прижал Самата к себе:

– Сыно-о-ок! Осиротели ведь мы с тобо-о-ой!

Как же некрасиво, нелепо, противно плачут взрослые! Самат почувствовал у себя на шее горячие слёзы отца, и сам не сдержался. Вдвоём поплакали, вспоминая мать. Вскоре Мустафа взял себя в руки, размашисто утёр нос.

– Так, хватит! Работу сделали – будем праздновать! – И принялся выставлять на стол гостинцы. – Налетай, сынок! Ешь! – Мустафа достал бутылку водки.

– Пап, не пей...

– Я немножко, сын. Работу же сделали. Хорошо сделали.

Отец и сын долго сидели за столом. У Самата слипались глаза, но он отправился в сад, ждать девчонку. Долго стоял в кустах смородины, глядел на хозяйские окна. Свет горел, но девчонка так и не пришла. Самат вернулся в гостевой домик, запер дверь. Через окно в домик прокрался лунный свет, Самат лёг на топчан, задремал... Вскоре услышал сквозь сон странное копошение. Отец, что ли, не может уснуть, ворочается? Мальчик приподнял голову и на соседней кровати различил женский силуэт. Голая баба сидела на отце, будто на коне, а волосы у ней растрепались, как у ведьмы. Сразу вспомнились слова дочки хозяина, что обещалась прийти и не пришла...

– М-м-м, Мустафа! Как же мне хорошо!

Да это же жена хозяина! С отцом! Самат утёр мокрое лицо. Нет, он не плачет, кто-то... внутри него льёт слёзы. Надо было утром уехать, в деревню вернуться!

Самат тихонько выскользнул из дома. Ночь тут же схватила за лицо прохладными пальцами. Мальчик выбежал из поставленных отцом ворот и кинулся в лес. Лицо и руки царапали кусты, дорогу перекрыл упавший когда-то дуб, но Самат всё бежал и бежал, смутно припоминая, в какой стороне трасса. Где-то есть остановка, Самат подождёт утренний автобус. Откуда-то с неба мальчику слышался голос матери: «Беги, сынок, беги! Быстрее беги! Уноси от него ноги!»

Наконец Самат выбрался из дебрей на дорогу. Его тут же ослепил свет фар, мальчик успел прикрыться от света рукой, но машина всё же сбила его, мальчик упал. Испуганный водитель тут же выскочил и присел возле ребёнка. Из пассажирской двери вышел Ренат Асхатович. Водитель не сдержался и заплакал:

– Ренат Асхатович, простите... Я не успел...

– Ничего, в этом твоей вины нет, – сказал хозяин.

2011

Дитя

От самого порога в нос ударил тяжёлый кислый воздух, настоящий на запахе кошачьей мочи. Глаза привычно скользнули по стенам с облупившейся штукатуркой, пыльному и давно немытому полу с ошметками грязи по углам. В маленьком закутке с выбитыми стёклами сидела старушка-вахтёрша; она пила чай, макая сухарь. Бросив на вошедшую женщину мрачный взгляд, старуха шумно хлебнула из своего замызганного стакана. Возле лестницы на второй этаж на стене большими буквами было написано любимое в народе слово из трёх букв.

Добравшись до своей комнаты, женщина начала шарить рукой в маленькой сумочке. Странное дело – мужчины обычно готовят ключ загодя, а женщины почему-то предпочитают копаться в карманах или сумке в последний момент.

В конце коридора, напротив двери в туалет курил сосед. Его широкое лицо, как обычно, было слишком красным, а это значило, что он пребывает в самом хорошем расположении духа. В такие минуты он любил заговаривать с каждой проходящей мимо женщиной, а если повезёт, то и шлёпнуть ненароком по мягким выпуклостям. Но сейчас сосед промолчал и, стряхнув пепел с кончика сигареты на пол, отвернулся к окну.

Женщина вообще-то выглядела вполне симпатичной. У неё были рыжие волосы, зеленоватые глаза и редкие веснушки вокруг вздёрнутого носа – внешность весьма характерная для некоторых уголков Арского района, где в татарскую кровь намешана удмуртская. Довершали картину стройная фигура и чуть кривоватые, но красивые ноги.

Невзирая на это сосед так и остался стоять, уставившись в окно.

Наконец скособоленная дверь со всхлипом отворилась. Взору предстала опрятная комната. Возле входа – два шкафа, между которыми натянута занавеска, в самой глубине комнаты, у окна, детская кроватка с сеткой по бокам. У изголовья кроватки на стене висит большой портрет Филиппа Киркорова.

В кроватке, безуспешно пытаясь встать, барахтался ребёнок. Он был измазан собственными испражнениями, с его неестественно отвисшей нижней губы тянулась длинная нить слюны. Ребёнок издавал потустороннее мычание – видимо, каким-то краешком своего сознания он понял, что вернулась мать.

Женщина вздрогнула. Она всегда так вздрагивает. Прошло уже пять лет, но она никак не может привыкнуть к виду своего дитяти и каждый раз, возвращаясь домой, пугается снова и снова.

Не снимая пальто, женщина вышла в коридор, принесла тазик с тёплой водой, усадила туда ребёнка, поставила на плиту кастрюльку с манной кашей.

Потом она привычными движениями мыла ребёнка, а из её глаз текли слёзы и тяжёлыми каплями падали в тазик с водой. Казалось бы, должно произойти чудо и больной ребёнок, которого каждый день моют водой, перемешанной с материнскими слезами, наконец, выздоровеет, начнёт ходить и разговаривать... Но увы, чуда не случилось. Сознание больного существа словно заблудилось в каком-то царстве мрака, так и не обретя связи с реальностью...

После родов её уговаривали всем миром – и врачи, и родственники в один голос твердили: «Оставь его, он никогда не будет здоровым, не обрекай себя на страдания, не губи свою жизнь!» Она никого не послушалась. «Как же можно, – думала она, – бросить своего малыша, свою кровиночку?» После возвращения из роддома приехала мать из деревни. Рано овдовевшая и натерпевшаяся всякого, она увидела ребёнка и разрыдалась: «Несчастливая ты моя, сама без мужа, ребёнок – инвалид, как же ты вырастишь его?!» Тяжело было это слушать, но она и тогда выдержала, ответила только: мол, в миру воробей не умрёт...

Сейчас-то она думает по-другому. Может, воробей и не умрёт, но человек запросто умрёт... Ещё как умрёт! Вон на прошлой неделе у них с третьего этажа выбросился из окна

одинокий старик – видно, совсем невмоготу стало. В последнее время старика этого частенько встречали возле мусорных баков, он собирал там остатки хлеба и картофельные очистки...

Эх, какая же ты дура, ни капли ума! Если бы тогда послушалась врачей и родную мать... Впрочем, она довольно скоро поняла, что они были правы, и даже пыталась пристроить ребёнка в какой-нибудь детский дом. Но везде ей давали от ворот поворот: детей-инвалидов всюду хватало. «Э-э, милая, если хочешь избавиться от больного ребёнка, надо дать на лапу начальнику детдома». А откуда ей взять, чтобы дать на лапу? Она и сама едва концы с концами сводит, весь её доход – пособие на больного ребёнка. Вот уже полгода она тщетно ищет работу. Где только ни была, и везде одно и то же: узнав о маленьком ребёнке, отказывают прямо от порога.

Усадив дитя на колени, она начала кормить его манной кашей; но только половина попадала в рот, а вторая половина стекала по уголкам губ на подбородок.

...Она родила почти в тридцать лет, испугавшись грядущего одиночества и разумно решив, что ребёнок станет ей опорой в старости. Хотя внешность у неё была довольно симпатичная, парни особо не осаждали: может, тому причиной была кажущаяся холодность, а может, серьёзность в глазах. Ведь молодым людям нравятся озорные и весёлые девушки, с которыми, как обычно принято считать, удобно общаться до брака. Жениться, разумеется, надо на серьёзных и неприступных девушках. Но, как ни странно, активное общение и совместно проведённые ночи приводят к тому, что парни привыкают к этим вертихвосткам и незаметно для себя женятся на них.

В тот вечер праздновали день рождения подруги. Стол был замечательный – целый день они делали «зимний» салат, «селёдку под шубой», винегрет, варили суп-лапшу. Посередине стола торчали бутылки вина и водки. Один из гостей – парень с длинными чёрными волосами и густой бородой – разлил по бокалам шампанское, произнёс какой-то тост. Как оказалось, он работал главврачом в одной из больниц на окраине Казани.

– Как в лучших домах Лондона и Парижа! – зачем-то рявкнул он, засовывая винегрет в отверстие в бороде. Чуть позже, разгорячившись, бородатый снова вскочил и крикнул:

– За нацию! Пьём стоя!

Знакомый подруги – бледный светловолосый парень – попытался сказать какой-то тост в честь женщин. Бородатый перебил его: «На свете не бывает некрасивых женщин, просто бывает мало водки...» Девушки не совсем поняли его мысль, но всё же подхихикнули его шутке.

– Ты почему грустишь? – вдруг встрепенулась подруга. – Ну-ка, давай выпей!

– Да уж, нечего отделяться от компании! – подхватил бородатый и шумно привалился к ней сбоку. Общими усилиями они заставили её выпить рюмку водки.

И вдруг мир изменился! Ей стало смешно и радостно. Каждое слово, каждая реплика в пьяном разговоре за столом вдруг стали казаться остроумными и мудрыми.

Когда вечеринка завершилась, бородатый вызвался проводить её до комнаты. Время от времени его покачивало, и тогда он словно бы нечаянно опирался на её плечо, а сам не переставая бормотал: «Видишь вот эти руки? Золотые руки... Попробуй найди в Татарстане другого такого врача...» Уже зайдя в комнату, он зачем-то резко вскинул вверх руку, сжатую в кулак, и выкрикнул: «Азатлык!»

Девушка не стала его прогонять. Где уж там прогонять – так и пролежала всю ночь, прижавшись к пропахшему потом мужику своим истосковавшимся от одиночества телом. А утром бородатый, уже собираясь уходить, пробормотал на прощание:

– Татарам надо рожать больше. А то одни русские кругом...

Больше он не появлялся. А в роддом, когда пришло время, её проводила подруга.

Смеркалось. За окном угадывался силуэт подстриженной ивы. Она была похожа на птицу без крыльев, что тщетно рвётся в небо и стонет от своего бессилия... Женщина взяла с тумбочки небольшую бумажную коробку. Её занесла утром подруга...

Сама подруга благополучно вышла замуж, живёт припеваючи в трёхкомнатной квартире и растит двоих детей. Сегодня она спешила, а потому раздеваться не стала, только распахнула свою дорогую шубу. «Времени нет, в гости иду, – сказала она. – Вот тебе ампула. Достала по великому благу. Одного укола достаточно. Не сомневайся, ведь это всё равно не человек. Зачем мучить себя?.. Даже наоборот, ты сделаешь доброе дело – его невинная душа прямоком попадёт в рай... И вы оба избавитесь от этого кошмара... Только ты держи рот на замке, никто не станет допытываться, отчего умер ребёнок-инвалид. Ради тебя, дура, стараюсь...» И, оставив в комнате запах дорогих духов, подруга умчалась.

Они много раз говорили об этом. Она даже видела сон: у её ребёнка выросли крылья, и он парит в небе вместе с ангелами. Вокруг поют птицы, звенят ручьи, гроздьями висят плоды на деревьях. Настоящий рай!.. Ему будет там хорошо. Господь дарует ему наконец всё то, чего лишил в этой жизни...

Когда она вводила ему лекарство, ребёнок не плакал. Наверно, он вообще не чувствовал боли. Только зачем-то протянул к ней беспалую ручку.

Не зажигая света, женщина села и неподвижно уставилась в затянутое сумерками окно.

...Позавчера она случайно встретила бывшего сокурсника по училищу. Узнав, что она живёт неподалёку, он напросился в гости. С завидной расторопностью он накупил в магазине вина, шоколада и прочих подходящих к случаю угощений. Мужчина был слегка нетрезв и, очевидно, ждал от этой встречи чего-то большего. И в магазин он ринулся вовсе не потому, что соскучился по девушке, с которой когда-то вместе учился. Ведь тогда он даже не замечал её.

Она долго не могла попасть ключом в скважину замка. Рядом нетерпеливо переступал с ноги на ногу сокурсник, которого известие о наличии ребёнка почему-то обрадовало. Однако испытание, ожидавшее внутри, оказалось ему не по силам... Они посидели немного за столом, задавая дежурные вопросы и отвечая невпопад, а потом гость ушёл, даже не допив бутылку. Прощаясь, он принялся горячо уверять, что обязательно придёт ещё. И оба прекрасно понимали, что он больше никогда не переступит порог этого дома.

Она уже смирилась с мыслью, что у неё никогда, до самой старости, не будет мужчины. Правда, одно время к ней ходил похожий на подростка азербайджанец, сбежавший из зоны армяно-азербайджанского конфликта. Азербайджанец был хозяином двух ларьков, где работали местные девушки, а он сам каждое утро развозил по своим ларькам фрукты. Мужчина был совсем не скуп и щедро снабжал свою любовницу слегка подпорченными фруктами. И больной ребёнок не вызывал у него брезгливости. Но... в последнее время азербайджанец тоже почему-то перестал приходить к ней.

...Из кровати начали доноситься какие-то странные звуки, и теперь тишина в комнате вдруг стала особенно заметна – это была тревожная тишина. Почувствовав, как к горлу подкатил ком, женщина сорвалась с места и, словно сумасшедшая, бросилась к двери.

Улица была наполнена дыханием весны, снег почти растаял – его грязные ошметки виднелись только возле стен домов, куда не проникали лучи солнца.

Женщина шагала, не отдавая себе отчёта, куда идёт, – по тёмным улицам, через жуткие дворы, не замечая сальных шуточек развязных подростков.

Когда она, проблуждав по городу, наконец вернулась домой, дверь общежития была уже заперта. Женщина долго стучалась, затем за дверью послышались шаркающие шаги. Старая вахтёрша с ворчанием отперла замок, окинула вошедшую ненавидящим взглядом и отвернулась: «Таскаются тут всякие...»

Женщина не стала ей отвечать и побежала к себе на второй этаж. Залетев в комнату, она щёлкнула выключателем и остановилась на мгновение, ослеплённая ярким светом. А когда глаза привыкли, она ахнула: «Де-е-точка моя...» В кровати, держась ручками за края, стоял улыбающийся ребёнок, а его сморщенные губы неумело пытались произнести первое в жизни слово: «Мама!»

Протянув руки к своему ребёнку, к своему сокровищу, женщина шагнула к окну. Там – по другую сторону – раскинулся прекрасный и бесконечный мир.

1998

Домовой

Ахсану Фатхетдину – художнику и другу посвящается

Правый глаз у Домового немного косил. И вообще он был какой-то странный. Он совершенно не желал подчиняться его желаниям и фантазиям, каждое прикосновение ножом вызвало в нём молчаливое сопротивление... Эта сучковатая ветка поджидала в чащобе Раифского леса и сразу привлекла внимание. Глаз художника – алмаз! Срезать эту развилку, потом подкоротить вот здесь... и получится Домовой – с грустными и печальными глазами... Помнится, он тогда так обрадовался своей находке...

Кто-то усердно стучал в дверь. Дотронувшись остриём ножа до глазного века Домового, он с ворчанием пошёл к двери.

Мастерская была расположена на чердаке пятиэтажного дома. В углу стояла деревянная кровать, накрытая пёстрым покрывалом. Он принципиально не признаёт ничего, кроме дерева, и убеждён: человечество погрязло в безобразиях потому, что живёт среди камня, бетона и пластмассы, и одевается в чёрт его знает во что. Посередине помещения стоит дубовый пенёк, хранящий на себе отпечатки и следы тысяч стаканов, рюмок и прочей посуды. Он и сейчас время от времени собирает вокруг себя оставшихся в живых немногочисленных друзей. Человеку, впервые попавшему в это полутёмное помещение, наверняка стало бы не по себе. Со всех сторон тянут свои длинные руки шурале, домовые, водяные... а в густой паутине, затянувшей весь дальний угол потолка, словно посверкивают глаза какого-то странного существа из потустороннего мира.

Почёсывая волосатую грудь, он устался на листок бумаги. Телеграмма. Отец просит его срочно приехать в деревню. Почувствовав, как слегка перехватило дыхание, он присел на низенький стульчик возле двери. При слове «телеграмма» он почему-то всегда терялся... Сердце начинало отчаянно колотиться и словно поднималось к горлу, мешая дышать. Вот так же пришла когда-то телеграмма, сообщившая о неожиданной кончине матери. Телеграммы не приносят ему радостных вестей, они – вестники горя и несчастья.

Что на этот раз? Может, с отцом что-то случилось, а соседи, не желая пугать его, отправили такую странную и непонятную телеграмму?.. Но лучше не паниковать... Конечно, после смерти мамы отец сильно изменился, он стал каким-то незащищённым, похудел, больная нога словно стала короче, и при ходьбе отец теперь раскачивался ещё больше. Но самое удивительное было в том, что старик стал очень чувствительным: однажды сын застал его – человека всегда грубоватого и хмурого – плачущим в хлеву. Старик плакал, даже не пытаясь скрыть слёз. Они градом катились по недельной щетине, а в горле время от времени булькали какие-то обрывки слов.

Но разве можно утешить человека, потерявшего свою половинку? Остаётся только уповать на время: время лечит, жизненные проблемы и бытовые мелочи начинают давить и выжимают из сердца горе, душевные раны затягиваются, и человек снова, пусть тяжело и «прихрамывая», но начинает жить, – вот такими лечебными свойствами обладает его величество Время.

Разумеется, старику было трудно жить в одиночестве. В один из своих приездов сын как-то оторвал взор от своих сучков да деревяшек, оглянулся вокруг и обнаружил, что и дом, и всё хозяйство находятся в упадке и запустении: забор в огороде завалился, дверь в хлеву оторвалась и висит на одной петле, а на крыше настырный ветер играет с отодранным наполовину железным листом, производя заунывные и тревожные звуки... А что творилось внутри дома! На полу – слой грязи толщиной в палец, постель неопрятная, на голой столешнице раз-

бросаны луковая шелуха и куски засохшего хлеба... Мутные, словно задохнувшиеся от грязи окна, сквозь которые не видно даже улицу.

Отец перехватил взгляд сына, отвернулся, смущённо покашлял: «Душа ни к чему не лежит, сынок...»

– Тебе, действительно, тяжело тут одному, – сказал сын. – Может, переедешь ко мне? В городе хорошо, всё под рукой...

– Так-то оно так, – ответил старик. – Но стеснять других не хочу. У тебя жена, дети...

Жена художника была городской, и рассчитывать на то, что она с распростёртыми объятиями встретит свёкра, не приходилось... Впрочем, будь она даже не городская, это дело не меняло: какая же невестка захочет жить с родителями мужа?

В довершение всего и деревня расположена в медвежьем углу. Дорог нет, в дождливую осень и выжнюю зиму связи с внешним миром прерываются, лес далеко и заготовка дров на зиму – дело непосильное даже для здоровенных мужиков, что уж говорить об одиноком и беспомощном старике? А ведь отец ещё и козу держит, которой кормов хоть сколько-нибудь да надо.

– Я вот думаю, может... – Старик шумно поднялся с места, хромая, обошёл вокруг стола, маленькими, словно подсохшими ладонями сгрёб в кучку шелуху на столе. Обычно в минуты волнения или растерянности отец старался занять чем-нибудь руки. Вот и сейчас он никак не мог решиться что-то сказать. – Может, мне... жениться?

– Кто-то на примете имеется, что ли? – спросил сын.

– Одинокие старушки есть, конечно, – забормотал старик, – но власть испортила их, определив им пенсию. Я тут подъезжал к некоторым... У кого дети против, у кого ещё что... Те, что замужем не были, сам знаешь, уже безнадежны... Если бы чего-то стоили, на них бы ещё в молодости женились. Так что в нашей деревне никого подходящего нет... – и он огорчённо махнул рукой.

Художник был настолько удивлён, что слушал отца раскрыв рот. Обычно неразговорчивый, старик сейчас был необыкновенно словоохотлив. Но самое удивительное состояло в том, что он выбирал! Подобно молодому жениху, мечтающему о первой брачной ночи, старик выпрямился, его сморщенное лицо, обычно похожее на яблоко, застигнутое на ветке осенним заморозком, сейчас разгладилось и даже разрумянилось. Художник усилием воли постарался скрыть набежавшую усмешку и не нашёл ничего лучше, чем философски констатировать:

– Да-а-а...

– Чего ты дакаешь, – обиделся отец. – Ты же видишь, что жизнь совсем разладилась...

– Да я, в общем-то, не против... – Сын кашлянул, словно оправдываясь. – Если есть у тебя старушка по сердцу...

– Говорят, в Карабике есть одна. Может, съездим сегодня туда вместе?

Художник мельком взглянул в окно. В пыльное стекло постукивал осенний дождь.

– Вот так сразу? Да и дождь идёт, – сказал он. В такое ненастье ему совсем не хотелось ехать в неизвестность.

– Куй железо, пока горячо, – парировал старик. – Да и ты когда ещё приедешь снова...

«Как будто нельзя жениться без меня...» – раздражённо подумал сын.

– Сейчас скажу соседу Хатмулле, он мигом заведёт свой трактор... – Отец уже был возле двери и торопливо натягивал на себя кожан.

В их семье отцу перечить было не принято, а потому художник, ворча про себя, начал собираться. «Отец прав, – подумал он вскоре, – когда едешь за молодой женой, обязательно рядом должен быть близкий человек. «Боже, о какой «молодой» я толкую?» – перебил он сам себя. Да пусть будет хоть кто в юбке, но отцу помочь нужно. Ведь сам он теперь не скоро сможет навестить отца. Весной, может? А как старик переживёт в одиночестве зиму? С другой

стороны, неужели та вдова, или кто она там, вот так сразу решится и поедет с незнакомым человеком?..»

Когда отец вернулся, сын уже был готов.

– Хатмулла там трактор готовит, – сообщил старик. – Пьян, конечно, но это ничего, он в пьяном виде даже лучше управляется с машиной.

Художник до сих пор ясно помнит вид отца в тот момент: на голове мягкая шляпа, с кожана на пол со стуком падают капли. Чтобы скрыть неловкость, старик говорит не переставая. С утра он тщательно побрился, достал из сундука пропахшую нафталином пожелтевшую рубашку, – теперь понятно, ради чего он так старался! А он, глупец, заметив приподнятое настроение отца, даже возгордился было: мол, конечно, приезд сына – для него праздник!

Похожий на распутившего хвост павлина, отец топтался возле двери, всем видом показывая, что время не ждёт.

– Что же ты раньше не сказал?

– Всему своё время.

А тут и трактор Хатмуллы заурчал у ворот.

– Ты знаешь её. Нафиса – с нижнего конца нашей деревни. В шестнадцать лет выскочила замуж за парня из Карабика. Уже лет шесть-семь, как она овдовела. Поговаривали, что её муж пьяным заснул на снегу и замёрз до смерти.

– Но она всего на три года старше меня!

– Дык... Жена и должна быть моложе мужа, – оборвал старик. – Мне мхом поросшая старуха и ни к чему.

Не заперев даже двери, они поспешили к трактору. Отец нырнул в кабину к Хатмулле, а художник полез в замызанную тележку.

Поехали.

Дорога была грязной, и телегу кидало то в одну, то в другую сторону, но опасности увязнуть не было: до сегодняшнего дня стояли ясные дни, и земля ещё только готовилась превратиться в унылое болото. Но проклятый дождь всё лил и лил. Как они поедут обратно? Художник поглубже надвинул на голову кепку. Голубоватый лес, видневшийся вдаль и похожий за пеленой дождя на лёгкую кисею, словно стал ниже. На широком поле темнели скирды соломы. Был всего лишь полдень, но казалось, что какое-то мрачное мохнатое существо пытается погрузить весь мир в свои навевающие сон объятия. Было грустно и как-то тягостно... Вспомнилась мама. В такие дождливые дни они обычно топили баню... Мать, провожая на пороге, давала полотенце и чистую одежду... Чуть погодя в банные сени заносила закопчённый чайник с чаем. Она нарочито громко стучала дном чайника о скамью, стоящую возле стены. В ответ он обычно покашливал. Это были не просто звуки, а многозначительный разговор: «Ну как, сынок? – спрашивала мать. – Всё ли хорошо, есть ли жар в печи, сам в порядке ли?» – «Хорошо, мама, от жара уши трещат, у меня всё нормально...»

«А теперь вот я еду за новой матерью», – подумал он, и ему почему-то стало смешно. Да ещё за какой матерью! За Косой Нафисой! Правда, несмотря на прозвище, глаза у Нафисы были в порядке, только разного цвета. Один был серый, а другой – зеленоватый... Эти глаза когда-то разили мальчишек наповал, лишая их сна и покоя. В этих глазах были какое-то волшебство и притягательная сила. Один словно бы призывал, даря надежду, а другой с холодным высокомерием отталкивал прочь... Лишь рыжеволосый парень из Карабика не стал вглядываться в этот второй глаз и однажды зимой закинул Нафису в сани и с гиканьем погнал коня в звёздную ночь. Утром возле колодца молодухи живо обсуждали тему «похищения Нафисы», но знающие люди многозначительно помалкивали. К тому же и отец девушки проговорился, что дочь уехала по своему согласию. Обычай красть невесту в этих краях существовал издревле, но всё-таки теперь предпочитали «красть», предварительно заручившись согласием невесты.

Зато потом можно было гордо рассказывать соседским парням о том, как лихо вчера вечером ты провернул опасное дело с похищением!

Так, в размышлениях и цепляясь за мокрый подол осеннего вечера, почти добрались до леса. Но до него ещё предстояло проехать через речушку Кулькерау... Увидев «переправу» – два бревна, перекинутые через речку, – художник покрылся испариной. Он ударил ладонью в крышу кабины: «Сейчас свалимся!» Но разве услышит его пьяный Хатмулла?! Трактор с разгону влетел на «мост», и колёса точнёхонько проехали по брёвнам, которые что-то сварливо проворчали вдогонку.

Вот и лес. Художнику казалось, что из глубины чащи за ним наблюдают сотни шурале. Он даже видел их и мог сосчитать рога. Сквозь редкие деревья время от времени доносился чуть слышный жалобный голос Хозяина. На выезде из леса вдруг подул сильный ветер, налетел на заросли молодого клёна, похожего на присевшую у дороги цыганку с протянутой рукой, и взметнул её красно-жёлтый подол. Отсюда деревня Карабик уже виднелась как на ладони, – оставалось только съехать вниз.

Размякшая под дождём деревня мирно дремала. Взрезав эту благостную банную тишину, трактор Хатмуллы ворвался на улицу и остановился у крайнего дома.

Из широких ворот кто-то вышел. Он держал высоко над головой палку с привязанной к ней мешковиной. Видимо, мешок должен был изображать собой зонтик. На человеке было пальто неопределённого цвета, в вырезе которого виднелся галстучный узел величиной с кулак. Обладавший хорошей зрительной памятью, художник подумал, что где-то видел этого человека... Но где? Не обращая на художника ни малейшего внимания, мужчина протянул руку его отцу, по-молодецки спрыгнувшему из кабины: «Ну что, жених, прибыл?»

Ага... Значит, отец всё-таки поехал не с бухты-барахты... Подготовка всё же была, похоже, всё организовано, и этот дяденька неслучайно встречается их при галстукке...

Между тем жених разглагольствовать не стал: «Пошли!» – «Да что ты! – притворно удивился хозяин, – совсем уж невтерпёж! Давай чайку попьём, хозяйка затеяла блины печь». – «Успеем, давай сначала повидаем её...» Старик в галстукке засмеялся, сотрясая свой странный зонтик: «Хе-хе, так ведь обговорено уже всё... Сегодня будешь спать в объятиях молодой жены, хе-хе-хе... Как там у дядюшки Габдельжаббара¹? «О Господи, сделай так, чтобы я мог возлечь с этой прекрасной девушкой, целовать её губы, утонуть в её объятиях!»

Старик незаметно кивнул сыну. Хозяин дома сделал вид, что только что заметил стоявшего в тракторной тележке молодого человека: «Эге, и сын приехал! Как же не приехать... такое серьёзное дело... это же не шутка...» Тем временем старик сердитым голосом выговорил сыну: «Слезай, что застыл там, как истукан...» За рассерженностью он пытался спрятать смущение, сын понял это, а потому ни слова не говоря покорно спрыгнул в осеннюю грязь. И тут он вспомнил, где он видел этого старика с галстукком. Он когда-то приезжал к ним в школу с лекцией по линии общества «Знание». Тогда его галстук был завязан таким же большим узлом.

– Пошли! – коротко бросил отец.

– Она живёт через три дома отсюда... – Лектор похлопал художника по спине, словно бы утешая.

Художник оглянулся, – в кабине трактора, положив голову на руль, сладко спал Хатмулла.

Они вошли во двор. Напротив сиротливо стоял покосившийся хлев. Замёрзший художник сразу же шагнул туда. А бывший лектор смело взялся за дверную скобу.

В хлеву не было щекочущего нос вкусного запаха навоза, видимо, вдова уже давно не держала скотину. Как же она живёт? Ведь в деревне, если у тебя нет коровы или, на худой конец, козы, прокормиться невозможно. Но чтобы содержать их, нужно сено, зерно, фураж...

¹ Габдельжаббар Кандалый – татарский поэт XIX века.

Одинокой женщине не справиться... Впрочем, если она работает где-нибудь в конторе, то на жизнь ей вполне может хватать.

Застегнув брюки, он повернул к дому. Изнутри слышались оживлённые голоса. Ещё не открывая двери, он прислушался: какова политическая обстановка? Говорил лектор: «Постой, милая... Он приехал к тебе со всем уважением... Нрава он доброго, хозяйство имеет справное... В хлеву корова... Лошадь вот собирается купить. В наших краях без лошади никак нельзя... Лошадь, она сама себя кормит...» Тут его перебил звонкий женский голос: «Но я передумала...» Слово снова взял лектор: «Это, конечно, очень важный вопрос... И Пророк наш велел никогда не торопиться... Но нарушать данное слово – тоже большой грех... «Данное слово – свято, – говорили наши предки». Значит, получается, что ты нарушаешь святые заветы, Нафиса...»

Художник тихо открыл дверь. Стараясь не шуметь, встал у порога. В глубине комнаты на стуле съёжилась Нафиса. Возле печи стоит жених – отец. А посередине стоит лектор и продолжает свою лекцию: «Сарим-абзый приехал, доверившись данному тобой слову. Одиночество – тяжкая ноша для любого человека. А согласно шариату, даже просто греть друг другу спину в долгие ночи считается богоугодным делом».

Художника никто не заметил. А его между тем настолько рассмешила последняя фраза лектора, что он едва не засмеялся в голос. Да-а, репертуар лектора кардинально поменялся! Раньше он в своих выступлениях обязательно упоминал Маркса и Ленина... Однако сейчас смеяться было бы опасно... Политическая обстановка была чересчур сложной.

– Не знаю, что и сказать, – пробормотала Нафиса.

Художник обежал взглядом комнату и искренне удивился её колебаниям. Кроме пружинной кровати, маленького стола и старого шкафа, в доме больше ничего не было... Запах нищеты и беспросветности здесь буквально не давал вдохнуть. Казалось бы, надо, пользуясь случаем, бежать из этого несчастного дома. Может, Нафиса отчаянно пытается набить себе цену? Ведь она женщина. И до сих пор довольно привлекательная. Глаза у неё остались прежними. Один зовёт, как раньше, но другой уже не отталкивает так категорично, как в молодости... И фигурка у неё ничего... «Работаю в медпункте, на жизнь хватает», – вскользь упомянула она.

Лектор, похоже, завершил свою речь: «Вот и сын его, так сказать, приехал...» – и замолк. Нафиса, словно только что заметила художника, кивнула:

– Здравствуйте... Как доехали?

Художник опустил глаза... Всё здесь напоминало ему театр абсурда.

Но... но почему по спине вдруг побежала горячая волна? Он поднял голову и вновь взглянул на Нафису. Её глаза улыбались, краешки губ почему-то вздрагивали. Художник почувствовал, как по его щекам разливается румянец. По жилам растеклось какое-то болезненное и сладостное томление. Когда-то мальчишкой он однажды проводил Нафису из клуба. Сколько ему тогда было? Двенадцать, тринадцать?... Он тогда именно проводил её, так как Нафиса шагала впереди, а он – приотстав на десять-пятнадцать шагов... Нафиса была уже девушкой, с выпуклой грудью и танцующей походкой... Она прекрасно знала, что за ней увязался соседский мальчишка, но виду не подавала...

Дойдя до своих ворот, она вдруг почему-то присела на бревно, лежавшее возле садовой ограды.

Мальчик намеревался было, посвистывая с независимым видом, пройти мимо неё. Почему бы ему и не свистеть, ведь он домой идёт. Вон их дом, совсем рядом...

– Иди сюда, – позвала его девушка.

– Чего тебе?

– Садись...

Он хотел присесть с краю, но девушка потянула его за руку и усадила рядом с собой. Ладонь у Нафисы была шершавой и горячей, – похожей на маленькую птичку.

– Хочешь обнять меня? – прошептала девушка. Во рту у мальчика пересохло, язык прилип к нёбу, и он смог издать лишь пару нечленораздельных звуков.

Нафиса вдруг обняла его и влажными губами отыскала его онемевший рот.

Когда мальчик пришёл в себя, девушки рядом уже не было.

...Наконец, отец, прихрамывая, прошёл в красный угол, но останавливаться не стал и обошёл всю избу.

– Вы посмотрите на неё! – и он ткнул пальцем в сторону Нафисы. – О чём она говорит, а? Ну и ершистая же девка! Я к ней со всем уважением... – Художник знал своего отца, а потому не удивился такому повороту событий. – Если я рассержусь, то могу и передумать, между прочим!

– Вольному воля... Тебя никто не заставляет, – ответила Нафиса.

– Сколько людей зря взбаламутил, – вновь захромал по комнате отец.

– Может, это твоя судьба. Не упрямясь, Нафиса, – снова встрял в разговор лектор. – Пойдёмте, абыстай блинов напекла, чайку попьём...

– Ты, мулла-абзый, плохого не посоветуешь, это я знаю... – Голос Нафисы прозвучал уже не столь уверенно. Может, на неё подействовала тяжёлая мужская поступь «жениха» и его резкий ультиматум?

Художник счёл необходимым тоже вставить слово:

– Попробуйте, Нафиса, пожить вместе... Потом видно будет...

– Ты так считаешь? – Нафиса неожиданно рассмеялась. – Так считаешь... – снова повторила она. Но глаза её не смеялись.

– Мой сын пустого не посоветует, он башковитый! – похвалил сына старик.

– Тогда ладно, – ответила Нафиса и вынесла из-за печки большую сумку. Такие сумки в большую клетку художник частенько видел у торговков на базаре.

Значит, Нафиса заранее приготовилась ехать с ними. И всё её сопротивление было наигранным. Впрочем, даже если женщина желает тебя всем телом и душой, она, стремясь выглядеть «порядочной», всё равно скажет «нет».

Если же женщина сдаётся сразу, то предпочитает украсить свою несдержанность психологической причиной вроде: «мне кажется, что я тебя давно знаю». Это и немудрено, поскольку мужчина, чтобы добиться своей цели, открывает душу настежь, так что для женщины, любительницы покопаться в чужой душе, там практически не остаётся никаких потаённых уголков. Впрочем, у большинства мужчин душа и не бывает особо сложной, она чем-то похожа на пустую комнату, которую только женщина способна заполнить разнообразными – нужными и ненужными – вещами... Среди которых ты потом можешь заблудиться и сам...

Перед тем как уйти, отец указал рукой на нехитрый скарб, заполнявший внутренность дома:

– А это?

– Пускай остаётся, – сказал сын.

– Ты же молодой и здоровый! В хозяйстве всё сгодится...

Вскоре кровать, стол, старый шкаф и два стула были перенесены на трактор. Кровать жалобно тренькнула ржавой пружиной, словно прощалась, отправляясь в последний путь.

– Мулла-абзый, давай не будем к вам заезжать... – начала было Нафиса.

– Нельзя, Нафиса. Без никаха нельзя, – мягко прервал её бывший лектор и нынешний мулла.

Полненькая приветливая абыстай встретила их в дверях: «Вот и славненько, вот и хорошо. Дай вам Бог счастья». На щеках у абыстай горел румянец. То ли потому, что долго стояла у печи, то ли неожиданное замужество Нафисы произвело на неё столь сильное впечат-

ление. Женщины вообще всегда близко к сердцу воспринимают такие события, как женитьба, даже если речь идёт о совершенно посторонних для них людях, у них даже настроение улучшается...

Прямо от порога абыстай пригласила гостей к столу. Похоже, здесь их ждали уже давно, и угощение было щедрым.

Обряд никаха провели быстро. Абыстай постелила перед муллой белое полотенце и поставила на него солонку с солью. Мулла с торжественным видом обернулся к жениху. Было видно, что ему очень нравится быть муллой и узаконивать происходящие в жизни людей изменения.

– Сын Фасхетдина Сарим, согласен ли ты взять себе в жёны дочь Тимергали Нафису?

– Согласен, хазрат... – Жених степенно вытер губы.

– Дочь Тимергали Нафиса, согласна ли ты стать женой сына Фасхетдина Сарима?

Нафиса чуть улыбнулась, опустила ресницы, словно девушка, впервые выходящая замуж:

– Согласна...

Мулла вытащил из-под скатерти какие-то бумаги. Затем зашевелил губами, отыскивая нужную страницу. Улыбнулся простодушно и, словно бы извиняясь, сказал:

– Очень редко приходится читать никах. В деревне совсем не осталось молодёжи...

Нафиса вдруг почему-то засмеялась, подвинула к художнику плошку с мёдом и тихо сказала:

– Отведай, сынок.

Но мулла оставался серьёзным и начал громко читать записанную русскими буквами хутбу: «Альхамдулилля, альхамдулилля, альхамдулиллязи, энникаха суннати...»

«Голос хороший, но нет мелодики, – подумал художник. – Чтобы читать Коран, нужно иметь музыкальный слух».

Когда мулла замолк, отец начал шарить в кармане. После продолжительной возни на свет появилась пятидесятирублёвая бумажка. В день своей свадьбы парни бывают щедрыми!

Художник тоже сунул руку в карман и, вытащив оттуда десять рублей, протянул мулле.

Спрятав подношение под скатерть, мулла начал читать длинную молитву.

...Когда они вышли со двора, Хатмулла всё ещё спал. Открыв дверь кабины, художник ткнул его в бок, тот открыл красные глаза и начал озираться по сторонам: «Где я?»

– В Карабике, отцу невесту сватали, – ответил художник.

– А где магарыч?

– Дома, дома, – поспешил заверить его отец.

– Без горячего не поеду!

Из какого-то кармана своей широкой кожанки отец выудил бутылку и протянул Хатмулле. Тот огромной ручищей выдернул пробку и, запрокинув голову, сунул горлышко «горячего» себе в рот.

– Пар-рядок!

Трактор жизнерадостно зарычал.

Жених повернулся к невесте:

– Ты садись в кабину.

– Не-ет, вы старше... Мы с сыночком наверху поедим. – И Нафиса резво ухватила за грядку тракторной телеги.

– Воля твоя! – Жених подтолкнул её снизу. Чтобы не видеть её открывшиеся взору сверкающие икры, художник отвернулся. Смеркалось.

Трактор нёсся вперёд, телега подпрыгивала вверх и в стороны. Нафиса расстелила брезент, который держала под мышкой. «Давай сядем!» – крикнула она на ухо художнику.

Так оказалось намного удобнее – ветер теперь совсем не чувствовался. Правда, трясло ужасно. Иногда молодая невеста со смехом валилась прямо на него. Художник пытался отодвинуться. Всё-таки мачеха! Но не мог же он высадиться на ходу!

Перед речушкой Кулькерау трактор остановился. Хатмулла, выпрыгнув из кабины, устоялся на брёвна и растерянно почесал голову.

– И мы здесь проезжали? – спросил он удивлённо.

– Даже не притормозили!

– Такое дважды сделать невозможно! – заключил Хатмулла, прихватил топор, валявшийся в телеге, и направился в лес за ветками. Художник увязался за ним.

Совсем стемнело. При свете фар лес казался сказочным и колдовским. Постой, что это? Это же Домовой, ей-богу... Но он совсем не похож на тех домовых, которых он встречал до сих пор, – в его глазах читались насмешка и хитрость. Вот здесь чуть тронуть ножом, и его губы расплывутся в улыбке. В расположении рук читается призыв... Вынув из кармана свою всегдашнюю спутницу – маленькую пилу, художник отделил Домового от ствола, из которого он вырос.

– Тащи ветки к речке! Чего застрял там?! – Грубый голос Хатмуллы спустил художника на грешную землю.

Однако выяснилось, что ветки были не нужны, Хатмулла снова сумел попасть колёсами трактора точно на два бревна, и они благополучно переправились на тот берег.

– Счастливая ты, видно, Нафиса! – сказал художник, пытаясь изобразить оживлённую радость.

– Позавчера о тебе по радио говорили, – сказала Нафиса.

– Я не слушаю радио...

– Странный ты... Наверно, приятно услышать о себе по радио... Не ценишь то, что имеешь, сынок, – укорила его «мачеха».

Её тон художнику не понравился, и он начал рассматривать Домового. Здесь отрезать, здесь подкоротить, вот тут немного пройтись ножом...

– Ну и работка у тебя, – продолжала Нафиса. – Курам на смех. Только и надо, что найти ветку позакovskyристее и приклеить к ней название. Тебе за это ещё и деньги платят?

– Если купят...

– Не удивлюсь, если и покупают... Сейчас у многих денег навалом...

Художник замолк. Не станет же он объяснять ей в трясушейся телеге, что такое искусство. Нафиса снова со смехом повалилась на него. В нос ударил запах парного молока. Странно... Ведь у Нафисы нет коровы, подумал он с удивлением...

Приехали они уже ночью. Торопливо внесли вещи Нафисы во двор. Получив из рук жениха ещё одну бутылку, Хатмулла, забыв даже попрощаться, поспешил домой.

Художник шагнул к летнему домику. Когда была жива мать, она готовила там еду. Художнику хотелось растянуться на кровати и погрузиться в волнующие его думы... Только сейчас он, похоже, начал отчётливо осознавать произошедшую в его жизни перемену. Он теперь никогда не сможет чувствовать себя хозяином в доме, где прошло его детство. Казалось, что-то оборвалось в душе...

– Может, чайку выпьем? – предложил отец, хотя весь вид его говорил о том, что чай пить ему вовсе не хочется.

– Нет, пора спать, – ответил художник и ушёл к себе.

Жених с невестой прошли в дом. Несмазанная дверная петля сварливо проскрипела, словно дразня кого-то.

Однако сон не шёл. Тогда он, вооружившись стамеской, ножом и ещё бог знает чем, сел к столу и взял в руки Домового, привезённого из Кулькерау. Интересно, Домовой – мужчина или женщина? Пожалуй, ни то, ни другое... Но корявая ветка в руках художника с каждым

прикосновением ножа всё больше становилась похожей на женщину. Постой, у неё и глаза, кажется, разные?.. Кажется, вот сейчас её ироничная улыбка превратится в хохот... Он словно даже услышал её хриплый смех, вскоре к нему присоединился и другой голос: «Вряд ли из этого что-нибудь путное выйдет, сынок...»

...А это что за стук?.. Отец топором рубит ветки! Вот он со всего маху опустил топор на шею Домового. А сам радуется: «Славные дровишки для баньки!»

Художник рывком сел на постели. Стучали в его дверь. Вон и Домовой, живой и здоровый, улыбаясь, приветствует его.

– Блины готовы, чай вскипел, иди в дом, – сказала молодая мачеха. – Ох и крепко ты спишь!

Взяв с полки Домового, художник протянул его Нафисе:

– Пусть это будет моим свадебным подарком.

– Спаси-и-бо... – Женщина с недоумением повертела подарок в руках. – Это Шурале?

Художника резануло запоздалое сожаление.

– Это Домовой... – Он вдруг разозлился на себя за то, что так неожиданно и бездарно потерял своё творение, подарив его Нафисе. – Он хранит спокойствие в доме.

Нафиса игриво улыбнулась.

– Спокойствие в доме хранит нечто другое, сынок.

Отец возился с оторванной дверью хлева.

– Хе-хе, – засмеялся он неожиданно. – Ты приучился в городе долго спать.

– Я ночью не спал. – Сын, словно бы оправдываясь, кивнул на Домового в руках Нафисы.

– Куклу вырезал?

Нафиса захихикала:

– Он говорит, что это Домовой...

– Э-эх, – махнул рукой отец. – Не сумел я вырастить хозяйственного и работающего сына.

В доме было прибрано, пол выскоблен и вымыт так, что от него до потолка распространялся желтоватый свет. На столе гудел самовар, дымились блины, от миски с варёной картошкой валил пар, а по всему дому разлился запах свеженадоенного козьего молока. Отец сел во главе стола, художник и Нафиса устроились напротив друг друга.

– Поживёшь немного? – Молодожён деревянной ложкой поднёс ко рту картошку, хлебнул молока.

– Сегодня уезжаю.

– Работы много, приехал бы как-нибудь.

– Теперь он часто будет приезжать, не так ли, сынок? – улыбнулась, глядя на него, Нафиса.

Художник взглянул на Домового, расположившегося на самом верху печи, но он тоже усмехался ему как-то слишком многозначительно.

После чая отец пошёл во двор задать козе сена.

Нафиса положила тёплую ладонь на руку художника.

– Тебе с женой не повезло? – она вела себя и говорила, как очень близкий человек.

– Не твоё дело. – Художник резко встал и начал собираться.

– Я теперь твоя мать.

– Не пори чушь, Нафиса, мы вместе росли.

Прихрамывая, вошёл отец. Настроение у него было хорошее, он весь светился.

– Коза что-то беспокойна, придётся сегодня сводить её на ферму к доктору.

Но художник уже давно всей душой был далёк от этих деревенских забот. И, прихватив свою опустевшую сумку, он зашагал в верхний конец деревни, на автобусную остановку. Отец со своей молодой женой остались стоять у ворот, провожая его взглядом.

Простояв некоторое время в недоумении с телеграммой в руках, художник подошёл к телефону. Наверно, именно в такие моменты и нужны друзья... Он решил позвонить другу, работавшему редактором в одном из журналов.

Поговорив немного о том о сём, друзья примолкли.

– Из деревни телеграмма пришла, – перешёл к главной теме художник. – Вызывают меня... Вот, думаю, не случилось ли чего с отцом?..

– Надо немедленно ехать, – сказал редактор. Он иногда любил говорить вот так резко, категорично.

– Не мог бы ты дать мне свою машину? – Художник представил себе лицо друга в этот момент: губы сжаты, серьёзное выражение лица, левой рукой вытирает носовым платком вспотевшую плешь.

Художнику было неудобно, что он беспокоит друга. Отправить редакционную машину с шофёром в подчинение чужого человека – дело нештучное. Мало ли какие неотложные дела могут возникнуть? В редакции всегда масса всяческих проблем и вопросов, которые нужно быстро решать... К тому же ребёнка надо отвезти в школу, жену привезти с работы и так далее.

Художник уже жалел, что попросил.

– Ты сегодня едешь?

– Хорошо бы.

– Через час машина будет у твоего подъезда. – Редактор помолчал. – Крепись! – И через паузу: – Шофёр переночует у вас, утром отправишь обратно.

– Отлично! – Привычка друга разговаривать категорично на этот раз художнику понравилась.

Через час они уже ехали в Черемшан. Шофёр, похоже, разговаривать не любил, и это было замечательно. Порой попадают такие болтуны, что до тошноты доводят пустой болтовнёй и дешёвыми анекдотами. А художнику сегодня хотелось помолчать и подумать... Неужели отец и в самом деле заболел... Вспомнилось, как он, прихрамывая, ходил по дому. Как хрипло смеялся... Уже давным-давно они отделились друг от друга, особенно сын, но сейчас, прожигая грудь, к горлу поднималась волна давно забытого чувства: оказывается, он любит своего отца, и отец бесконечно дорог ему! И захотелось, как в детстве, беспомощно и доверчиво прижаться головой к его груди, потереться щекой о его шершавую щёку и избавиться от этой невыразимой тоски, разъедающей душу.

Может, жизнь с молодой женой надорвала его здоровье? Если пожилой мужчина берет в жёны молодую, он и сам старается казаться молодым. Меняется ритм его жизни... И эти изменения бьют по здоровью...

Впрочем, художник знает и тех, кто действительно помолодел, женившись на молодых женщинах. Но, возможно, это просто иллюзия?

Они уже подъезжали к деревне, когда полил дождь. Он расстроено подумал, что теперь они вряд ли смогут проехать на их улицу. «Уж если пошла невезуха, то держись, – раздражённо подумал он. – Эх, вот бы подъехать к самому дому, чуть выставив из окна машины локоть, и чтобы тебя увидели соседи – кто с восхищением, кто с завистью... Не дал же Бог...»

Машина остановилась в самом начале деревни. Шофёр был категоричен: «Дальше ехать не могу».

– Начальник твой велел оставить тебя на ночёвку...

– Да тут расстояние-то небольшое. Через три часа я буду в Казани... – Было видно, что шофёру не терпится удрать отсюда. Шофёры из подобного рода путешествий обычно выжимают максимальную пользу.

Подняв сумку над головой и с трудом передвигая ноги по скользкой грязи, художник двинулся к своей улице. Сквозь пелену дождя темнела крыша родного дома, словно звала его.

Он добрался до дома, и тут же кончился дождь. Вокруг разливался яблочный аромат. Воздух был настолько густо наполнен чистотой и свежестью, что его хотелось пить... Да и дорога оказалась не такой уж грязной. Поторопился шофёр, поторопился...

Дверь он открывал с опаской... Отец сидел, прислонившись спиной к печи, и чистил картошку. Увидев сына, он встал и пошёл навстречу. Обнялись. Художник прикоснулся лицом к небритой щеке отца. Похлопал его по спине. Похудел старик, лопатки торчат.

– Ты не болеешь, папа?

– Да что мне будет, старому... Кых-ких...

– Телеграмма...

– Без телеграммы тебя разве сдвинешь с места? Не сердись, очень хотел тебя увидеть.

– Нафисы... (Не может же он называть её «мамой»!) дома нет, что ли?

Отец, прихрамывая, обошёл вокруг стола, похудевшей и словно бы усохшей рукой сгрёб в кучку луковую шелуху. А потом тихо произнёс: «Она ушла».

Сын обвёл глазами комнату. Жилище словно осиротело, было видно, что в последние несколько дней женщины в этом доме не было. Постой, а где же его подарок – Домовой? Но вслух он задал другой вопрос:

– Куда ушла?

– Развелась. Вернулась в Карабик. Уже десять дней тому назад.

– Вы поссорились?

Художник знал о вспыльчивом нраве отца. В ярости он мог наговорить всякого. И на руку скор... Но быстро отходит. Вспыхивает, как порох, но и гаснет так же быстро... Потому что справедлив. Но как это объяснишь чужой женщине, которая совсем его не знает и узнать толком не успела? Да и женщины сейчас нетерпеливы, спешат поскорее согнуть мужа в бараний рог. Начнёшь сопротивляться – тебе же хуже! Борьба за власть приобрела массовый и повсеместный характер...

– Строптивая оказалась жена, – отец, хромя, ходил из конца в конец комнаты. – А ведь она мне по душе пришлась...

Художник присел к столу.

– Скандалила, что ли?

– Ты, наверно, проголодался в дороге. Сейчас картошку сварю. А пока чайку выпей. – И отец поставил на середину стола закоптелый чайник. Художник вынул из сумки привезённые гостинцы: «Давай, и сам присаживайся. Картошку попозже сварим».

Отец, словно только этих слов и ждал, сразу сел к столу.

– Ревнивая оказалась жена-то... Окно на веранде сделал в сторону улицы, так она меня замучила, мол, это я специально, чтобы за девицами наблюдать... – Отец помолчал немного и, отвернувшись, добавил:

– Да и страстная она больно... У меня же, сам понимаешь, силы уже не те...

Что можно посоветовать отцу в такой ситуации?.. Пробормотав: «Не расстраивайся, отец, всё образуется», художник вышел во двор. Зашёл в хлев, затем заглянул в дровяник. Здесь он и увидел то, что искал: на поленнице, задрвав ноги, валялся Домовой. Художник осторожно взял его в руки, смахнул пыль. Домовой, по обыкновению, улыбался. Сейчас бедняга словно говорил: «Ну что же, раз мне определили место здесь, то ничего не поделаешь...»

Подобное отношение к его творениям было для художника привычным... Помнится, чего только не писали в газетах, когда он организовал свою первую выставку. Мол, художник отвергает ислам и призывает к язычеству. Он тогда пытался утешить себя тем, что язычество – это тоже история народа. Некоторые его пережитки, переплетаясь с исламом, дошли до наших дней. Тогда надо и Тукая упрекнуть в том, что он написал «Водяную»... Впрочем, сейчас, кажется, и Тукая не обходят критикой. Геростратова слава многим покоя не даёт.

Кое-кто стал слишком религиозным. Вчерашняя проститутка, повязав белый платок и сменив имя на мусульманское, читает с экрана телевизора «Бисмиллу». Может, не следует этому удивляться? Ведь не зря говорят, что грешник, вставший на путь истинный, гораздо более дорог для Всевышнего, чем вечный праведник.

Увидев в руках сына Домового, старик, пряча глаза, пробормотал:

– Не понравилась эта штука Нафисе... Ей казалось, что он всё время смеётся над ней. Это я вынес его на поленницу – боялся, что кинет в печку. Не сердись, сынок.

– Я увезу его с собой.

Они посидели довольно долгое время молча. Потом отец сказал:

– Видишь сам, сынок, жизнь опять пошла наперекосяк. Мужику трудно жить одному.

Пропадает он один, кых-ких!

Художник молча наблюдал за отцом. Похоже, тот собирается жениться ещё раз.

– Есть кто на примете?

– Думаешь, я зря тебя вызвал телеграммой? Потому что... без тебя никак. Всё же это серьёзное дело, ответственное.

Глядя на отца, ставшего на старости лет разговорчивым не в меру, художник улыбнулся.

– Я уже договорился с Хатмуллой. Сейчас он приедет.

– И в какие края ты наострил лыжи?

Старик сердито посмотрел на сына. Он совершенно не мог понять, почему во время обсуждения серьёзного вопроса сын вздумал шутить...

– Поедем в Карабик, – отрезал он. – Хатмулла вот-вот будет.

– И кого же мулла тебе сосватал на этот раз?

– Поедем за Нафисой...

Вот тебе раз! Художник почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Ему совсем не хотелось ехать в Карабик и снова просить Нафису выйти замуж за его отца. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», – говорили древние. Невыдержанность, страсть отца к молодой женщине разозлила его, и он резко ответил:

– Я туда не поеду! Езжай один.

– Я три раза там был. Она стоит насмерть: не поеду и всё! Порчу, что ли, кто навёл... –

В голосе отца послышалась мольба: – Если ты поедешь, она не откажет. Сколько раз говорила мне – уважает она тебя. – И тут же лстиво добавил: – Ты же не грубая деревенщина вроде нас. Разговаривать умеешь... А женщины на красивые слова падки.

Художник сидел, обхватив руками голову. Ему ужасно не хотелось ехать в Карабик сватом, но не ехать тоже было нельзя. Ведь родной отец просит...

– У тебя нога лёгкая, с детства, – продолжал уговаривать его старик.

Разумеется, он знал, что сын не послушается его. Но ему не хотелось омрачить ссорой столь щепетильное мероприятие. Иначе удача может отвернуться.

А вскоре и Хатмулла прибыл. Сегодня он почему-то был трезв.

– Ну что, двинули, зятёк? – громко рассмеялся он. Потом протянул руку художнику: – Ага, и сын приехал на свадьбу. В нашей деревне только Сарим-абзый женится так часто, – шутливо похвалил он соседа. – Женщины теперь только о нём и говорят...

Художнику вдруг стало жалко отца: небось, за спиной старика все смеются над ним. Он почти ненавидел Нафису, из-за которой всё случилось.

– Поехали, – бодрым голосом сказал он. – Если будет сопротивляться, мы её силком привезём.

Отец радостно засмеялся, Хатмулла посмотрел с подозрением.

– Тогда давайте поскорее, – сказал он. – Скоро стемнеет...

Не заперев даже двери, они поспешили к трактору. Отец нырнул в кабину к Хатмулле, а художник полез в замызанную телегу.

Поехали...
2001

Сова под дождём

Когда зазвонил мобильный телефон, я стоял на мосту и смотрел на воды Казанки. Встающее над горизонтом солнце напоминало странную птицу, раскинувшую крылья и готовую броситься на свою жертву. Казалось, от дуновения ветра её красные перья падают на поверхность реки и вода становится кроваво-тёмной. Я смотрел на эту воду, и душу обжигало холодом, своим стылым равнодушием река словно тянула, всасывала в себя. Я бросил в воду чёрный пакет, который держал в руках...

...Зазвонил мобильный телефон.

В трубке послышались всхлипы моей двоюродной сестры. В потоке мокрых звуков я разобрал слово «муж». «Мужа застрелили прямо у ворот...»

Сестра с мужем жили на окраине города в собственном двухэтажном доме. Множество таких домов из красного кирпича появилось здесь в последние несколько лет, щедро «окропив» местность, словно кровь. Вместе с ними в язык вошло и новое слово «коттедж». Забор вокруг такого хозяйства – тоже из красного кирпича. Ворота – железные! Что творится внутри и кто там живёт – никому неведомо. Случайные прохожие, завидев такой дом, прищёлкнут языком от зависти: эх, и живут же на свете счастливые люди!.. Утром железные ворота раскрываются, и из них, подмигивая глазами-фарами, выезжают крутые машины. В глубине двора маячит злобный силуэт огромного, как телёнок, пса. На террасе виднеются белые стулья. Фонтан, бьющий среди цветов в саду, напомнит остальным, то есть тем, кто прозябает в бетонно-стеклянном мире, о том, что скоро все они тоже попадут в рай. И эта мысль успокаивает душу: шикуйте, шикуйте давайте, только вот что вы будете делать на том свете?.. Когда мы напрямик отправимся в рай, вас непременно задержат у его ворот. Поэтому в иные дни, когда грустно, хочется зайти в такой коттедж и погладить его хозяев по голове, утешить. Но железные ворота заперты, а если и откроются ненароком, то внутри виднеется тень огромной собаки... И доносится звон цепи...

Вот в таком доме и жила моя двоюродная сестра со своим мужем. Я обращался к ней как старшей по возрасту, хотя разница составляла всего три года.

Поскольку я был братишкой хозяйки и приходился шурином её мужу, то довольно часто бывал в их доме. Наверно, даже слишком часто, потому что однажды вечером хозяин, пришедший под хмельком, долго смотрел на меня – смотрел, прищутив свои ярко-голубые, словно капля на кончике сосульки (ему кажется, что так он проникает в душу человека), глаза, и, поглаживая свои рыжеватые усы, спросил:

– Ты, братец, вообще-то где-нибудь работаешь?

Подобно пацану, невзначай застигнутому в туалете над подростковым грехом, я подавил внутреннюю дрожь и пробормотал:

– Сейчас очень трудно найти хорошую работу... Особенно студенту...

– Переезжай к нам, – сказал он. – Дом у нас большой, работы всякой-разной – куры не клюют. Будешь помогать Шавали, он устаёт, уже не справляется старик... Пока буду платить сто долларов в месяц. Еда, проживание – за мой счёт, разумеется...

Рядом стоит сестра и улыбается. Не иначе как именно она подсказала мужу эту умную мысль.

– Не правда ли, хорошее предложение, Ильгиз? – спрашивает она.

Ещё бы! Сто долларов – для меня деньги немалые. Я бы даже сказал, большие деньги. Конечно, дядя мог бы платить и больше. Он по-настоящему богатый человек – владелец крупной фирмы... Но немного скуповат... Нувориши обычно и бывают такими прижимистыми!

Впрочем, надо благодарить судьбу и за это. Пока уцепиться бы за малое, а там и о большем можно подумать. Если я окажусь дяде по нраву... Вот с такими сладкими мечтами пол-

года назад я поселился за красным кирпичным забором. Со стороны кажется, что в этих домах живут только счастливые люди. Но ведь здесь есть и бедные родственники богатых хозяев, и их слуги...

Шавали невзлюбил меня сразу. Наверно, он воспринял меня как соперника. Сам он обосновался здесь крепко. Даже комфортно. Повадки у него – как у настоящего хозяина. Разумеется, когда остаётся один. А обычно он преданно смотрит хозяину в глаза. Они оба из одной деревни. Кажется, даже родственники, хотя и очень дальние. Дядя ему доверяет. А Шавали, чтобы оправдать это доверие, готов пылью стелиться под его ногами. Он гордится своим хозяином. В первый день, показывая мне хозяйство, он так и пыжился от гордости. Можно было подумать, что вся эта недвижимость записана на него... Шалишь, Шавали! Здесь всё принадлежит моей сестре. Да, хозяйкой всего этого ошеломляющего богатства является она. Разумеется, только на бумаге. Новые богачи, у которых руки не совсем чистые, не доверяют государству и оформляют имущество на своих жён и родственников... Ведь если что случится, у нас не так-то просто защитить своё богатство... А в России всегда что-нибудь случается.

...А ещё Шавали чувствовал свою ответственность за хозяина. Подобно старому лакею, приставленному к молодому барчуку, он частенько ворчал, упрекая хозяина в неосторожности или транжирстве. Это дядю-то! Уж кого-кого, а его в этом упрекнуть нельзя. Роскошь, богатство, шик он любит – достаточно посмотреть на его дом! – на это он денег не жалеет, но подал ли он хоть раз в жизни рубль нищему? Сомневаюсь, очень сомневаюсь...

Дядя с Шавали были даже внешне похожи – в Арском районе (откуда они были родом) частенько встречаются такие рыжеватые и веснушчатые люди. Весьма, кстати сказать, ловкие ребята...

– Основная твоя работа будет здесь, – сказал Шавали, указав на бассейн. – Меняешь воду, чистишь. Аккуратненько... – Он подтянул брюки. – Ответственная работа... Сюда часто гости приезжают, всем хочется искупаться. Аккуратненько...

В бассейне плескалась зелёная вода. Большой бассейн... Да, богач не станет кормить за просто так...

– Ну что застыл, давай, – сказал Шавали и снова подтянул штаны.

Если ему жалко денег на ремень, то почему бы не подвязать брюки верёвкой? Чем мучиться так...

Мы зашли в бильярдную, осмотрели баню. Шавали показал и зимний сад. Он шёл впереди, покручивая на пальце связку ключей, демонстрируя мне богатства своего хозяина. На его лице, похожем на осенний лист, разлился слабый румянец, глаза странно блестели, а нос подозрительно хлюпал. Я решил подыграть ему:

– Наверно, даже ханский дворец был не столь хорош.

Шавали, презрительно усмехнувшись, махнул рукой:

– Ханский дворец – пустяк. А здесь ещё много чего удивительного. Аккуратненько... – Затем, словно спохватившись, что сболтнул лишнего, он заторопился и танцующей походкой направился по тенистой аллее, утопающей в душистых липах. Через некоторое время мы подошли к небольшому зданию из красного кирпича, выстроенному в форме круглого шатра. Оно было сплошь окружено каким-то вьющимся кустарником.

– Никогда не подходи к этому месту, – сказал Шавали, сжав жёлтыми пальцами мою руку. – Хозяин голову оторвёт...

– Почему? – Я был чрезвычайно удивлён странным приказом хозяина.

– Я и сам не знаю, – ответил Шавали, почему-то дрожа. – Ночью оттуда доносятся какие-то звуки. – И он тяжело зашагал к коттеджу. Прежде чем уйти, я ещё раз оглянулся на круглое строение. Из прорези под крышей мне почудился чей-то взгляд...

Во дворе нас встретила сестра.

– Вот, показывал парню хозяйство, – сказал Шавали оправдывающимся голосом.

– На кухне готов обед, поешьте, – сказала сестра и направилась к воротам. Напротив них стояла светлая «Ауди». Из неё вышла женщина в широкополой шляпе. Увидев сестру, она распростёрла объятия:

– Ная, подруга, как дела? Знала бы ты, как я по тебе соскучилась...

– Гуля! Подружка! Здорово, что надумала приехать! Только что вспоминала тебя. Сто лет жить будешь...

Они обнялись. Гуля, придерживая рукой широкополую шляпу, успела несколько раз чмокнуть подругу в щёку.

Шавали, что-то бормоча себе под нос, ушёл на кухню. Я же, сделав вид, что завоzilся со шнурками, задержался. Мне хотелось рассмотреть девушку поближе. Что за птица?

Они, взявшись за руки, приблизились ко мне.

– Я только что из салона... – щебетала гостья, однако, увидев меня, тут же сменила тему:

– Ная, вы что, прислугу наняли? Из деревни, что ли, выписали?

Моя сестра Ная – кстати, мулла в своё время нарёк её именем Назифа – склонила голову набок, словно смущаясь, и томным голосом проговорила в нос:

– Ну какая прислуга, Гулечка! Это мой брат. Двоюродный. Студент. Айдар уговорил его пожить у нас.

Гуля посмотрела на меня в упор. У неё были совершенно круглые глаза. Чуть загнутый книзу нос и чёрные как смоль волосы, обрамляющие круглое лицо, делали женщину удивительно похожей на сову. Чёрное пламя, игравшее в омуте её зрачков, словно обожгло меня.

– Айдар сам предложил?.. Вообще-то он говорил, что нужен человек, чтобы чистить бассейн. Это даже хорошо, что родственник... – Посмотрев на меня, женщина улыбнулась. – Очень аппетитный родственник. Мускулистый.

Сестра покраснела и начала тянуть подругу на террасу, к белым стульям.

– Пить хочешь, Гуля? Чай будем пить?

Но гостья, похоже, не собиралась уходить и продолжала пожирать меня глазами:

– Не стесняйся, Ная. Дело житейское. Таким братом можно гордиться. А ты прячешь его от нас. Ты прямо из деревни в институт? – спросила она меня.

– После армии... – проговорил я сквозь зубы.

– Ты, наверно, в Чечне служил, выглядишь очень боевым парнем?

– Было дело...

Я, наконец, освободился от ботинок и шагнул к двери, а женщины направились к террасе. Они заговорили о чём-то своём, раздался дружный смех. «Забыли обо мне, как только отвернулись», – подумал я и... ошибся. Такие, как они, никогда ни о чём не забывают. Чтобы понять это, понадобилось не так уж много времени.

Когда я вошёл на кухню, Шавали с шумом ел горячий суп, то и дело утирая потное лицо красным полотенцем. Создавалось впечатление, что человек явился сюда, скажем, прямо с лесоповала! Шавали ел настолько самозабвенно, что не заметил моего прихода, он был погружён в себя. Когда я, пристроившись сбоку, поднёс ложку ко рту, мой «босс», вылизав тарелку, уже набросился на жареную баранину.

– Вот так, – сказал он немного погодя, отхлебнув остывший чай. – Агузе билляхи... – Затем смачно рыгнул, отвалился на спинку стула и с интересом посмотрел на меня. – Значит, устроился на тёплое местечко, да? Аккуратненько.

Я промолчал, занятый размещиванием горячего супа.

– А эта женщина, Гульсина то есть, наведывается сюда через день... Аккуратненько... Хороша, проклятая... Близкая подруга Назифы. Но хозяин не любит, когда она сюда приезжает. Сегодня опять скандал будет, аккуратненько. Когда хозяин гневается, ты ему на глаза не попадайся. Упаси тебя Бог... – Встав из-за стола, он направился к двери. – Посуду оставь там. Уберут.

Убрать должна была, видимо, его жена. Хотя до сих пор я ещё её не видел. Уже в дверях Шавали, не поворачивая головы, отдал мне приказ:

– Через два часа сменишь в бассейне воду, аккуратненько.

– Есть, командир, – ответил я.

Он подтянул штаны и, не тратя слов понапрасну, пошёл своей дорогой.

Я уже вставал из-за стола, когда вдруг возникла, словно ниоткуда, женщина в простом белом ситцевом платье и белом платке, повязанном на деревенский манер, и начала прибираться со стола. Время от времени она поглядывала на меня. Мне показалось – с жалостью, впрочем, кто её знает... Обычно так смотрят старухи, вспоминая своих детей – рождённых и нерождённых...

– Сынок, ты сюда как, по своей воле попал? – вдруг спросила она.

Не зная, как ответить, я пробормотал нечто похожее на «конечно».

Наверно, это и есть жена Шавали. Она была человеком из другого мира, это было ясно как день. «Эх, жизнь», – вздохнула женщина и застыла, вперила в меня свои тёплые карие глаза. Желая освободиться от этого взгляда, я попытался встать, но ноги не держали меня. Тем временем откуда-то женщина достала молитвенный коврик, расстелила его, встала на него и пронзительным голосом заговорила: «Господи, вознамерилась я прочесть предвечернюю молитву, обратившись лицом в сторону Кыблы. Халлисан лилляхи Тагаля. Ради довольства Аллаха...»

Откуда в этом тшедушном теле такой голос? Наконец ко мне вернулась способность двигаться, и я, желая поскорее проглотить тревожный студень, застрявший у меня в горле, поспешил на воздух.

А там, держась за руки, по тенистой липовой аллее уходили в глубь сада Ная и её гостья. Они о чём-то говорили и радостно смеялись. Выглядели они вполне счастливыми...

Было уже темно, когда я, закончив работу, вернулся к себе и лёг спать. Моя комната располагалась под лестницей, ведущей на второй этаж. Она была маленькая, но славная, из мебели – кровать, стол и один стул. Иметь свой угол было так приятно! Я вытянулся на кровати, хрустнув от удовольствия костями. Взял со стола какую-то книгу, начал листать, прикидывая, с какого места будет интереснее начать чтение, как вдруг наверху послышались голоса... Боже, кажется, там ссорятся? И не только ссорятся, но, похоже, дерутся – что-то, ударившись о стену, разлетелось вдребезги. Кто же это скандалит? Впрочем, наверху и не может быть никого, кроме сестры и её мужа. Получается, они живут не очень дружно. Неужели дядя принадлежит к числу тех мужиков, которые, напившись, начинают самоутверждаться? Не было печали – черти накачали! И что мне теперь делать? Прикинуться спящим или изобразить, будто я пытаюсь защитить сестру? Но кто я такой? Если серьёзно, то всего лишь бесправный наёмный рабочий... К тому же упаси Бог встревать между мужем и женой. Они ночью помирятся – ночь умеет сближать! – а я для обоих стану врагом. И тогда, как пить дать, из этого дома мигом вылечу.

Скандал между тем, видимо, перерос размеры спальни – дверь с грохотом распахнулась, и надтреснутый голос дяди послышался над самым моим ухом: «Сколько раз я вам обеим говорил, чтобы в моё отсутствие и духу её здесь не было!» В ответ раздались рыдания сестры. «Заткнись, на нервы действуешь!..» – и прозвенел звук пощечины. Неужели он её ударил?! В тот же момент сестра заорала на весь дом: «Ах ты сволочь! Снова бить меня? Забыл, как в милиции бумагу подписал, что и мизинцем меня не тронешь больше? Да я тебя... я... я уничтожу тебя, костей не соберёшь...» Она начала сыпать угрозы... «И что ты со мной сделаешь? – заорал в ответ дядя. – Не родился ещё тот, кто посмеет тронуть меня хотя бы пальцем! Снова эта сова настраивала тебя против меня? И где она тебя оприходовала своим ядовитым языком на этот раз?» Кажется, сестра вместо ответа расцарапала ему лицо, потому что дядя вдруг совсем по-детски вскрикнул.

Услышав шаги возле самой двери, я мигом отвернулся к стене, мол, не беспокойте меня по пустякам, я уже давно вижу десятый сон. Усевшись на единственный стул, сестра начала

тыкать в кнопки сотового телефона. Проклятье, неужели звонит в милицию?.. «Гуля, Гуля! – закричала она в трубку. – Он снова бузит. Бьёт. Что мне делать, родная, нет больше сил терпеть... Куда мне податься?! Кроме тебя, у меня никого нет в этом городе. Скажи хоть слово, милая... Сейчас приедешь? Не-ет, он не в себе, прибьёт ещё обеих... Что? Ладно...»

– Ты же не спишь, зачем прикидываешься? – вдруг сказала она, обращаясь ко мне. Голос у неё был совершенно спокойным, словно это не она только что подралась с мужем и в отчаянии звонила подруге, умоляя её о помощи...

– Даже армия не сделала из тебя мужика, – продолжила она. – Твою сестру чуть не убили, а ты лежишь тут в уголке и дрожишь от страха...

Мне стало неловко, и я сел на кровати. Ная расположилась весьма комфортно, облокотившись на стол, её зелёные глаза внимательно смотрели на меня. Рыжие волосы растрепались, правый рукав халата был разодран, между распахнутыми полами с вырванной нижней пуговицей выглядывали голые колени – вылитая Водяная, которая ищет украденный у неё золотой гребень! Ная была просто прелесть!

– Я и в самом деле спал, – лениво соврал я и в подтверждение своих слов потёр глаза.

– Ну, если ты при таком шуме можешь спать, значит, нервы у тебя крепкие...

– А что за шум? – притворился я.

– Твой дядя не любит, чтобы Гуля у нас бывала. Замучил совсем. А я тоже человек! Я не монашка, чтобы сидеть тут одной взаперти.

– Устройся на работу.

– Не разрешает. А потом...

– Нашла тоже... – Я свесил ноги с кровати. – Сейчас, чтобы устроиться на хорошую работу, никакая специальность не нужна. Если есть поддержка...

– Совсем распустился, – сестра шмыгнула мокрым носом. – И что он привязался к Гуле, а?

– А что она за человек?

– Она очень хорошая. Я рядом с ней забываю обо всём. Без неё жизнь – не жизнь.

– Ну, ты и скажешь тоже... Может, дядя в чём-то и прав...

– Если будет перегибать палку, то его и пристрелить недолго...

Я настолько удивился, что мои выпученные глаза коснулись, кажется, волос надо лбом.

– Ты с ума сошла?

– Да я... Это я к слову. Их ведь через день отстреливают. – Увидев моё выражение лица, она зло усмехнулась: – Не дрейфь, парень, таким, как он, ничего не сделается. Он ещё меня в гроб загонит. Вот прикажет своему Шавали...

В это мгновение дверь отворилась, и на пороге возник дядя. На меня он даже не посмотрел – словно нет здесь больше никого! – и со сдерживаемой дрожью в голосе сказал:

– Ну, что расселась тут? Пошли в спальню!

Сестра отвернулась:

– Сейчас приедет Гуля. Поговорите.

Деланная улыбка дяди словно приклеилась к его побелевшему лицу. Он вдруг бросился на колени и мощными руками обнял жену за ноги.

– Эта твоя сова – дьявол! Она несчастье нам принесёт, клянусь тебе... Пойдём, родная, пойдём наверх. Забудь всё.

– Дурак ты, Айдар.

Я уже собирался выйти из комнаты, когда входная дверь с силой распахнулась, и на пороге возникла Гуля. Она окинула быстрым взглядом присутствующих, и её красный рот, чем-то неувлимо похожий на кровавую рану, скривился набок:

– А-а, здесь полная гармония?!

– Ты?

Дядя поднялся и начал отряхивать колени, я тем временем поспешил на улицу. Почему это я задыхаюсь в этом доме? Выйдя за ворота, я сел на скамейку, которую сам сегодня смастерил, и устремил глаза в небо. Небосвод был щедро усыпан звёздами, но сейчас они показались мне похожими на прыщи.

Слова, в сердцах сказанные сестрой, взбудоражили меня. Эх, Назифа... Страшно подумать, какие мысли могут рождаться в её душе! Не зря, наверно, древние сказали, что за ночь женщина семь раз просыпается с желанием убить мужа.

Как же можно сказать такое о человеке, с которым ты делишь ложе и пищу? Видите ли, ему не нравятся посещения Гули! Имеет право! Кто тебе дороже: собственный муж или эта сова? Что это? Кажется, я начал разговаривать сам с собой?

Эге... Так вот она какая, моя сестра Ная!

Впрочем, мало ли что скажет женщина! Жизнь всё равно всё устроит по-своему.

Кто-то стремительно приближался ко мне в темноте, и я теснее прижался к забору: здесь темно, авось не увидят. Из ворот вышли две тени. Так ведь это дядя с Гулей!

– Постой, Гуля! Постарайся понять меня, – сказал дядя, шумно дыша. Он не привык ходить пешком, а потому, видно, запыхался. Голос Гули прозвучал как угроза:

– Если ещё раз тронешь Наю... Ты знаешь мои возможности.

– Я же ревную, Гуля. Ты всё время с Наей. Перед людьми стыдно.

– Поменьше слушай своего шпиона. Я тебя предупредила.

Дядя вдруг обнял Гулю и начал целовать ей лицо и руки.

– Прости, прости, Гуля. Заморочила ты мне голову. Я ради тебя умереть готов...

Гуля неслышно рассмеялась:

– И умрёшь. Глупый! Я ведь тоже люблю тебя. По-своему люблю. – Они начали шумно целоваться. Но вскоре Гуля сказала: «Хватит», – зачем-то отряхнула одежду и направилась к белевшей неподалёку машине.

– Не вздумай проболтаться Нае, – обернувшись, сказала она.

В ответ послышался лишь звук, похожий на стон. Машина растворилась в темноте ночи, дядя исчез в воротах. Посидев ещё немного, я тоже отправился в дом. Навстречу попался Шавали. Он прошёл, почти коснувшись меня, но даже не заметил.

Ноги сами понесли меня по липовой аллее в глубь сада. Не доходя до круглого каменного здания, я остановился. Теперь оно казалось мне похожим на древний склеп. На этот раз мне почудилось, что в прорези под крышей мелькнуло чьё-то бледное лицо.

...Когда я добрался до коттеджа, тело дяди уже увезли. Увидев на асфальте контур тела, начертанный белым мелом, я содрогнулся.

Какой-то молодой парень обернулся ко мне:

– Кем приходитесь хозяину?..

– Шурин.

Парень осмотрел меня изучающим взглядом и вместе с другим следователем прошёл в глубь двора. Я двинулся следом. Теперь трудно вспомнить, как мы оказались возле круглого здания. Вернее, дорога туда запечатлелась в памяти как навязчивый сон.

Перед домиком были рассыпаны перья какой-то птицы, а возле сорванной с петель двери лежал на спине Шавали. Под его головой собралась лужа крови, меня тут же затошнило, и я отвернулся.

– Рана в области темени, – сказал следователь. – Слово кто-то его клюнул... Странно...

– Чтобы так клюнуть, нужен металлический клюв, – сказал другой и вошёл в здание. Какая-то сила повела меня за ним.

На пороге мы оба остановились. Полутёмное помещение выглядело так, словно здесь была ожесточённая схватка – стол и стулья были опрокинуты, в углах комнаты виднелись

вырванные и скомканные страницы книг, разбросанных тут же. На полу – сплошное крошево из разбитых полумесяцев, звёзд, крестов. Отодвинув ногой треснувшую посередине жёлтую фигурку тельца, следователь присвистнул:

– Музей, что ли, здесь был?

Я молча вышел из этого странного места. Надо было утешить сестру.

К вечеру обнаружилось, что бесследно исчезла жена Шавали.

...Дни повернули к осени. Вот и сегодня с утра зарядил дождь.

Он моросил и моросил. Шорох красно-жёлтых листьев рождал в душе какую-то грусть. После смерти Шавали я полностью взял на себя его обязанности по хозяйству. Теперь всем здесь управлял я. Кстати, я обнаружил в себе особый талант – умение подчиняться женщинам. Нужно меньше болтать и больше слушать, тогда и хозяевам угодить нетрудно... Ная и Гуля со мной считались.

Я люблю такие вот дождливые, словно набухшие влагой, осенние дни. Собрав опавшие листья, я развёл костёр. Дым, соединяясь с запахом дождя, приятно щекотал ноздри. Сестре, я знаю, тоже нравится костёр, дымящийся под осенней моросью. Огня не видно, а дым струится по всему саду!

Вот она и сама появилась с зонтиком в руках. Ей очень идут красная куртка и джинсы в обтяжку...

– Гули сегодня не будет, – сказала она. – А мы поедем на кладбище. – Перехватив мой вопросительный взгляд, добавила: – Позвонили друзья мужа, они установили надгробный камень. Надо поехать посмотреть.

Отбросив грабли, я пошёл в дом переодеться.

То, что Гули сегодня нет, довольно странно. Она здесь бывает каждый день, крутится вокруг Наи. Какая трогательная и горячая дружба.

В последний путь дядю провожали со всеми почестями. Хоронить приехали все, кто любил его. На кладбище я насчитал восемьдесят два автомобиля. Если бы дядя был жив, он гордился бы такими похоронами.

И могила его оказалась в очень удобном месте. Сразу от главного входа надо повернуть налево. Там рядами расположились безвременно ушедшие из жизни «братки».

Когда мы добрались до места, дождь ещё моросил. В воротах суетилась похоронная процессия из пяти-шести человек. Они увлечённо спорили: заносить тело вперёд головой или ногами? Вечно спорная тема для невежд...

Немного не доходя до могилы мужа, сестра вдруг остановилась как вкопанная. Я посмотрел вперёд и понял, что так сильно поразило Наю. Памятник был очень высокий. Он возвышался над соседними надгробьями на целую голову. А на скамейке возле памятника, похожая на взъерошенную птицу с опущенными крыльями, сидела... Гуля. Кажется, она беззвучно плакала.

По лицу сестры побежали красные пятна. Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но передумала, развернулась и скорым шагом бросилась обратно к выходу. Я догнал её и поднял над её головой зонтик.

Дождь усилился. Словно вздыхая, подул слабый ветерок. Выходя из ворот, я обернулся посмотреть на дядину могилу. Там, касаясь серыми крыльями кладбищенских ив, тяжело поднималась в небо безобразная сова.

2005

Женщина

Ступая на самые кончики пальцев, он вышел в кабинет. Перед тем как прикрыть дверь, оглянулся и посмотрел в спальню. В свете уличного фонаря, в полумраке комнаты, едва угадывались силуэты предметов. На одной стороне широкой кровати, чуть слышно дыша, спала жена. На тумбочке, возле изголовья, в гранёном стакане покоилась её искусственная челюсть. Мужчине даже показалось, что он различает желтоватый цвет челюсти. Словно это осколок зуба мамонта, умершего миллион лет назад...

В кабинете он не стал зажигать свет. Здесь он может ходить с закрытыми глазами. Вот книжные стеллажи, протянувшиеся вдоль всей стены, письменный стол, кресло... телефон...

«Наверно, уже поздно, – подумал он. – Десять или... уже одиннадцать?» И всё же его указательный палец нервно пробежался по кнопкам. Длинные-длинные гудки.

А в ушах отдаётся: долго, долго, долго...

Он откинул со лба редкие седые волосы. Ладонь была мокрой.

Наконец в трубке послышался женский голос:

– Аллю?!

– Венера.

– Кто это?

– Альберт. – Он попытался сглотнуть ком, вдруг образовавшийся в горле. Голос его превратился, но он с трудом взял себя в руки. – ...Марленович. – Теперь голос окончательно вернулся к нему и звучал вполне бодро. – Венера, это я, Альберт Марленович... Ты прости, что беспокою так поздно.

Трубка молчала.

– Венера!

Где-то там, на другом конце города, женщина торопливо швырнула несколько фраз:

– Я же сказала вам! Не надо беспокоить меня ни поздно, ни рано. Неужели вы ничего не поняли?!

Короткие гудки, словно молоточки, застучали по мозгу. Альберт Марленович в замешательстве взял со стола очки и надел. С удивлением уставился на свои белевшие в полутьме пальцы, сжимавшие подлокотник кресла. Какая-то горячая волна внутри него пошла к голове, раздувая вены на шее.

Она... Она... За кого она его принимает? Его, Альберта Марленовича Нагаева! Профессора Нагаева! Кто она такая? Чтобы так бесцеремонно разговаривать с ним? Шлюха! Потаскуха...

До сих пор ни одна женщина не смела так грубо отвергать Альберта Марленовича.

«Наверно, это и есть старость... Неужели жизнь прошла?» – От этой мысли у него похолодело в груди. – Женщины – всё равно что кошки... Такое чувствуют сразу.

В животе снова образовалась горячая волна. Нет... Пока это ещё не волна, а словно комок огня... Сейчас от него начнут растекаться вверх волны. Не отдавая себе отчёта, Нагаев взял в руки ручку. Но вдруг – словно пчела его укусила – бросил ручку на стол. Ручка звонко щёлкнула, а толстое стекло, которым был покрыт стол, нежно звенькнуло.

А ведь эту ручку ему подарила Венера...

– Золотое перо, – сказала она. – Пусть всё, что ты напишешь им, будет на вес золота.

– То, что я пишу, бесценно, – высокомерно ответил тогда Нагаев.

Венера рассмеялась, высоко вскинув подбородок – такой круглый и красивый.

– Почему ты смеёшься?

– Мужчины о себе такого высокого мнения.

– Если сам себя не похвалишь, кто похвалит?

– Я тебя похвалю... – И Венера снова безпричинно засмеялась.

Нагаев внимательно посмотрел на неё. Чёрные как смоль волосы, на глаза падает чёлка, как у подростка, изящные брови вразлёт... на дне чёрных глаз затаилась чуть заметная усмешка. Вот крылья её вздёрнутого носика чуть задрожали, и что-то странное начинает твориться в его старом сердце, чёрт побери!.. Маленький рот, сочные губы – они словно созданы только для того, чтобы пить через соломинку благородный коктейль... Что знает Нагаев об этой женщине?

Он, разумеется, попытался расспросить её. Но Венера снова прыснула:

– Не на казённой работе... У меня, как и у вас, творческая работа... Я интересуюсь психологией людей.

– Ты прямо как Зоя Космодемьянская, – Нагаев сделал вид, что обиделся. – Она тоже не сказала немцам своё настоящее имя, назвавшись Таней. Представь себе: её вешать собираются, а она имя своё скрывает...

– Женщина даже перед самой смертью должна оставаться таинственной.

– Как бы её ни звали, для немцев она всё равно оставалась поджигательницей, – сказал Нагаев, решив блеснуть эрудицией перед этой кривлякой. – Местные жители сами выдали её. Кому хочется в середине зимы остаться без всего на трескучем морозе? Ладно ещё народ не забил её сразу до смерти, а то жили бы мы сейчас без одного героя.

– А зачем она поджигала дома?

– Чтобы пробудить в народе ненависть к фашистам...

Такую логику Венера не совсем поняла. И вообще, ей уже порядком поднадоел разговор о какой-то девице, погибшей бог знает когда. В школе уже задолбали этими разговорами о войне, о героях, о том, что мы до самой смерти в долгу перед ними!

Нагаев прикусил язык. Ну какой нормальный человек станет говорить на подобные темы с такой соблазнительной женщиной, как Венера?! А о чём тогда говорить? Вот именно в такой интимной ситуации тет-а-тет, когда рядом с тобой красотка, и она время от времени подрагивает крыльями носа... скажите, о чём можно говорить?!

Он этого не знал. О чём же он часами разговаривал с девушками в молодости? Ведь тогда ночи пролетали незаметно. Значит, дело было не в словах...

Всем известно: чем большую чушь ты несёшь, тем более ты интересен женщине, потому что слова – это лишь прелюдия... Соловей тоже не вкладывает в своё пение какого-то философского смысла, у него ясная цель: он призывает соловыху к совокуплению... И замолкает, добившись своего. Впрочем, до пения ли, когда в гнёздышке появляются птенцы? Надо же их кормить!

Оказывается, Нагаев даже не представлял себе, насколько трудно подобрать пустяковые темы для разговора. Нельзя же всё время твердить «я тебя люблю»...

Говорят, конечно, что влюблённые не нуждаются в словах... Но вряд ли это правда. Иначе не стали бы создавать поэмы и песни о любви. Если полено горит в печи от любви, что в этом интересного?.. Кроме тепла, конечно.

– Почему ты замолчал? – спросила Венера. – Тело твоё здесь, а сам ты...

– Я и сам здесь.

– Нет, ты где-то далеко, со своими мыслями. Для тебя нет никого интереснее самого себя. Я это поняла при первой же встрече.

Нагаев покраснел.

– Это смущение, – солгал он. – Я как подросток, впервые прикоснувшийся к девичьей руке. Честное слово...

Венера на этот раз не рассмеялась.

– Не волнуйся понапрасну, – сказала она. – Ты уже не подросток.

Нагаев внутренне сжался: «Намекает на мой возраст...»

Наверняка, это так. Всё-таки женщины бывают скрытно жестокими. Они любят ущипнуть невзначай. Но Нагаев тут же нашёл себе утешение: раз подкалывает, значит, неравнодушна! Это для человека немолодого – тоже радость.

Хоть Нагаев и старается не думать, но возраст свой помнит. А уж враги наверняка помнят хорошо. Сидят, подлецы, и считают, наверно, на пальцах, сколько ему ещё осталось до пенсии. Да и как не считать? Ведь Альберт Марленович – директор крупного института. Человек в обществе не последний, разумеется. И он уже чувствует, как пыхтят и наступают ему на пятки более молодые. Но ничего, вот так пыхтя и наступая на пятки, они и сами скоро дойдут до пенсионного возраста! Не им решать, кто должен сидеть в кресле директора, это решают наверху. А у тех, кто наверху, и у самих возраст... Ну, скажем, они и сами не совсем молодые. Нагаев даже получал удовольствие, наблюдая за нетерпеливыми взглядами своих сотрудников. Они считают себя бог знает кем! Непризнанные гении, видите ли. Но разве станет серьёзный учёный протирать штаны в его институте?

Послышался голос Венеры. Он доносился откуда-то издалека, словно из тумана.

– Аллю, аллю! Ты где?

– А?

– Вылезай, вылезай из себя!

Нагаев сделал вид, что смеётся.

– Вот спасибо, – сказал он. – Я и в самом деле задумался.

– Что же это за мысли, если ты даже меня забыл?

– В моём возрасте... – Нагаев правдоподобно вздохнул. – Известно, какие мысли приходят в голову в моём возрасте. – И добавил просто: – Я о работе задумался.

– Я о тебе ничего не знаю... – В чёрных глазах Венеры заплясали светлые искорки. – Расскажи, где ты работаешь, где живёшь, семейное положение?

Нагаев невольно улыбнулся.

– Я учёный.

– Профессор, что ли? – Венера захлопала в ладоши. Её щёки разругались.

Ах, как хороша она была в эту минуту! Нагаев едва удержался, чтобы не прижать к себе её стройное тело... прямо тут... посреди улицы... на глазах у прохожих... сжав ладонями её чуть обозначенные груди.

С усилием сбросив оцепенение, он кивнул:

– Да, и профессор. – Он не любил говорить о своей научной деятельности. Впрочем, какая деятельность? Разве у руководителя остаётся время заниматься наукой? К тому же он ненавидит и свою науку, и учёных, работающих в этой области, считая их горлопанями и бездельниками.

Вся жизнь у него прошла среди них! А ведь он был достоин больших дел и высоких кресел, но ему не удалось подняться выше – не дали.

И в самом деле, внешность Нагаева – стройного, словно свечка, с серьёзным выражением лица – была ничуть не хуже, чем у какого-нибудь министра. Даже невысокий рост украшал его. Наверно, поэтому сотрудники его института за глаза называли его Наполеоном. Он знал об этом прозвище и втайне немного гордился им.

– Квартира у меня в центре, на улице Щапова, – продолжил он рассказ о себе. – Двое детей, взрослые уже, живут отдельно.

Он не стал пересказывать ей, какими способами добывал детям квартиры. Хотя похвастаться очень хотелось! Почему-то перед этой полужнакомой женщиной ему хотелось казаться большим и влиятельным человеком. Впрочем, ведь так оно и есть!

– Ах, какой ты важный! – сказала Венера и мягкой ладошкой любовно похлопала его по щеке. – Вы, мужчины, держите себя так, словно вы – пуп земли.

– А ты? Ты тоже расскажи о себе!

– Я обыкновенная женщина, – сказала Венера. – Живу в Аметьево. В частном доме. Мужа нет. Замужем я, конечно, побывала, но... как говорят, не сошлись характерами. Но тебе, наверно, это неинтересно.

«В самом деле», – подумал Нагаев, но вслух сказал:

– Ну почему же? Всякая информация о тебе мне интересна.

– Училась в институте культуры. – Венера оценивающе взглянула на Нагаева, и тут же сама себя перебила: – Вот и добрались до отеля.

– До ужина ещё есть время. Может, прогуляемся по берегу?

– Нет. Я устала, хочу немного отдохнуть.

Нагаев смотрел ей вслед: гибкое тело – словно плывёт по воздуху! – пробуждало желание, хотелось, пуская слюну, словно молодой бык, увязаться за ней! От этой женщины исходили какие-то волны, они будоражили его старую кровь, так что ему даже показалось, что он сейчас потеряет сознание.

Наверно, благодаря именно этим волнам по пути в столовую он сразу же краем глаза выхватил Венеру среди разношёрстной публики. Она стояла в углу фойе и разговаривала с щеголевато одетым молодым турком. Венера смеялась – точно так же, как недавно с ним! – и время от времени прикасалась ладонью к груди собеседника. Они вели себя очень свободно! Как близкие люди. Видно, что они не чужие друг другу. У Нагаева защемило сердце.

Сейчас, в полутёмном кабинете, его сердце снова заняло – как тогда.

– Потаскуха! Дешёвая потаскуха, – зашептал он.

Включив настольную лампу, он схватил листочки бумаги и начал судорожно писать: «Венера – потаскуха! Венера – шлюха!»

Шлюха! Шлюха! Шлюха! Пусть, пусть знают, кто она такая! Пусть знают её родственники и соседи!

И такая – такая! – его, Нагаева, самого Альберта Марленовича! – отвергает?!

Дыхание с шумом вырывалось из его ноздрей, но вдруг он замер и с удивлением посмотрел вниз – подол его махрового халата приподнялся кверху, словно шалаш для влюблённых. Ах! Неужели те таинственные волны, которые исходили от Венеры, проникли и сюда, в его укромный кабинет?

Нагаев торопливо встал из-за стола, скинул халат, оделся, затолкал исписанные листки бумаги себе в карман, туда же сунул пузырёк с клеем.

Стараясь не шуметь, на цыпочках он вышел из квартиры, хотя жена всё равно не услышала бы его – вот уже лет пять-шесть она жалуется на глухоту да ещё на ночь засовывает в уши вату.

Машину он обычно оставлял у подъезда. Ловко лавируя между другими машинами, Нагаев выехал со двора и помчался по пустым улицам в сторону Аметьева.

Он уже ехал по трассе, когда заметил впереди на обочине двух девушек. Они голосовали. Нагаеву вовсе не хотелось сейчас кого-нибудь подвозить. Но лишь отъехав на какое-то расстояние, он вдруг сообразил: так это же уличные проститутки! И одна из них, кажется, была похожа на Венеру? Неужели это она?! Нагаев нажал на тормоз. Оставшиеся далеко позади «бабочки» продолжали махать ему рукой.

Нет, не может быть... Нагаев усмехнулся. Вряд ли Венера выходит на ночные улицы. Он нажал на педаль газа и в тот же момент неожиданно для себя сделал открытие: а ведь ему хочется, чтобы та стоящая на перекрёстке проститутка в короткой юбке и чулках-сеточках оказалась Венерой! Тогда бы он без всякого стеснения подошёл к ней... и их взаимоотношения стали бы ясными, как день. Каждый знал бы своё место и свои обязанности! И не нужно никакой игры, попыток выглядеть не тем, кто ты есть на самом деле...

Вон ещё одна стоит с поднятой рукой. Смотри, и эта в короткой юбчонке и чулках-сеточках. Длинные волосы льются на плечи.

Нет, эта не похожа на Венеру. Или похожа?

Нагаев остановил машину прямо возле девушки.

В открытом окне сначала показались ярко-красные губы.

– Подвезёте? – Девушка казалась очень молодой.

– Куда?

– Это уж вам решать, – захихикала девушка, не оставив ни тени сомнения в том, чем она занимается.

Нагаев открыл дверь.

– Сначала съездим в Аметьево, – сказал он. – Я тебе за это доплачу.

Девушка и в самом деле оказалась молоденькой. Сколько ей – восемнадцать? Или уже двадцать? Нагаеву она годилась во внучки... «Если бы я раньше женился», – горько усмехнулся он.

Девушка слегка обеспокоенно спросила:

– А зачем нам в Аметьево?

– Дело есть... – Нагаев внимательно посмотрел ей в лицо. – Тебе не страшно одной стоять ночью на улице, Венера?..

Девушка глянула на него с удивлением.

– Вообще-то, я – Ленария... Но, если хотите, можете называть Венерой.

– Чем занимаешься днём?

– Днём я сплю... – Девушка изобразила нечто вроде смешка. – А ты, дяденька, любишь задавать вопросы.

Некоторое время они ехали молча.

– Студентка я, – вдруг сказала девушка. – Учусь в университете.

«В каком?» – хотел спросить он, но вовремя остановился. А не всё ли равно? У таких девушек легенды готовы заранее.

Нагаев остановил машину возле тихой улочки, где жила Венера. Выдернул ключ, сунул его в карман и, бросив девушке: «Я сейчас вернусь, сиди здесь», – поспешил в темноту.

Фонари не горели, и это было ему на руку. Похолодало. На Нагаеве была лишь тонкая курточка, он зябко поёжился. Но огненный комок внутри него вдруг снова вспыхнул, заворочался, и всё тело начало заливать огнём. Осенняя ночь словно сгустилась и опалила ему лицо своим жарким дыханием. Да... хоть и было лето длинным, но всё равно неизбежно приходит осень. И ничего с этим нельзя поделать.

Вон там, через два дома, живёт Венера. Кажется, в одном из окон горит свет? Может, там – в тёплой комнате – Венера с кем-то милуется? А он – Альберт Марленович! – в тёмную ночь, скрываясь от людских глаз, словно вор, расклеивает листки бумаги на уличных столбах «Венера – шлюха!» Пусть знают, кто она на самом деле!

Так, спешным шагом, он обежал всю улицу. Сердце билось в груди, готовое выскочить, кровь разгорячилась. Ему казалось, что даже глаза у него горят в ночи красными угольками.

Он открыл дверцу машины и услышал глуховатый встревоженный голос девушки:

– Где ты был?

– Поехали! – И он с яростью воткнул ключ в зажигание.

Через некоторое время «бабочка» снова подала голос:

– Я испугалась.

– В каждой профессии есть свои опасности.

Уже почти у самого дома он завернул машину в тихий переулок. Было тесно и неудобно, но Альберт Марленович ничего не замечал.

– Венера! Венера. Венера, – повторял он не переставая, и никакого другого слова или имени не сорвалось с его языка.

– Не торопись, не торопись, – бормотала девушка, тщетно пытаясь приладиться к нему.

– Венера-а-а...

Машина, словно утомившись стоять на одном месте, мягко переваливаясь с боку на бок, неспешно покатила куда-то вперёд по глухому переулку.

...Они познакомились в Анталии.

Нагаев поехал отдыхать именно туда, наслушавшись восторженных отзывов знакомых. Он шёл в приподнятом настроении по набережной, любуясь красотами природы – а более всего собой! – и уже недалеко от своего отеля на одной из многочисленных скамеек заметил смуглую молодую женщину. Да, да, женщину, говорившую по мобильному телефону, и – остановился как вкопанный. В каждом её движении чувствовалась нега, свойственная только весьма опытным женщинам. А ведь он всегда смеялся над выражением «любовь с первого взгляда». И это в его возрасте!

Впрочем... Он слышал о мужчинах своего возраста, которые теряли голову и, забыв обо всём, ныряли в океан любви, и, уже почти утонув, со страшными усилиями всё-таки выбирались на надёжный берег. Но он также слышал и о тех, кто навсегда исчез в этой пучине.

Однако теперь, когда перед ним сидела такая женщина – не полная и не худая, а именно во вкусе Альберта Марленовича, – разве мог он думать о каком-то чужом опыте в стране любви? Какой опыт? Здесь его нет. Как нет и опыта смерти...

От всего существа женщины веяло тем, что она татарка. А ведь нет ни одного такого типа лица, которое можно было бы наверняка назвать татарским. Каких только татар не встречал в своей жизни Нагаев! Но вот, поди ж ты, оказывается, своего видишь издалека!

Он приблизился и порадовался ещё раз – он не ошибся! Женщина разговаривала по мобильному на татарском языке.

– Я здесь замечательно отдыхаю, не надо мне рассказывать о них! – Женщина даже не посмотрела на присевшего рядом мужчину – даже краем глаза не взглянула! – У меня здесь душа спокойная. Достали меня все. А ему не говори, где я.

Договорив, она стремительно поднялась со скамейки.

– Извините... – торопливо попытался остановить её Нагаев.

– Не извиню! – ответила женщина и, словно удивившись, кто бы это мог быть, посмотрела на него – заинтересованно и испытывающе одновременно. – Вы кто?

– А... Да-да. Будем знакомы – Альберт Марленович. Из Казани.

– Венера. – Женщина просто и непринуждённо протянула ему руку.

– Я краем уха услышал, как вы разговаривали, и словно в Казань вернулся... – начал было он, но женщина сухо остановила его.

– И что там есть особенного, в Казани?

– Как что? Родина... так сказать.

– Ну, раз вы так быстро заскучали, зачем же сюда приехали?

– Как раз затем, чтобы скучать! – ответил Нагаев, радуясь, что так быстро нашёлся.

– Тогда вам слишком часто придётся скучать. Здесь почти половина приезжих – из Казани.

– Вы тоже?

– А разве не видно? – рассмеялась женщина.

– Может, после ужина посидим где-нибудь, поговорим?

Венера снова посмотрела на него испытывающим взглядом из-под ресниц.

Эх, Нагаев просто таял от такого женского взгляда.

– Не люблю я сиде-еть, – протянула Венера. – Вот если бы вы пригласили меня на дискотеку, может, я бы и согласилась. Здесь классные ночные клубы. Но... – И снова этот взгляд из-под ресниц.

«Ага, она, похоже, считает, что я слишком стар, – с обидой подумал Нагаев. – Она ещё не знает... Она ещё... Да я... я...»

– Пожалуйста, – сказал Нагаев бодрим голосом. – Станцуем по полной программе.

Представив себе, как будет скакать под современную музыку, он усмехнулся себе под нос.

Но, как оказалось, опасался он зря. Увидев в клубе, как наяривают старушки, он совершенно успокоился. Хе, да он на их фоне...

И всё же выходить в круг не торопился. Есть ли кто-нибудь более жалкий, чем тот, кто ведёт себя несообразно своему возрасту? Никто не хочет стареть, но разве природу обманешь? Увы...

А Венера всё танцевала и танцевала, забыв обо всём на свете. Нагаев сидел, понемногу потягивая вино и с восхищением смотря на неё. А когда она чуть ли не за руку выдернула в круг, он даже потанцевал немного. Впрочем, танцевал – это громко сказано, скорее – потоптался на месте, помахал руками. Если бы сотрудники его института увидели это, наверно, умерли бы со смеху. Разумеется, они бы не стали смеяться при нём, но наверняка где-нибудь в туалете – передразнивая его ужимки и задыхаясь от хохота.

Мужчина, потерявший разум из-за женщины, готов не то что плясать, но и сделать любую глупость ради того, чтобы угодить своей избраннице. В такие моменты забываются и звания, и должности, слетают все маски, прикрывающие истинную суть человека.

Видимо, Венера была соблазнительна не только для него. Он вдруг заметил, что вокруг неё крутится горбоносый парень с волосами, затянутыми сзади в хвост.

И, как оказалось, он не зря крутился!

В какой-то момент – может, когда он рассчитывался с официантом, – Нагаев вдруг потерял Венеру.

Сначала он её ждал, утешая себя тем, что она, вероятно, ушла в дамскую комнату. Потом, когда надежда умерла – в клубе уже никого не осталось, кроме прибирающих со столов официантов, – он ещё долго не мог встать и уйти. Выйдя на улицу, он застыл в недоумении. Как же так? Как можно так надсмеяться над человеком?! У него зашипало в глазах, словно злость вперемешку с горячим дыханием вырвались из ноздрей, опалив лицо. Ведь его самым наглým образом использовали! Как игрушку. Нет, как дойную корову. Лох! Старый дурак! Казалось, что если сейчас перед ним появится Венера, он растерзает её!

Она не появилась.

Но на следующий день вечером Венера как ни в чём не бывало пришла к нему в номер.

...Ещё утром Нагаев почувствовал, что у него поднимается температура. Кажется, и давление подскочило. Это был результат пережитого унижения. Он не стал спускаться в столовую и целый день пролежал в номере. Всё внутри него горело, – и он пил и пил воду. А потом его долго и мучительно рвало...

Он ругал себя за наивность, повторяя вновь и вновь: «Дурак! Тупица... Дур-рак! Так и поступают с развратными стариками вроде тебя!» Ему хотелось что-нибудь сделать с этой бессовестной женщиной. Но что он мог?

И вот она появилась сама. Улыбнулась. Сморщила лоб.

– Вас нет, и я забеспокоилась, – сказала она. – Вы заболели?

И Нагаев сразу забыл о своей злобе, обиде и унижении. Словно ветром сдуло пыльцу недоразумения. Боже, так он готов простить любой её проступок! Только бы она стояла рядом, и её чуть хриловатый голос ласкал его слух...

– Куда ты пропала вчера?

Венера положила свою маленькую прохладную ладонь на его лоб.

– Да ты горишь, милый. Лекарство принял?
Она всё время путалась, говоря ему то «вы», то «ты».

Нагаев повысил тон:

– Хватит... Отвечай на вопрос!

Венера отдёрнула руку, отступила на шаг.

– Что с вами? Если вы будете говорить в таком тоне, я уйду.

Не помня себя, Нагаев вскочил с постели и прижал Венеру к груди.

– Нет, нет. Не уходи. Иначе я умру! – просительная интонация захлебнулась волной отчаяния.

Такой голос мог бы открыть ворота любой крепости, но Венера и бровью не повела. Она оттолкнула его от себя обеими руками и холодным тоном сказала:

– Успокойтесь, пожалуйста. Вы же интеллигентный человек. Зря вы беспокоились. Это называется «уйти по-английски».

Да-да, конечно, он всё понимает. Наверно, у англичан принято уходить вот так, без слов. Но ведь он-то – не англичанин! Мужчина не для того приглашает женщину развлекаться, чтобы она исчезала, не прощаясь.

А Венера была женщиной. Такие и в старости не теряют своих женских чар. Ветреницы обманывают тебя сколько хотят, обирают до нитки, предают, превращают тебя в пыль, – но ты не способен злиться на них долго, твоя ненависть быстро испаряется... И вот это дьявольское отродье уже захватывает всю твою душу и тело, расплзается по тебе, как раковая болезнь, пробивается метастазами во все твои органы.

Спасения нет!

Но, чёрт побери, и спастись не хочется!..

...Понаблюдав за страданиями Нагаева, Венера вдруг снова громко рассмеялась.

– Не волнуйся из-за ерунды. Вот же я! Стою перед тобой. Ну, что будем делать? Сегодня я уже не приглашаю тебя в ночной клуб...

Очнувшись, Нагаев бросился к холодильнику – вытащил фрукты. На середину низенького стола выставил бутылку «Хеннесси», привезённую из Казани.

И снова музыка. Полумрак комнаты. Рядом женщина, и её плечо прикасается к твоему. Что ещё нужно мужчине, жаждущему любви?

– Кто этот горбоносый парень? – спросил он вдруг.

А Венера вместо ответа выскользнула из его объятий и начала торопливо одеваться.

– Вы, мужчины, все из одного теста... Непременно хотите быть хозяевами. А я – свободная. Куда хочу – туда иду, с кем хочу – с тем и буду. Я ведь не твоя секретарша, чтобы требовать от меня подчинения!

– Что это на меня нашло, я сам себя не понимаю, – Нагаев сел, свесив голые волосатые ноги на пол. – Видимо, это ревность. Значит, я люблю тебя!

– Ты себя любишь, дорогой. Всё, на чём останавливается твой взгляд, должно принадлежать тебе.

– И ты будешь моей!

– За версту видно, что ты начальник. – На её лице появилась кривая усмешка. – Время покажет. Как бы ты сам не стал моим!

– Я согласен! – ответил он, а про себя подумал: «Не родился ещё тот, кто может подмять под себя Нагаева!» Он живёт так, как хочет. Мир должен быть таким, каким видит его он, Нагаев! Ну а такую женщину он вполне может оседлать.

Чувство превосходства вообще было у него в крови. Но иногда это чувство отступало – как пёс, прячущийся в конуру и посверкивающий оттуда глазами, – и тогда Альберт Марленович начинал чувствовать себя наивным ребёнком, ему хотелось прижаться к женщине, понежиться, положив голову ей на колени, ему хотелось слушаться её во всём и ходить за ней

по пятам... Но потом всё вставало на свои места, пёс выскакивал из конуры, и Нагаев снова возвращался в свой прежний вид – надевал поудобнее маску, распрямлял спину, к нему тотчас возвращался его надменный тон.

Так было и на этот раз: в Стамбуле, куда они заехали перед отъездом на родину, Нагаев был уже в своём обычном состоянии.

Поскольку в Казань они вылетали завтра, то поселились в просторном номере гостиницы, расположившейся у древнего ипподрома, неподалёку от мечети Султана Ахмеда. Из окна открывался чудесный вид на мечеть Айя-София, чуть ближе возвышался столп фараона, вывезенный когда-то по приказу турецкого султана из Египта.

– Во времена Византийской империи здесь был ипподром, – объяснял Нагаев Венере, занятой размышлениями о том, какое платье надеть, – они собирались идти в город. – Поэтому турки прозвали эту площадь Ат Майданы. Несколько веков назад какой-то из турецких султанов казнил здесь десятки тысяч янычар за участие в восстании. Так что на этой площади, как и на нашей Красной, крови было пролито немало.

– Ах, до чего же много знает мой профессор. – Венера, кажется, выбрала, наконец, платье, потому что довольно улыбалась. – Давай, давай, одевайся скорее. Прогуляемся по Капалы Чаршы.

Нагаеву ужасно не хотелось идти на этот знаменитый стамбульский базар. Он, как и большинство мужчин, терпеть не мог ходить по магазинам и рынкам. Но что делать, если ты с женщиной?.. Ведь там, где продают и покупают, женщина чувствует себя как рыба в воде! Даже если она ничего не покупает...

Миновав мечеть Баязита, они направились в Капалы Чаршы. Чего только здесь не было! Настоящий восточный базар. Иностранцу здесь находиться – вообще труд особый; то, что он приезжий, у него написано на лбу, поэтому его беспрестанно атакуют мальчишки со своим нехитрым товаром, лезут в глаза, словно надоедливая мошкара.

Почти на каждом шагу слышится русская речь. Можно подумать, что пол-России съехало сюда... Словно сбылась давняя мечта русских политиков – со времён Петра они хотели завоевать Стамбул, то есть Царьград. Впрочем, кажется, некоторые современные политики и сегодня не расстались с этой тайной надеждой. Ну что ж, желания и возможности не всегда совпадают...

Когда они забрели на улочку, где торговали золотом (а как иначе назвать этот бесконечный ряд лавок и магазинчиков?), с Венерой что-то случилось: дыхание её участилось, щёки покраснели, на лбу заблестели капельки пота. В первом же магазине она забыла обо всём – пропала! И чему тут удивляться, – говорят, что порой в таких местах женщины даже теряют сознание! Такова власть золота: в свете его ослепительного блеска ты можешь уподобиться известному герою сказки «Тысяча и одна ночь», который, попав в пещеру, полную сокровищ, забыл волшебное слово...

Пока Венера торговалась, Нагаев из магазина напротив купил ей в подарок ожерелье.

Венера была в восторге. Кто же не любит знаков внимания?

– Сколько заплатил? – спросила она чуть погодя.

– О цене подарка не спрашивают.

Но она всё же заставила его сказать.

– Эх, профессор мой, до чего же ты наивен, – огорчилась она. – Ты же заплатил втридорога! Турки любят торговаться. А того, кто не торгуется, они даже за человека не держат.

– Мужчина щедр, пока в женихах ходит, – сказал Нагаев, кстати вспомнив эту услышанную некогда поговорку.

Венера вдруг покраснела и как бы смущённо потупилась... Вот чертовка! Ну как такую не любить?!

Нагаев глянул на часы. Он ещё по приезде в Стамбул переговорил по телефону со своим давним знакомым – профессором Тураном Язганом. Когда они поговорили о том о сём и Нагаев передал слегка залежавшиеся и зачерствевшие за время отдыха в Анталии приветы, Туран-бей после некоторой паузы спросил:

– Вы свободны вечером? Сегодня у нас званый ужин в честь наших соплеменников из Азербайджана. Я приглашаю вас.

– С удовольствием, – обрадовался Нагаев. – Но... – и он перешёл на турецкий: – Я с женщиной.

Нагаев был прекрасно осведомлён, что Туран-бей хорошо говорит на татарском языке, но ему хотелось продемонстрировать, что и он парень не промах, потому и слепил эту фразу. Кстати, пусть и Венера удивится... По правде сказать, его желание попасть на турецкий банкет было вызвано именно стремлением покрасоваться перед Венерой, ещё раз показать ей свою значительность.

– Хорошо, приходите к шести вечера в офис, – сказал Туран-бей.

Его офис располагался недалеко от базара, и они отправились пешком.

Ужин должен был состояться в одном из ресторанов на площади Таксим. Они ехали в машине Туран-бея, и Нагаев незаметно посматривал на Венеру: осознает ли она, как уважают турки «её профессора» – только что на руках не носят, – называют Нугай-беем! Он и сам, хоть и родился в бедной крестьянской семье, всегда верил, что предки его были беками.

За столом Нагаев был рассеян, тосты слушал вполуха (по опыту зная, о чём говорят на таких мероприятиях), но ему было приятно сидеть, ощущая тепло, исходящее от Венеры. Пусть знает эта казанская гордячка, с кем сидит! Вот посол Азербайджана. Представительный мужчина с белой бородкой и бледным лицом. Вот турецкий министр. Вот...

Нагаев тоже сказал тост на татарском языке. Может быть, гости и не всё поняли... Но до всех дошло, что хвалил он Турцию, потому дружно аплодировали.

Зазвучала энергичная турецкая музыка. На маленькую сцену в глубине зала выскользнула молодая турчанка: грудь прикрыта розовым, на юбке из чёрного шифона пламенеют красные розы. Что это она танцует? Неужели танец живота? Музыка становилась энергичнее, а в глазах сидящих за столом мужчин плескалось всё больше страсти; и уже то один, то другой украдкой облизывал губы. А девушка всё танцевала – извивалась, как змея, стремилась куда-то, как степная кобылица...

Нагаев ощущал себя уже не беком, а ханом. «Наверно, – подумал он, – когда-то и татарские ханы так же наслаждались танцем красивых девушек. В своих шатрах... А он сидит здесь – в центре Стамбула! – и для него танцует турецкая красавица».

Тем временем девушка спустилась в зал и начала танцевать перед каждым гостем отдельно. Счастливчик, которого удостоили таким вниманием, восхищённо цокал языком и протягивал девушке деньги. Благостное настроение Нагаева немедленно улетучилось: у него не было мелких денег. Самая мелкая купюра – сто долларов. Нашими деньгами это будет... будет... Короче, очень много будет! А девушка неотвратимо приближалась к нему. Если не дашь денег, умрёшь со стыда. Все будут говорить, что татары – жадные и бестолковые. А потом – рядом сидит Венера! И он, лучезарно улыбаясь и демонстративно развернув стодолларовую бумажку – пусть видят! – засунул её девушке в ложбинку между грудями. «Вот я какой!» – говорил его взгляд, когда он краем глаза посмотрел на Венеру. Однако кислое выражение её лица окончательно добило его и так не ахти какое настроение. Не оценили! Даже не заметили. Эх, и щедростью блеснуть не получилось, и ста долларов лишился.

По дороге в отель Венера молчала. Нагаев тоже молчал, словно в чём-то был виноват. Только перед самым входом в отель Венера повернулась к нему и сказала:

– Ты, товарищ профессор, чуть не сожрал глазами танцовщицу. Даже ста долларов не пожалел. – И, помолчав немного, добавила: – Бедные студентки.

Нагаев удивился: при чём тут студентки?

– Если уж ты так набрасываешься на незнакомую иностранку, представляю, что ты делаешь со студентками, которые зависят от тебя.

– Это было восхищение произведением искусства, – сухо ответил Нагаев.

Неожиданная радость волною переполнила его существо: кажется, эта ломака ревнует? Значит, Нагаева ещё есть за что ревновать!

Они стояли в зале аэропорта, ожидая самолёт.

– Спасибо тебе, мой профессор, – сказала Венера, взяв его за руку. – От этого путешествия у меня остались восхитительные воспоминания. – Она казалась действительно взволнованной. – У меня для тебя маленький подарок. – Она протянула ему красивую коробочку. – Золотое перо... – сказала она. – Пусть всё, что ты напишешь им, будет на вес золота.

– Всё, что я пишу, бесценно, – высокомерно ответил Нагаев.

Венера рассмеялась, высоко вскинув подбородок – такой круглый и красивый.

– Почему ты смеёшься?

– Мужчины о себе такого высокого мнения.

– Если сам себя не похвалишь, кто похвалит?

– Я тебя похваляю, – и Венера снова беспричинно засмеялась.

– Мы же будем встречаться в Казани?

– А твоя жена? Дети? Такому большому человеку, как ты, нужно беречь свой имидж, не шути, профессор!

– Отношения... дружба с такой красивой женщиной только укрепляет имидж.

Однако встретиться в скором времени им было не суждено. Сразу после приезда в Казань Нагаев оказался в водовороте неожиданных забот и неприятностей. Хотя неприятности – это мягко сказано. По существу, ему нанесли удар ниже пояса! Не прошло и недели после его возвращения, как его вызвали в Кабинет министров.

Войдя в нужную дверь, Нагаев увидел за столом человека намного младше себя. Лицо его было мрачным. Без всяких прелюдий и ритуальных расспросов о здоровье – впрочем, на кой ляд ему здоровье Нагаева?! – чиновник сразу взял быка за рога.

– В работе института есть серьёзные недостатки, – сказал он. – Весьма серьёзные. Мы недовольны работой руководства.

– Какие недостатки? Назовите конкретно, – сказал Нагаев, немного растерявшись.

– Смена поколений, Альберт Марленович, – резко ответил чиновник. – Надо дать дорогу молодым.

У Нагаева потемнело в глазах, а лицо, наверно, побледнело, потому что чиновник протянул ему стакан с водой.

– Не волнуйтесь вы так. Мы же не гоним вас из института. Будете заведующим сектором.

– Мне до пенсии осталось пять месяцев. Неужели не могли подождать?

– А что это меняет?

– Я пойду к президенту.

Чиновник с улыбкой раскинул руки:

– Пожалуйста!

Ну, разумеется, если бы вопрос не был решён на самом верху, разве этот чиновник разговаривал бы с ним в таком тоне?

– И кто он?

– Вы его знаете. Он работает у нас, – и он назвал знакомое имя. – Советую не шуметь, – сказал он, заметив, что Нагаев собрался уходить. – Персональная машина останется у вас. О деталях ещё поговорим. Нам же ещё жить вместе, Альберт Марленович – чиновник понимающе улыбнулся. – Торжественно отметим ваш юбилей. Орден я вам лично обещаю.

– Спасибо, конечно, – пробормотал Нагаев.

От чиновника он напрямик поехал домой. Ему нужно было успокоиться и подумать о том, как теперь быть. Когда он открыл входную дверь, в нос ударил запах корвалола. Из комнаты послышался плаксивый голос жены:

– Пришёл? Где ты был? На работе тебя нет, мобильный ты не берёшь.

– Что случилось?

– Кажется, я умираю. Сердце колет. Давление подскочило.

– Надо было вызвать «скорую».

– Да что они могут?

– Что же делать? – Нагаев обессиленно опустился на стул, положил под язык валидол.

Да-а... Как заметил кто-то: «Делать-то шо?»

Жена тем временем запричитала:

– Ты смерти моей ждё-ёшь. И отдыхать, наверно, с какой-нибудь своей любовницей ездил.

– Успокойся, пожалуйста. Не до тебя сейчас.

– Ты всю жизнь был эгоистом.

Нагаев разозлился:

– Хватит, наконец!

И тут зазвонил телефон. Нагаеву ни с кем не хотелось сейчас говорить. Но телефон звонил и звонил.

– Да!

– Здравствуй, милый профессор. Ты куда пропал? – В трубке послышался радостный голос Венеры. – Ты совсем исчез! Никаких вестей от тебя. Давай встретимся!

– Нет. Простите.

Телефон зазвонил снова.

– Ты... шутишь? Альберт!

– Нет, не шучу. Слышите, я серьёзно! Серьёзно!

Короткие гудки... Он сидел, уставившись в точку на обоях. Стемнело. Скользя тенью, прошелестела в спальню жена. А Нагаев не двигался с места.

...Напрасно он так тяжело воспринял своё понижение в должности. Он же не кресло потерял, а огромный груз с плеч снял! Теперь у него полно времени, ответственности меньше во много раз, машина под рукой, шустрый шофёр по первому же знаку подгоняет её к подъезду. В институте, как оказалось, его уважают и без его высокого кресла. А что ещё нужно человеку?

Но сердце болело и напоминало, что ему чего-то не хватает. Не чего-то, ему Венеры не хватало. Женщины!

Правда, он как-то пытался переговорить с нею – это было сразу после того, как он сложил с себя полномочия директора института:

– Венера, прости меня, ради бога... – начал он, стараясь говорить бодрым голосом.

– Кто это?

– Уже не узнаёшь? Это Альберт Марленович. Твой профессор.

– Я не знаю такого человека. И вообще... не беспокойте больше звонками.

– Венера!

В ответ раздались короткие гудки.

С тех пор прошёл уже месяц. Каждую неделю Нагаев едет в Аметьево, проходит по знакомой улице, клеит на столбах разоблачительные записки. Это даёт ему успокоение на неделю. Но потом унижение и обида вспыхивают с новой силой, и он посреди ночи снова гонит машину в Аметьево, и снова крадучись расклеивает свои объявления: «Венера – потаскуха!», «Венера

– шлюха!» Вот и сейчас его машина, разрывая ночь, несётся в сторону Аметьева. Но в этот раз на перекрёстках почему-то не видно «ночных бабочек», улицы пустынные, лишь изредка встречаются запоздавшие машины.

...Его поймали у первого же столба: словно из-под земли выросли двое и схватили его под руки.

– Мы тебя, урод, давно поджидаем, – сказал один из них.

Другой размахнулся, чтобы ударить, но, увидев выражение лица Нагаева, передумал. Нагаев впал в состояние ступора и ничего не понимал. В отделении милиции все дежурившие милиционеры собрались на него посмотреть.

– А я думал, что профессора – люди умные, – сказал невысокий сержант.

– Среди них многие – «того», – ткнул себе пальцем в лоб другой. – От большого ума...

– Садись, – сказал капитан. – Сейчас составим протокол. – Фамилия, имя?

– Прошу вас обращаться ко мне на «вы».

Капитан удивился:

– Да? Культурный, значит. Фамилия, имя, отчество?

– Альберт Марленович Нагаев.

Заполнив протокол, капитан придвинул к нему бумагу.

– Пишите объяснительную.

– Что писать?

– Почему вы распространяете листовки с клеветой? В каких вы отношениях с Венерой... так... Ибатовой? Пишите подробно. Не мне вас учить.

– Никаких листовок я не распространял.

– Ага... Значит, когда вас поймали наши сотрудники, вы остановились у столба пописать, так?

– Так!

– И вы приехали ночью в Аметьево, чтобы пописать, так?

– Так!

– Ну, тогда так и пишите...

И Нагаев написал, что дома мается от невозможности сходить по малой нужде, и о том, что может делать это только ночью в Аметьево под конкретным столбом...

Прочитав объяснительную, капитан от души, долго смеялся. Смеялся так, что даже прослезился!

– Ну умора! Счас помру... – Он снова перешёл на «ты». – Под дурачка косишь, профессор? А справка у тебя есть?

– Какая справка?

– О том, что ты – шизофреник.

– Нет.

– Значит, найдёшь. Такой как ты, если надо, любой документ достанет. – Глаза капитана были полны ненависти. – Идите. Завтра к одиннадцати часам придёте к следователю. В пятнадцатый кабинет.

– До свидания.

Капитан не ответил.

Разумеется, Нагаев подсуетился и обзвонил нужных людей. Когда на следующий день он снова пришёл в это здание, в его кармане лежала справка о том, что он болен шизофренией. Душа, раздавленное самолюбие Нагаева рыдали! Ведь теперь он пропал! Всё, чего он добивался по крупицам всю жизнь, рухнуло в одночасье. Репутация – вдребезги! Неужели ему придётся доживать свою жизнь в позоре, с вечной печатью шизофреника на лбу?!

Нагаеву казалось, что вся Казань смеётся над ним. Теперь он, наверно, и в институт больше не пойдёт. Провались он пропадом! А Венера? Как он посмотрит ей в глаза?

А Венера сидела в кабинете следователя.

– Здравствуйте, – промямлил Нагаев. Он не смел поднять на неё глаз. Никогда прежде он не чувствовал себя таким ничтожеством, грязным насекомым.

– Садитесь, Альберт Марленович. – Не поднимая глаз от бумаг, следователь кивнул на стул.

Нагаев положил на стол листок бумаги.

– Что это?

– Я – шизофреник...

– Да? Вообще-то мы и не сомневались. Но без специальной экспертизы не обойдётся.

И тут послышался голос Венеры:

– Специальная экспертиза не потребуется.

Следователь с недоумением уставился на неё.

– У меня нет к нему никаких претензий. Я забираю своё заявление.

– Вы хорошо подумали? – Следователь вынул из папки какую-то бумагу и протянул её

Венере. – А вдруг этот тип начнёт снова?

– Не начнёт!

Нагаев забежал глазами, не зная, куда спрятать покрасневшее лицо.

– Тогда, – следователь встал из-за стола, – я не задерживаю вас. У нас дел по горло.

На улице Венера взяла Нагаева под руку.

– Давай посидим вон в том кафе. Нам надо о многом поговорить, – сказала она.

Нагаев, остановившись, отыскал её глаза. Нашёл. Но не увидел в них ничего, кроме жалости.

– Я не понимаю! Как ты... так... можешь?

Женщина грустно улыбнулась:

– Ты ещё многого не понимаешь, милый. – И она погладила мягкой ладонью его мокрую щеку.

2007

Щтапан

Памяти казанского поэта Сергея Мальшиева

Воскресным утром Степана Петровича неожиданно сразил удар. Если бы он знал об этом заранее, то, разумеется, ни за что не отправился бы в магазин. Потому что Степан Петрович из тех людей, которые семь раз отмерят, прежде чем один раз отрезать. Был таким...

Нет, он не умер. Но и живым его теперь назвать трудно. Вот лежит он в узкой комнатухе, на скрипучей пружинной кровати. При каждом его движении пружины начинают стонать... И потому Степан Петрович старается не шевелиться. Впрочем, это уже не прежний Степан Петрович – его теперь и узнать-то трудно – рот свезло набок, один глаз, словно желая выпрыгнуть из орбиты, закатился под самую бровь. Вместо слов – лишь невнятные мычащие звуки.

Кто бы мог подумать, что он доживёт до такого... Ещё не далее как вчера он вышагивал с присущим ему достоинством. Спина прямая, лицо румяное. Когда он над чем-нибудь раскатисто смеялся, его большой, с горбинкой нос чуть вскидывался кверху. Во дворе своего дома, мирно дремавшего под шепоток тополей на улице Груздева, Степан Петрович был фигурой довольно заметной. Дом панельный, пятиэтажный – в народе их называют «хрущёвками», жители таких домов хорошо знают друг друга, более того, они осведомлены даже о том, кто чем дышит. И всё же никто не ожидал, что в воскресенье утром Степан Петрович, по обыкновению возвращавшийся с хлебом и молоком из магазина, неожиданно упадёт прямо перед подъездом. Для старушек, сидевших на скамеечке, это происшествие стало темой разговоров на целый день. А ведь с виду Степан Петрович казался весьма крепким. Дуб, настоящий дуб! Не курит, а если и выпьет, то только клюквенную настойку собственного приготовления, да и то одну рюмочку. Исключительно для настроения. Так что сам он рассчитывал прожить в добром здравии очень долго.

И такого человека в воскресное утро свалила хворь! Ближе к полудню машина «Скорой помощи» отвезла старика в больницу. Там сказали: «Это инсульт».

Однако у него, видимо, было здоровое сердце, которое не желало сдаваться. Неделью-полторы старик провалялся в больнице, затем его привезли домой. Вообще-то, Степан Петрович жил у дочери. Разумеется, был у него и зять. Зять тоже был человеком простым и хорошим. Они вполне ладили между собой. Можно даже сказать, что дружили. По субботам вместе ходили в баню, что на улице Товарищеской. Каждую неделю. Там они по нескольку раз заходили в сауну, часа два парились вениками, мылись, а потом не спеша отправлялись домой. Шли пешком и разговаривали. Минут двадцать шли. Баня была недалеко от дома, и это тоже было хорошо. Зять Степана Петровича оказался таким же любителем бани, как и он сам. Парился с удовольствием, фыркая и отдуваясь, а потом выбегал из парилки и выливал себе на голову таз холодной воды.

Свой нательный крест Степан Петрович не снимал даже в парилке. Впрочем, крест совершенно терялся среди густых зарослей волос, которыми была покрыта его грудь, и о его присутствии напоминал лишь залоснившийся шнурок на шее.

Зять, глядя на тестя, однажды тоже зашёл в парилку с крестиком на шее... и больше никогда этого не делал, потому что крест от жары накалился и начал жечь кожу. Эх-хе-хе, что с неё взять, с нынешней молодёжи – мышцы слабые, кожа нежная. «Если бы им в жизни выпало то, что нам», – думал Степан Петрович. – Хе-хе-хе...» – мысленно смеялся он. Усмехался себе под нос. Он любил так смеяться, когда был здоров. С удовольствием смеялся. Без такого лошадиного ржання. Его покойная мать говаривала, бывало, что воспитанные люди, когда смеются, должны прикрывать рот. Мать... Тётка Наштук, как её называли.

«Когда зеваешь, прикрывай рот рукой, а то аж лёгкие видно», – говорила ему мама. Неужели он был таким худым? Зато кости у него были крупные. Если бы был слабаком, волжские крючники не приняли бы его к себе. А ведь он очень юным ушёл из родной деревни. То ли пятнадцать ему было, то ли шестнадцать? Неужели семнадцать? «Ты родился перед самым севом», – говорила ему мать. Когда уходил, он, по сути, уже не был мальчиком. Над верхней губой прочертилась пшеничная линия усов, широкие плечи. А мускулы на руках играли так, словно хотели, разорвав ткань рубахи, бежать куда-то.

Казань была совсем недалеко от их деревни.

– Пошли удачу моему Щтапану, Господи, – молилась мать, провожая сына в дорогу. – Щтапан у меня хороший, доверчивый. Жизни совсем не знает, злых людей от добрых не отличает. Господи, дай Щтапану немного злости, – просила она.

Ему нельзя было быть мягким. Щтапан понял это сразу, как только прибыл в Казань.

Мягким быть, конечно, никто не хочет. Увы, разве это зависит от нашей воли? Но Щтапан мягким и не был, его нельзя было назвать растяпой. Наоборот, он был самый что ни на есть упрямый, упёртый кряшен.

Если бы он оказался на месте своего дальнего предка, то, возможно, и не стал бы кряшеном. Такие упрямцы ни за что не сменяют веры, даже ценой жизни.

Впрочем, это уже вопрос другой. Бог для всех един. Хотя... Прибыв в город, Щтапан узнал, что теперь Бога нет. Нет его и всё тут! Минареты мечетей были спилены, кресты с куполов православных храмов сбиты.

Лишь крестик на шее у Щтапана был целёхонек. Крестик, который надела на него мама. Он никогда в жизни не снимал его.

Разумеется, он его и не показывал никому. Если бы кто заметил, Щтапану бы не поздоровилось. Наверняка ругали бы: «Как ты мог, ведь ты комсомолец!» А может, даже выгнали бы из комсомола. И куда потом ему идти? Ведь в этой стране, даже чтобы чистить туалеты, нужно быть комсомольцем.

В поисках работы Щтапан отправился к Устьинской пристани. То, что на берегу, там, где швартуются пароходы, нужны грузчики, или, как они сами говорят, «крючники», он знал наверняка.

Дальний родственник его отца – Григорий Васильевич – работал каким-то начальником в двухэтажном строении, расположенном на берегу. Вот к нему Щтапан напрямик и направился. Узнав, кто перед ним стоит и даже не дослушав просьбу Щтапана до конца, Гергери высунулся в окно и крикнул:

– Галиулла! Подойди сюда.

Из группы мужчин, загоравших на солнце неподалёку от дома, приподнялся поджарый, чуть седоватый мужчина, посмотрел в сторону окна, прикрыв глаза от солнца рукой. Признав в зовущем Гергери, он сел на место:

– Сам иди.

И без того красное, широкое лицо Гергери словно объяло пламенем. Он тихо выругался себе под нос: «Сбулыщи». И ладно бы он был один! Ведь рядом с ним стоит Щтапан, его односельчанин, который считает его за большого начальника. Но разве для этих крючников есть закон? И пусть они называются социалистической бригадой, они же ничем не отличаются от дореволюционной артели. Вот и у этого Галиуллы бригада почти полностью состоит из мужиков деревни Качи. И они, конечно, не рвутся принимать в свои ряды чужака. С другой стороны, они не рискнут отмахнуться от просьбы Григория Васильевича. Теперь не прежние времена. И он знает, как их направить на путь истинный, потому что путь этот ведёт через социализм к коммунизму.

– Нам люди не нужны, – зашумели ребята.

– А парень-то выглядит крепким, – заметил тот, кого звали Долговязым Вали. – Из породы борцов. Я своих-то сразу признаю.

Как оказалось, мнение Долговязого Вали здесь играло весомую роль. Мужики притихли. Галиулла пощупал плечи Щтапана.

– Парень крепкий.

Это уже был знак того, что они согласны принять новичка к себе.

– Нам люди не нужны, Гергери. Тем более чужие. Здесь мы почти все качинские. Но мы возьмём парня – только ради тебя. А ты, в меру своих сил, поддержишь нас.

– Договорились, – Гергери разразился неприятным смешком.

– Хе-хе-хе, – присоединился к нему Щтапан. Он с детства смеялся именно так.

Когда дядя Гергери ушёл, крючники продолжили начатый разговор, словно забыв о Щтапане, который стоял перед ними, не зная, куда деть руки.

– Эх, ребята, вот в прежние времена, – начал Галиулла. Он уже вошёл в тот возраст, когда люди начинают предаваться воспоминаниям. – И работа была, и заработки были. А ты присаживайся, – кивнул он Щтапану между делом. – Как, ты сказал, тебя кличут-то?

Отметив про себя, что об имени его до сих пор никто и не спрашивал, Щтапан ответил:

– Щтапан.

– Кряшен! – сказал парень по имени Рафик, у которого была странная привычка – при разговоре он почему-то смотрел в сторону. Позже Щтапан узнал, что этот парень был сыном муллы деревни Качи. Когда большевики сослали его родителей в Сибирь, ему удалось сбежать и спастись.

– У него, небось, и куриная лапа на шее имеется, – предположил тот, кого звали Фатхи.

Щтапану показалось, что крестик на груди начал жечь ему сердце.

Конец этому разговору положил Долговязый Вали:

– Бросьте, ребята, – сказал он. – Будь он кряшен или кто другой, всё равно он человек.

С этим никто спорить не стал.

– Ну так что, Галиулла-абый, значит, раньше было лучше, чем сейчас? – вернул Фатхи разговор в прежнее русло.

– Времена меняются, братцы. Тогда и работы было много, и еды вдоволь. В трактиры Бакалды завозили полно коровьих туш. А теперь что? Чтобы наесться один раз, надо неделю работать.

– Хе-хе-хе, – словно нехотя, рассмеялся Долговязый Вали. – С тех пор как случилась эта революция, ни разу досыта поесть не пришлось.

– Ты осторожнее с выражениями, – сказал Фатхи и незаметно кивнул в сторону Щтапана.

– Пусть немного с нами спину погнёт, он и сам начнёт так думать, – сказал Долговязый Вали. – Парень вроде надёжный, не похож на того, кто любит языком трепать. – И он по-свойски подмигнул Щтапану.

– Не скажи, – возразил ему Фатхи. – Не зря говорят, что у кряшена в голове один сквозняк.

У Щтапана невольно сжались кулаки, но он не произнёс ни звука.

– Не перебивайте Галиулла-абый! – сказал Рафик.

– Так вот... Стояли последние дни осени. Большинство пароходов ушло в затон. В Бакалде стояли две соляные баржи и одна с углём, к ним пришвартовались две барки Горбатова со стеклом. Пароходы спешили в затон. Рабочих нет. Артели грузчиков уже ушли, не осталось никого и из Карамзино. На всю Бакалду остались только две артели – качинцы да шалинцы. Качинцы в тот год были все как на подбор, здоровые да крепкие. Настоящие крючники: днём работают, ночью пьют да песни горланят, а утром снова берутся за работу.

– Э-эх, братцы! – задумчиво проговорил Фатхи и, задрав рубаху, почесал себе живот.

– Баржи на пристани Бакалда надо было разгрузить за два-три дня. Шалинцы только на днях выгрузили две соляные баржи Любимова. Устали, да к тому же, накануне ночью выпили по два полуштофа на нос и совсем расклеились. Почти у всех болела голова, на работу выйти они уже не могли, так что, кроме качинцев, другой артели и не было.

Галиулла долго бы ещё говорил, но вдруг кто-то воскликнул:

– Ага, пароход появился!

Крючники, сорвавшись с места, поспешили к пристани. Щтапан увязался за ними.

– ...Они были обыкновенными людьми, – сказал Степан Петрович.

– Что, что? – пригнулась дочь к самым его губам. – Сергей, иди сюда! Он заговорил. – Она начала суетливо звать мужа: – Заговорил на непонятном языке. Может, это санскрит? – Она как-то прочитала, что некий человек, пережив insult, заговорил на давно исчезнувшем древнем языке.

– Особенно Долговязый Вали... – сказал Степан Петрович, – он старался защищать меня. А дочка Галиуллы? Минсылу... Разве её можно забыть!

– Нет, это по-татарски, Надежда Степановна, – ответил зять.

Но Степан Петрович не понял, что он сказал, потому что дочь и зять говорили на совершенно незнакомом языке, который он не понимал!

– Но мы же всё равно ничего не понимаем, – заплакала вдруг дочь. – Ты-то хоть что-нибудь понимаешь? С татарами же работаешь!

Сергей лишь пожал плечами.

Как-то Щтапан шёл из магазина и возле бараков, где они жили, его остановила какая-то девушка.

– Ты ведь из бригады моего отца, Галиуллы? – спросила она. – Я как-то видела тебя. Ты Щтапан, верно?

– Щтапан, – сказал Щтапан.

– Папа куда-то запропастился, – сказала девушка. – А я принесла ему гостинцев. Дочь от баяла... он любит... – Девушка протянула Щтапану узелок. – Ты не мог бы передать? Вместе чаю попьёте. Там есть и немного урюка.

– Почему же не передать? – Щтапан улыбнулся. – Из рук такой красивой девушки... можно даже горящие угли взять.

– Обожжёшься! – рассмеялась девушка.

Теперь она уже могла уйти, но не уходила, стояла перед Щтапаном – статная, красивая, ничего не скажешь: чёрные глаза, чёрные брови вразлёт, красные, словно переспелые вишни, губы... Небольшой прямой нос, а на подбородке, когда улыбается, появляется милая ямочка. И ведь знает это, а потому всё время улыбается, заставляя сердце Щтапана биться чаще.

Наконец и сама девушка сообразила, что долго так стоять неприлично.

– Меня зовут Минсылу, – сказала она и сунула свою маленькую горячую ладошку в большую руку Щтапана. – Я спешу, – добавила она.

Оказалось, что она работает прислугой у какого-то народного комиссара. Готовит для него, стирает, убирается в доме, присматривает за маленьким ребёнком. Хозяйка не позволяет ей отлучаться и за малейшую оплошность грозит выгнать. А найти сейчас в Казани приличную работу, ой-ой как трудно!

С этого дня дорожки, по которым ходила Минсылу, частенько приводили её на пристань. И дорожки эти почему-то всегда пересекались с дорожками Щтапана.

В ожидании очередного парохода Галиулла уже в который раз начал рассказывать об историческом побоище между качинцами и шалинцами, но Фатхи вдруг грубо перебил его:

– Ястреб начал кружить возле райской птички.

Все поняли, о ком речь, и посмотрели на Галиуллу.

– Кто знает, может, райская птичка кружит возле ястреба, – сказал Рафик.

Галиулла только что вернулся из города, и, похоже, он там время зря не терял – лицо его было красным, глаза неестественно блестели, и этими глазами он свирепо посмотрел на Щтапана.

– У меня для кряшена дочки нет! – процедил он сквозь зубы. – Она себе ровню найдёт. Моя Минсылу не какая-то там дешёвка, – он гордо вытянул вверх указательный палец, – она помощница самого наркома!

Что тут можно сказать? Вот и Щтапан не стал ничего говорить. Дрожащими пальцами начал сворачивать папиросу.

– Ты с плеча-то не руби, Галиулла-абзый, – с улыбкой похлопал Щтапана по плечу Долговязый Вали. – Вы, качинцы, любите хвастаться, мол, мы да мы! А вы разве видели когда-нибудь кряшен, кроме Щтапана?! Щтапан – парень хороший, – Долговязый Вали снова хлопнул Щтапана по плечу. – Конечно, кряшены тоже бывают разные. Но хороших, порядочных кряшен – море!

В ожидании поддержки Щтапан воззрился на Долговязого Вали. Другие тоже смотрели на него, но почему-то казалось, что они с трудом сдерживают смех.

– Вот у нас в деревне были кряшены. Три-четыре семьи. Хорошие люди, ничего не скажу, спокойные. Правда, они хоть и были кряшены, но не крестились, – зачем-то добавил он.

– Раз не крестились, разве это кряшены? – спросил Фатхи.

– А что, разве Щтапан крестится?

– А вы, мусульмане, разве говорите бисмиллу? – сказал Рафик. – Сейчас мы все советские.

– Так вот, – сообразив, что разговор уходит из-под его контроля, Долговязый Вали заговорил громче: – кряшены эти нанимались на работу к нашим богачам. Однажды, когда закончился сенокос, один из хозяев, видимо, слишком щедро угостил своего батрака-кряшена, и тот, выйдя за ворота, тут же рухнул на землю и заснул. Тем временем к богачу надумал заглянуть сосед. Увидев спящего кряшена, говорят, сосед удивился и сказал: «У богачей всё на широкую ногу, даже ноги вытирать кряшена расстелил».

Мужики разразились дружным хохотом. Кто-то, схватившись за живот, перегнулся пополам, кто-то сотрясался от смеха стоя.

Щтапан от обиды закрыл лицо руками. Словно ему в лицо горстями кидают грязь. Он готов был пережить грубость Галиуллы – чего не скажет подвыпивший человек. Но предательство Долговязого Вали – человека, в котором он надеялся увидеть заступника, совершенно выбил Щтапана из колеи. Как будто человек, который улыбался и собирался тебя обнять, неожиданно ударил тебя по лицу. Разве дело в пьяном кряшене? Он же унижает его, Щтапана! А эти радуются... Счастливы...

Никто не заметил, как Щтапан ушёл.

– ...Очень молод я тогда был, принял близко к сердцу, – сказал Степан Петрович по-татарски.

– Что, что? – терзалась дочь. – Сергей, послушай, может, он что-то важное говорит.

– Ну не до такой же степени я понимаю язык, – расстраивался зять.

...Уехал Щтапан, отрёкшись от своего татарства, уехал даже из Казани. Старался жить среди русских, дав себе слово никогда не произносить ни одного татарского слова. Когда после двадцати лет жизни на чужбине вернулся в Казань, в нём не оставалось ни капли татарского. И не было никого, кто напоминал бы ему о его происхождении – близкие родственники уже давно перешли в мир иной, а дальних судьба раскидала кого куда.

– Сынок... – Откуда-то вдруг возникла мама. – Я так долго тебя ждала. А ты уехал в Казань и пропал. Потом сказали, что ты уехал ещё дальше. Я так долго ждала, когда ты вернёшься... – тётка Нащтук вытерла глаза краем фартука. – Я верила и все глаза проглядела, ожидая, что рано или поздно мой Щтапан вернётся. Вот ты и вернулся... – Несчастливая мать заплакала.

– Мама, я вернулся! – крикнул Щтапан.

– Вот это слово я понимаю, – сказал зять. – Маму свою он зовёт.

Но Щтапан не слышал его. Обняв маленькое тело матери и вдыхая её милый, знакомый с детства запах, он забылся. Душа отлетела.

2007

Сановный дом

Со стороны улицы послышался необычный шум, который постепенно усиливался. В доме слегка забеспокоились. «Что там ещё? – лениво произнёс один из сановников. – Надо выйти посмотреть».

Первым пошёл Главный начальник. Шёл он степенно, ноги по лестницам переставлял осторожно, аккуратно, до перил рукой не дотрагиваясь. Да-а, походка, что и говорить, фирменная. Даже пылинки не шелохнутся.

Дом пропитан специфическим запахом, напоминающим запах гнили – наверное, оттого, что находится рядом с Гнилым озером. Впрочем, чего тут удивительного – каких только запахов не вобрал в себя Дом, воздвигнутый в середине шестнадцатого века. Правда, в своё время Дом немного переделали, подгримировали, фасад выкрасили в красный цвет. Но краска уже давно поблекла, а часы на фасаде давно остановились по причине заговора врагов народа и до сих пор показывают тридцать седьмой год.

Перед Домом собралась странная толпа. Что-то кричат, машут какими-то флагами, вымпелами, лопатами, а то и просто кулаками.

«Что за безобразие, – подумал Главный начальник, – сроду такого не бывало...»

Он постарался унять неожиданную внутреннюю дрожь и спокойно произнёс:

– Товарищи! Давайте поговорим спокойно.

– Времени на спокойные разговоры не осталось! – крикнул какой-то очкарик. – Река вышла из берегов, и мы направили неудержимый водный поток по этому оврагу! Так что ломайте свой Дом, он уже никому не нужен.

– Как это... без Дома? – развёл в изумлении руки Главный начальник – куда же мы на работу ходить будем?

Его удивление казалось настолько искренним, что в толпе произошло даже некоторое замешательство.

– Нельзя без Дома, – перехватил инициативу Главный начальник. – А вот перестроить его можно, и даже нужно. Этот процесс уже начался. Видите, стены красятся в белый цвет, и скоро здание будет совсем как Белый дом.

Какой-то экстремист пнул ногой стену, и здание задрожало.

– Стена-то гнилая, ткни – и развалится! – радостно воскликнул смельчак, вспомнив, очевидно, знаменитые слова революционера.

Рядом с ним вдруг очутился широкоплечий удалец и пригрозил:

– Попробуй!

Экстремист тоскливо взглянул в сторону Пестрецов, где жила его мать.

Тут на трибуну взбежала женщина и надрывно закричала:

– Мы не доверяем вам! Долой! В отставку!

– Мы примем к сведению ваше мнение, – заверял её Главный начальник.

Народ, потрясая лопатами и флагами, наконец стал расходиться, но был по-прежнему полон желаний прорыть воде путь в этот затхлый и тихий овраг.

А в это время Второй начальник срочно вызвал Заслуженных и Народных Бетонщиков республики и приказал им быстро построить дамбу. Проверенные бетонщики тут же взялись за дело, а сановники собрались в зале заседаний Дома.

– У этих митингующих, видите ли, нет к нам доверия, – обидчиво сказал Главный начальник. – Можно подумать, что это они нас выбирали. Нет, это мы сами друг друга выбрали. Мы друг другу доверяем!

Собравшиеся в зале с энтузиазмом, стоя принялись аплодировать Шефу. Главный начальник довольно улыбнулся и поднял руку:

– Потише, ради бога, штукатурка сыплется.

Сановники стояли в обсыпанных штукатуркой дорогах заграничных костюмах и скандировали:

– Мы доверяем друг другу!

Не дожидаясь конца собрания, они стали поздравлять друг друга:

– Дом цел! Значит, целы и мы! Мы живы!

...На пути к оврагу вода встретилась с дамбой и остановилась. Усталые люди разошлись по домам, а тем, кто остался, погрозили пальчиком добродушные дяди из «общества книголюбов», в результате чего площадь перед Домом опустела окончательно.

Вскоре обитатели Сановного Дома стали ходить на дамбу рыбачить... Однако стоячая вода постепенно заросла тиной, водорослями, плесенью, словом, около Дома появилось ещё одно Гнилое озеро. Запаха гнили в Доме соответственно стало больше. Но сановные лица на это не обращали внимания, наоборот, даже радовались: перестала бродить около да вокруг всякая голытьба с разными флагами, отрывая важных людей от дела.

1988

Пещера

День клонился к вечеру. Жара спала, повеяло свежим ветерком. Отец оторвался от ковша с чаем, чтобы передохнуть. Чай был что надо – ароматный, крепкий, с настоящими травами, в которых отец знал толк.

Отец взял в руки косу, размахнулся, примериваясь, и резкими, широкими движениями стал косить. Шумный, радостный придых – эх! – гулко отозвался по поляне, катясь к недалёким холмам и возвращаясь обратно. Брызнули врассыпную неумолчные кузнечики, словно капельки утренней росы. Отец вёл косьбу широко, бугристые мускулы его бегали под загорелой кожей, будто маленькие испуганные барсуки.

Я следовал вслед за отцом, но «косил» по-другому, подбирая на скошенных валках пригоршни спелой земляники. Руки мои скоро стали красными-красными и липкими.

Так и шли мы. Свистела коса, шелестела скошенная трава. Солнце клонилось к закату. Лошадь, стоявшая за шалашом, лениво махала хвостом, отгоняя назойливых насекомых, и иногда тихо, даже нежно всхрапывала, будто предупреждая нас, чтобы мы не слишком увлекались. Поляна была большущей, уходила куда-то аж под горизонт.

Когда в глазах уже стало рябить, отец развёл костёр, а я побежал к реке за водой. Сквозь заросли черники и смородины вышел я на обрывистый берег. Внизу текла быстрая тёмно-малиновая вода, маня к себе своей извечной неразгаданностью. Не раздеваясь, я нырнул в воду прямо с высокого берега, и тёмные гривы речного аргамака захлестнули моё тело, подводные родники перехватили дыхание, вытесняя будничные мысли в эфемерность пространства.

Вынырнув, я посмотрел в небо. Звёзд ещё не было видно, и только блик полумесяца слегка раскачивался над волнами, словно детская люлочка. Поднялся ветер, упругие волны погнали меня от берега, в необъятность речной таинственности. Я заработал руками наподобие вёсел, но волны были явно крепче моих детских силёнок.

От сознания того, что я не смогу прибиться к берегу, где меня ждёт отец, я похолодел, душа ушла в пятки, руки онемели, судорога прошла по телу.

В это время через серпантин прибрежных водных растений ко мне приблизился седобородый старец. Он будто шёл по воде, раздвигая путаницу растений своим посохом. О Аллах, неужели это тот самый странник Хызр Ильяс, о котором рассказывала бабушка? Вот он остановился напротив меня, улыбнулся лучиками морщин и возложил свою мягкую ладонь на мой лоб. «Путь твой будет долог, сынок, – сказал он. – Много дорожной пыли тебе придётся глотать, много раз собираться с силами, лёжа на мягкой зелёной траве надежды. Иди и иди на запад. В конце своего пути увидишь магару, то есть грот, пещеру. Внутри, почти в центре написан секрет лекарства, с помощью которого человек навечно возвращается в молодость. Сделай это лекарство и дай своему отцу...»

Я проснулся на крутом берегу. За рекой медленно вставало багряное солнце, в лучах которого купалась природа, пели птицы, стрекотали кузнечики.

Вынув из кармана краюху хлеба, я надкусил её и, жуя на ходу, зашагал на запад. Оставались позади леса и дубравы, железные дороги, пыльные, суетные города. Наконец впереди показалась какая-то возвышенность, у подножия которой пасся табун лошадей. На вершине горы был родник, возле источника пастух-джигит играл на курае.

– Здравствуй, пастух! – поприветствовал я его.

Он не ответил, продолжал играть. Протяжная душевная мелодия захватила меня. Я уселся рядом с пастухом, протянув усталые ноги. Курай то ли звал куда-то, то ли напоминал о чём-то, наполняя сердце щемящей грустью. Наконец джигит заговорил:

– На этом кургане похоронен батыр Япанча². А вон – его конь. – Он показал пальцем на иссиня-чёрного жеребца, пасшегося чуть в стороне от табуна. – Он никого к себе не подпускает, всё хозяина ждёт...

Словно услышав его слова, чёрный жеребец вскинул морду и звонко заржал, чуть ли не заслонив горизонт своей буйной гривой.

– Издалека идёшь, путник?

– Издалека, из долины Великой Реки.

– Куда путь держишь?

– Туда, где солнце клонится к закату... На запад...

Про пещеру я не стал упоминать.

– Туда ты всегда успеешь! – засмеялся джигит. – Хотя бы на это лето останься здесь. Табун большой, поможешь мне.

Не дожидаясь моего ответа, он подкинул в костёр хворост, повесил прокопчённый казан. Вскоре в котле вкусно забурлила шурпа с бараниной, а в чайнике закипел ароматный чай из луговых трав...

Проснувшись наутро, я не обнаружил пастуха. Лошади разбрелись по подножию кургана. Вооружившись кнутом, я побежал сбивать животных в табун. Наступил полдень. Я поднялся к роднику, развёл костёр. Грустно стало почему-то. Взял в руки курай пастуха, подул. Полилась музыка – не музыка, а откровение. Кони бросили шипать травку и повернули ко мне свои умные, сосредоточенные морды. И тут я увидел девушку, поднимавшуюся на курган. Она остановилась возле меня, стала слушать.

Мне стало неудобно под взглядом её пронзительно-голубых глаз, и я отложил курай в сторону. Девушка дотронулась до моего плеча.

– Хорошо играешь, джигит.

– Вообще-то я впервые взял в руки курай, – засмутился я, сам удивляясь невесть откуда взявшемуся таланту музыканта.

– Я поесть тебе принесла, – тихо сказала она, вынимая из лукошка каравай хлеба и завернутое в лист лопуха мясо.

Повесили казан, чайник. Закипела шурпа, обдал ароматом травяной чай.

– Не уходи, – попросил я. – Мне скучно здесь одному.

– Меня зовут Тансылу³, – ответила она.

– Не уходи, Тансылу...

Она улыбнулась:

– Одинокому везде хорошо.

Внизу, у подножия заржал аргамак Япанчи, взметнув до небес свою летучую гриву.

На губах девушки был вкус свежей земляники.

– Мы никогда не расстанемся!

Она серебристо засмеялась.

Затанцевали на небе звёзды, потом небосклон будто в бессилии упал на нас мягким одеялом.

Во сне снова явился Хызр Ильяс. Он уже никуда не звал, и только стучал посохом по земле.

Я проснулся на заре. Погладил волосы Тансылу, провёл ладонью по её нежно-розовым щекам. Она не проснулась. Когда солнце поднялось, я уже был далеко от того кургана. Кургана Япанчи. Где-то позади слышался топот коней, хлопки пастушьего бича.

² Япанча – один из героев обороны Казани в 1552 году, командир засадного полка.

³ Тансылу – подобная заре.

Я улыбнулся. До заветной пещеры ещё было далеко. К вечеру поднялась буря, блеснула молния, грянул гром. Ливень длинными кнутами лупил землю. Вокруг не было убежища от непогоды, и я решил продолжить свой путь через коридор бесноватых молний... Я уже был не в состоянии понять, кто я, куда, зачем иду. Вот-вот готовый упасть от изнеможения, я вдруг натолкнулся на какую-то каменную стену. Шаря по стене изодранными до крови руками, я стал искать дверь или ворота. Наконец нащупал дверное било в виде дракона. От удара железа об железо послышались чьи-то торопливые шаги...

Падая, я простонал:

– Люди добрые, примите бедного путника...

Одетые в железные доспехи люди подхватили меня и потащили внутрь строения.

В тёплой комнате ко мне вернулось сознание. Послышался чей-то густой, грубый голос:

– Напоите его горячим молоком с мёдом.

– Слушаюсь, мурза, – ответил ему кто-то.

Через неделю я встал на ноги. Какие-то странные, суровые люди укрепляли здесь стены крепости. Меня назначили таскать камни.

Целый день мы поднимали стены, неумоимо кладя камни, но к утру стены оставались на прежней высоте... И всё же мне здесь нравилось. Каменщики разговаривали мало, с вопросами мне никто не надоедал. Взвалил камень на плечи и пошёл, взвалил и пошёл... Все заняты работой, углублены в себя. По правде говоря, мне уже расхотелось искать какую-то мифическую пещеру, о которой, кажется, успел забыть. День шёл за днём, но время текло незаметно. Оно, казалось, обошло стороной этот город.

Однажды я обо что-то споткнулся и камень сорвался с плеч. Видимо, в тот день я особенно устал, не удержался, упал, долго лежал на мощённой камнем улице. Придя в себя, поднял голову и первое, что увидел, – собственное отражение в лужице на мостовой. Вернее, это было не совсем и даже вовсе не моё отражение. В этом странном замке не было ни одного зеркала, и когда я смотрел на себя в лужицу, то видел... седобородого, светловолосого старца. То есть – меня?

Так на середине улицы остался лежать камень моей судьбы, а я, шатаясь, пошёл в сторону ворот. Странно, что никто не остановил меня. Никому до меня, казалось, не было никакого дела. Все таскали камни, укрепляли, наращивали стены... И только тогда глаза мои открылись: ведь этот город был уже давным-давно завоёван врагами – на Большом Минарете развевалось их знамя! Вражеский стяг был высоко, очень высоко, а у местных жителей, занятых сизифовской кладкой стен, не было времени разогнуться и посмотреть наверх.

Зев пещеры был виден издали. Магара находилась аккуратно между двух гор. Внутри царил какой-то душный запах, похожий на запах лежащего больного, за которым долго не ухаживали. Я поспешил дальше, где помещение расширялось и воздух был немного чище. На влажной стене пещеры были выбиты какие-то письмена. Как ни старался, не мог я прочитать их. То ли знаний моих не хватало, то ли время изрядно потрудились над клинописью. Но ведь это был рецепт возвращения к молодости! Как же его изготовить? Как? Мне очень нужно это лекарство... Я ощупывал высохшими руками каменные письмена, теряя надежду, и наконец, не выдержав, беззвучно заплакал.

Утром меня лихорадило. Бил озноб, зуб на зуб не попадал. Стены пещеры то раздвигались, то грозились сплющить меня. Сквозь зыбкость такого состояния вдруг стал проступать смысл каменных надписей... Я нашёл в углу пещеры маленький казан о трёх ножках – это был казан самих ильтабаров, древних гуннских царей! – и собрал в него влагу, стекавшую с каменных надписей. В эту серебристую жидкость я бросил кусок дубовой коры – из наших мест дуба. Из мешочка я насыпал в котелок пыль родных дорог. От жара костерка или от волнения я вспотел, взмок так, что со лба капельки пота стали падать прямо в казан. В середине пещеры росли какие-то жёлтые цветы. Я собрал их и тоже кинул в казан. Но это было ещё

не лекарство. Что же ещё? В изнеможении я опустился перед казаном на колени и заплакал. Слезы падали в казан, смешиваясь с уже кипящей чудодейственной жидкостью. Что-то заискрило внутри котелка, вверх потянулась зеленоватая струйка дыма.

Прижав казан к груди, я выбежал из пещеры и что есть силы помчался домой.

...День клонился к вечеру. Жара спала, повеяло свежим ветерком.

На том берегу мужчина взял в руки косу, размахнулся, примериваясь, и резкими, широкими движениями стал косить. Шумный, радостный придых – эх! – гулко отозвался по поляне, катясь к недалёким холмам и возвращаясь обратно. Брызнули врассыпную неумолчные кузнечики, словно капельки утренней росы. Мужчина вёл косьбу широко, бугристые мускулы его бегали под загорелой кожей, будто маленькие испуганные барсуки.

Маленький мальчик шёл за мужчиной, со скошенных валиков к нему тянулись гроздь спелой земляники, лицо и руки мальчика были красными-красными и сладко-липкими...

– Э-эй!.. Эге-гей!.. – закричал я, но крик мой потонул в мутной реке забвения, а по покосу шли и шли друг за другом мужчина и мальчик, постепенно теряясь за горизонтом. И всё же я узнал их. Косарем был мой отец, а «земляничным» мальчиком – конечно, я сам.

2000

Шаман Повесть

1

– Ха! – вскрикнул я, едва зайдя в комнату, и уселся на голую кровать, древние ржавые пружины которой жалобно застонали.

– Ха! – снова крикнул я, и правая рука моя взметнулась вверх, а из горла вырвался победный, радостный клич. В эту минуту я, вероятно, напоминал римского центуриона, захватившего какой-нибудь небольшой город Малой Азии, или отважно шагнувшего в газовую камеру коммунягу, типа Эрнста Тельмана, готового умереть за свои непоколебимые идеалы.

«Виват!» «Рот фронт!» «Но пасаран!» Я был счастлив. Было от чего радоваться – после долгих мытарств по друзьям да вокзальным скамьям я нашёл, приобрёл наконец-то свой угол, свою комнату. Я оглядел свои «хоромы». Откуда-то дувший ветер трепыхал куски старых, рваных обоев на стенах. Засиженное мухами окно еле пропускало свет, в слабых бликах которого тускнели куски стёкол и выцветшие фотографии по углам. На одну из фотографий я посмотрел: там были запечатлены дед с бабушкой, а между ними – маленькая девочка с белым бантом на голове. Написано: «На память! 1939 год» Память... Где теперь эти люди? Их нет. И памяти нет. Эти бумажки с тенями тех, кто кому-то был когда-то безмерно дорог, находятся сейчас в руках человека, безмерно чужого для них. Я мну в руках эти бумажки и знаю, что скоро, очень скоро они будут выкинуты мной в мусорный ящик и напрочь забыты...

Маленькая девочка с белым бантом бесхитростно смотрит на меня сквозь десятилетия. Смотрит издалека, будто сквозь желтоватый туман. Между нами – войны, концлагеря, Сталин, Гагарин и ещё бог весть что и кто. А может, жива ещё эта девочка? Ау-у! Почему память о твоём детстве валяется здесь? Впрочем, если эта девочка ещё жива, она могла давно превратиться в дородную бабу, в чёрном одеянии посещающую по воскресеньям церковь, а может, ещё продающую сосновые ветки приходящим на кладбище людям.

Я подошёл к окну. Напротив виднелось новопостроенное здание, в котором разместился отдел милиции. Туда то и дело подкатывали машины, озабоченные менты сновали туда-сюда.

«Моя милиция меня бережёт!» Действительно, если бы я не повстречал знакомого сержанта, разве очутился бы в этой роскошной комнате?

Позавчера я нехотя брёл из привокзального садика по направлению к базару. Наступила осень, на земле корчились в медленной агонии жёлтые листья. Не успеешь оглянуться, как уже появятся новые предвестницы зимы – белые, улыбчивые снежинки с длинными ресницами. А у меня до сих пор нет зимних ботинок, и вряд ли они будут, потому что рассказы мои не принимает ни одна редакция, в результате чего в карманах гуляет ветер. Впрочем, можно проходить зиму и без тёплых ботинок, в моей практике это уже было, главное – найти, где перезимовать. В зимние стужи не заночуешь где угодно, нужна хоть какая-то халупа.

С такими нерадостными думами брёл я к базару, горестно опустив затуманенные очи, как неожиданно, прямо, можно сказать, под ухом раздался звонкий, самодовольный голос:

– Эй, Ркаил!

Я вздрогнул. Передо мной стоял сержант, гогочущий от вида моей растерянности.

– Ты чего, фраер, очумел, что ли, старого другана не признаёшь?

– А-а, привет, – ответил я, всё ещё медленно возвращаясь в действительность. Надо было сказать ещё что-нибудь, но на вялый ум пришло только дежурное:

– Куда направился?

– Как куда? – удивился сержант. – Я на дежурстве. А ты вот чего? Идёшь мимо и старого кореша в упор не видишь?

Он вдруг лукаво хохотнул:

– Может, ты ищешь динамит, чтобы взорвать к чертям собачьим этот памятник царю Грозному?

И он кивнул головой в сторону реки Казанки, где возвышался постамент в честь солдат, погибших при взятии Казани.

– Брось шутить, – мрачно ответил я, натужно пытаюсь вспомнить имя этого сержанта. От такого умственного напряжения мозги чуть не закипели, а на темечке зашевелились волосинки. В самом деле, как же его зовут? Года три или четыре назад мы жили с ним в общежитии на улице Красного Знамени. Вот незадача! Память дырявая! Никак не могу запомнить имена старых знакомых!

– Ты всё там ещё живёшь? – спросил я, пытаюсь нащупать тему разговора.

– Там, там, – радостно подтвердил сержант.

Наконец память моя стала проясняться, и я вспомнил, что знакомый мой был родом из Азнакаевского района.

– Ну, а ты где? – спросил сержант.

– Где-где... На улице, – буркнул я.

В груди у меня вдруг потеплело, как всегда бывает, когда есть кому излить душу.

– Жить негде, ёлки-моталки, – посетовал я. – А зима на носу.

– А работаешь где? – поинтересовался сержант.

– Где придётся, – махнул я рукой. Терпеть не могу такого вопроса.

– Грузчиком, что ли? – наморщил свой узкий лоб сержант. Видимо, в его единственной мозговой извилине с быстротой шаровой молнии пронеслось несколько предположений. В глазах его отразилось такое удивление, будто он спрашивал меня: алкаш? вор? бомж? бич?

– Да я рассказы пишу, – нехотя выдал я из себя.

– А-а... – ухмыльнулся сержант, радуясь что его бывший сосед по койке не совсем уж пропащий человек. – Писатель! Максим Горький!

– Габдельджаббар Кандалий! – воскликнул и я, имея в виду татарского поэта прошлых веков, дабы хоть немного поднять в глазах сержанта свой авторитет. Дескать, и мы не лыком вязаны!

– Ну, для писательства тоже нужны условия, – глубокомысленно заметил сержант. – Ты и не женат?

Я покачал головой в знак отрицания своего супружества. Этот вопрос мне тоже порядком надоел.

– А ты? – в свою очередь спросил я.

– Нет, – погрустнел сержант. – Как можно привести жену в эту крысиную нору?

«Недалеко ушёл», – радостно подумал я.

– Есть идея! – вдруг воскликнул он, просяив, – я могу найти тебе клёвую комнату! Пошли, отсюда недалеко.

И сержант поволок меня в сторону отделения милиции. Он завёл меня в какой-то старый, покосившийся дом, потянул дверь, лишь слегка насаженную на гвозди, и сказал:

– Вот твои апартаменты!

Я с сомнением шагнул вслед за ним в комнату.

– Этот дом всё равно подлежит сносу, а жильцам уже дали квартиры. Так что живи себе в удовольствие!

– Может, его уже завтра придут ломать?

– Ха! – усмехнулся сержант (надо сказать, что он вообще был весёлый малый). – Ты, Ркаи, словно сегодня родился. Дом, который скоро должны ломать, у нас ломают года через два-три.

В эту минуту я был похож на новосёла с ключом в руках. Всё складывалось как по мановению волшебной палочки.

– Ну спасибо, брат. Это дело нужно обмыть, – и я потными пальцами стал нашаривать в карманах мелочь. Однако мелочи не хватало не только на поллитру, но даже на полбуханки хлеба.

– Служба, – сказал сержант, и глаза у него как-то погрустнели. – Ну ладно, потом успеем. Я пошёл, а ты устраивайся. Капа!

«Капа!» на нашем сленге означало «Пока!». Сержант, весёлый малый, ещё раз улыбнулся и быстрыми шагами покинул комнату. В коридоре послышалась его твёрдая поступь – милиционеры привыкли считать себя решительными, мужественными. Не помню, сколько времени я сидел в задумчивости. Из оцепенения меня вывели чьи-то шаги. Я поднял голову. Может, это сержант вернулся? Нет, это был не он. Шаги послышались на лестнице, ведущей на чердак. Я подошёл к порогу комнаты, приоткрыл дверь и выглянул, успев заметить тяжёлые солдатские ботинки и длинное пальто поднимавшегося.

А сержант говорил, что здесь никто не живёт. Разве свято место бывает пусто? Я тихонько закрыл дверь и вышел на улицу. Нужно было принести из студенческого общежития набитый книгами чемодан. Не мешало бы и провизией запастись. Может, сходить к Зиннуру? Его жена, не в пример супругам других друзей, пока не выгоняет меня с порога. Но когда-нибудь и её терпение лопнет. И всё-таки я пошёл туда. Что мне оставалось делать? Человеку хоть раз в неделю нужно поесть горячее...

И вот теперь я сижу у себя в комнате, как хан на троне. Остаётся только подмести пол, утеплить окно и, забыв обо всём на свете, приняться за написание рассказа. А начнётся он так: «– Ха! – крикнул я, едва зайдя в комнату, и уселся на голую кровать, древние и ржавые пружины которой жалобно застонали». Этот рассказ должны принять. Что, если отнести его в журнал «Идель»? Примут, как пить дать, да ещё покровительственно похлопают по плечу: дескать, здорово сварганил, старик!

Не успел я утеплить старыми газетами окно, как на лестнице, ведущей на чердак, раздались шаги. Кто-то грузно топал по ступенькам тяжёлыми солдатскими ботинками.

* * *

Наконец он поднялся на чердак, и лестницы перестали скорбно вздыхать под его тяжестью. Чердак был полон разным ветхим тряпьем, пожелтевшими запылёнными книгами – словом, всяческим старьем. Осторожно ступая, он подошёл к маленькому оконцу и посмотрел на улицу. Возле отделения милиции стояло несколько машин, туда-сюда сновали милиционеры.

Он расстегнул пальто, вытащил обрез и положил его на сломанный стул. Взглянул на часы. Они показывали почти половину двенадцатого. Он давно уже караулил сержанта Аблаева и знал, что тот выходил из отделения ровно в полдвенадцатого и неторопливым шагом шёл домой обедать. Но сегодня не дано ему отвезать домашней трапезы. Он лишь успеет открыть дверь отделения.

О, сколько дней длилась эта охота! Мечь, только мечь растопит горький комок под сердцем мстителя! Человек с обрезом сел прямо на пол и закурил. Кулаки его были сжаты настолько крепко, что он с трудом разжал их. Этот Аблаев загубил всю его жизнь, и вот теперь пришёл день расплаты. Аблаева ждёт неминуемая смерть.

2

Он проснулся от прикосновения ко лбу чьей-то прохладной руки. Над ним склонилась улыбающаяся Сылу. Он тоже улыбнулся, как-то по-детски протирая глаза кулаком.

– Что будешь пить, кофе или чай? – спросила Сылу.

– Всё равно, – ответил он. – Наверное, лучше кофе, и покрепче.

Он ещё не совсем было проснулся. Сылу, одетая в тонкий шёлковый халат, принесла ему кофе. Опершись на левую руку, он потянулся за кофе. Горячий напиток разогнал кровь, правой рукой он привлёк Сылу за талию.

– Не надо, Шаман, – ласково сказала Сылу. Слово «не надо» в нежных устах Сылу всё время звучало как «продолжай, мне это очень нравится». И вообще, когда остаёшься вдвоём, каждое слово любимой женщины нужно, вероятно, понимать наоборот. Рука его нетерпеливо спустилась вниз, расстегнула подол халата, под которым не было ничего, наткнулась на упругое бедро.

– Сылу, милая, – застонал Шаман, крепко обнимая девушку. – Я так соскучился по тебе.

– И я, и я, – прошептала девушка. – Никогда больше не покидай меня.

Шаман, истосковавшийся по женской ласке, навалился на девушку, заёрзал.

Шаман уже будто летел куда-то в космос, стремясь раствориться в нём. Вот он почувствовал себя монгольским завоевателем Субедеем, приникшим к растрёпанной на ветру гриве низкорослого степного коня и поражавшего раз за разом горизонт своим огненно-жарким копьём. Вперёд! До самого последнего моря! Но до последнего моря далеко, лошади маленькие, а копыта не вечные. Как кривоногий степной воин, получивший в грудь стрелу уже на стене вражеской крепости, Шаман с громким стоном «А-ах!» содрогнулся и упал на спину. На лбу выступил холодный пот, глаза были какие-то потусторонние.

– Устал, миленький? – погладила его Сылу. – Отдохни, попей кофе, через некоторое время силы восстановятся.

– Ты ещё не насытилась? – хрипло спросил Шаман, вспомнив бессонную, бурную ночь. – Когда меня не было, ты с таким темпераментом наверняка времени даром не теряла.

– Не говори глупостей, – ответила Сылу, хотя у самой в глазах скакали бесенята. – Я так ждала тебя, так ждала!

Шаман, конечно, не поверил, но и не хотел особо выяснять отношения. По крайней мере, до поры до времени. Вообще, какой толк от бесполезной ревности? Не зря же говорят: «В воде не останется следа от проплывшей рыбы, на песке не останется следа от проползшей ящерицы, а в женщине не останется следа от побывавшего у неё мужчины». Наверное, и у Сылу за три года его отсутствия были какие-то шуры-муры, любовные похождения. Любовь сена не просит! «Не торопись, Шаман, – подумал он, – ты ещё напрыгаешься за все бесконечные ночи воздержания, в отместку ей».

Из тюрьмы он вышел только третьего дня. В тюремные ворота он заходил восемнадцатилетним юношей. Попался по глупости. С другом в подпитии сбили с ног какого-то мужчину и пытались снять с него шубу. Идиоты! Разве за такое дело берутся по пьяни? Хотя бы вечера подождали, когда темно. И вообще, не надо заниматься такой мелочью, если у тебя есть башка на плечах. А в тот день милиция свалилась на их голову так внезапно, что оба приятеля застыли на месте и ноги у них будто ватными стали. Менты покидали их в машину, словно застреленных на охоте зайцев.

Лязг открывавшихся тюремных ворот ударил Шамана куда-то под черепную коробку. Он закрыл глаза, вытер лоб вспотевшей рукой.

– В бокс! – рявкнул низкорослый сержант.

Скривив прыщавое лицо, он втолкнул Шамана в открытую дверь. Бокс, оказывается, представляет из себя маленькую камеру. Там, на низкой скамейке, уже кто-то сидел. Шаман даже не поздоровался с однокамерником, а лишь стоял, тупо уставившись на щербатые стены бокса. Сверху двери тускло светила маленькая зарешёченная лампочка.

Сидевший на скамейке зэк посмотрел на Шамана бесцветными глазами.

– По какой статье?

– Кто его знает...

– За что повязали?

– Спьяну вмазал одному в морду, – в сердцах махнул рукой Шаман. Ему уже до чёртиков надоели эти вопросы.

– Мелкое хулиганство, статья 206-я, – важно сказал зэк и сплюнул сквозь зубы. – Не бойсь, обойдёшься «химией».

– А я не из боязливых, – захорохорился Шаман.

Зэк насмешливо ухмыльнулся:

– Сначала, конечно, страшно бывает.

– А зачем нас сюда засунули? Мы что, так и будем до суда в этой камерке тухнуть? Очень уж тесно.

Сокамерник казался Шаману человеком опытным и зэком бывалым. Во всяком случае, его бледное лицо говорило о том, что свежего воздуха ему часто и давно не хватало.

– А до шмона, – ответил тот, но поскольку Шаман ничего не понял, уточнил: – Пока не обыщут и не отправят по камерам.

В это время с лязгом открылась дверь, появилась прыщавая физиономия маленького сержанта.

Шамана раздели догола. Один из сержантов стал общупывать одежду Шамана. Его глаза, как пинцеты, залезали в малейшую складку, ничтожный шов. А прыщавый сержантик тем временем проверял волосы, ушные раковины, подмышки Шамана.

– На корточки!

– Одевайся!

Пожилой старшина знакомился с документами задержанных. Этот бесподобно широколицый, чуть курносенький служака с маленьким ртом и такими крошечными глазками, словно их сделали шилом, удивительным образом напоминал увесистый амбарный замок. Словно Всевышний при создании этого лица спешил так, что не пожалел материала, а для ушей и носа оставил чуть-чуть.

– Вот ты – парень деревенский, – сказал старшина Шаману по-татарски. – И родители у тебя, наверное, хорошие. Как угораздило тебя попасть сюда?

– Зазря...

– В нашей стране зазря в тюрьму не сажают, джигит, – покачал головой старшина-замок, будто бы жалея хлопца. – Сколько хороших сельских парней приезжают в город и пропадают ни за понюх табаку... Пахал бы землю, ухаживал за скотиной, заботился о родителях, м-мда... Утром-вечером парное молоко, картошка в мундире... – и «замочная скважина замка» почмокала губами, словно прося молока.

Их обрили наголо, заставили вымыться под холодным душем и вернули одежду, продезинфицировав её печным дымом: тюремное начальство очень не любило разных кровососущих насекомых типа вшей.

– А теперь нас куда? – спросил Шаман у заросшего бородой худого зэка с ввалившимися глазами. Ему хотелось примкнуть к кому-нибудь из бывалых.

– В карантин, – ответит тот.

Карантин? От чего? Почему? И кто там? Но эти вопросы Шаман задать не решился. В камере тут же бросился в нос тяжёлый запах.

Не зная, что делать, Шаман остался стоять у двери. На двухэтажных шконках не было ни одного свободного места. Верхние «жилыцы» вообще не обращали на Шамана никакого внимания. Кто-то курил самокрутки, кто-то читал при скудном свете лампочки. Потоптавшись немного, Шаман уселся на длинную, узкую деревянную скамейку, стоявшую у двери, и равнодушно подумал: «Придётся, наверное, здесь спать».

И тут кто-то ткнул ему в ребро. Сидевший в глубине камеры парень среднего телосложения манил его пальцем.

– Статья?

– 206-я! – ответил Шаман, вспомнив сокамерника по боксу.

– Кем на свободе был?

– На стройке работал.

– Что натворил?

– Спяну вдарил одному по морде.

– И только?!

От пронзительного взгляда пахана Шаману вдруг стало холодно даже в этой душной камере. Он беспокойно заворочался.

– Ну... – замямлил Шаман. – Это... Шубу с него хотели снять.

– С кем? Подельник был?

– Да, вдвоём.

Парень засмеялся, и к нему угодливо присоединились соседние урки, один страшнее другого.

– Спяну избили, пытались ограбить, да ещё вдвоём. Это, дружок, и 206-я тебе будет, да ещё «букет» подарят. И застрянешь ты в тюрьге надолго, ох, надолго! Но не бойсь, здесь не так плохо, как ты думаешь. Звать-то как?

– Шамиль. Шаманом кличут.

– Шаман так Шаман. Борман! – толкнул он широколицего плечистого мордворота, лежавшего рядом с ним. – Того с крайней шконки выброси на скамейку. А этого на его место устрой.

– Айн момент! – Борман вскочил, подошёл к крайней возле двери верхней шконке и стянул с неё спящего человека. Темнолицый худой парень с грохотом свалился на пол и сжался, видимо, ожидая, что его станут бить.

– Вставай, пададь! – рявкнул Борман. – Твоё место там, на скамейке.

«Пададь» тихо поднялся, причём глаза его не переставали выражать чувство собачьей преданности и даже благодарности, и покорно улёгся на указанное место. Шаман отвернулся.

– А джинсы у тебя клёвые, – пощупал Борман Шамана за задницу. – Снимай давай!

– А я, что, без штанов останусь? – Шаман отвёл руку Бормана. – Не трогай.

– Ладно, ладно... – громила выдал что-то наподобие улыбки. – Скоро ноченька наступит, баю-баюшки. Ты, наверное, тоже спать хочешь? А если не проснёшься?

Шаман молча залез на шконку, а Борман отправился к своему пахану.

Что делать? Шаман от страха вспотел, жуткий испуг медленной змеей пополз от низа живота к горлу. А если ночью его задушат подушкой? Что терять этим уркам? Повадки убийц. И Шаман медленно стал снимать с себя брюки. Потом подошёл к шконке пахана.

– На, – протянул он штаны, – дарю.

При этом он старался не смотреть на звероподобного Бормана.

– Ну вот умница, – похвалил его Борман. – А раз такой добрый, подари мне и шубу.

Шаман посмотрел на пахана повлажневшими глазами.

– Скоро тебя оденут во всё казённое, в зоне нельзя ходить в шубе, – с философским видом объяснил ему пахан. – И вообще, здесь не любят частную собственность.

Один из подручных пахана уже нёс ему шубу Шамана.

– Я так и буду ходить без штанов? – растерялся Шаман.

Борман вытащил откуда-то сатиновые штаны.

– На, – усмехнулся он. – Лёгкие, одевать-снимать удобно. Хозяин их был хорошим человеком, жаль, умер, да пребудет душа его в раю.

Действительно, сатиновые штаны одевать было удобно. «Но снимать любые штаны несподручно», – подумал вдруг Шаман. Видно, тюремный быт рождает особую философию.

Борман резким движением оторвал у шубы воротник, вытащил из тумбочки свиное сало и намазал на воротник.

– На, чайханщик! – Борман протянул намащенный воротник долговязому детине. – Пора чаёвничать!

«Чайханщик» быстро свернул свой матрас, поставил на обнажившуюся пружину кружку с тремя кусками сахара, зажёл намащенный воротник и стал снизу нагревать посудину. Когда сахар растаял, в кружку налили воду или ещё чего...

Уселись кругом. Лицо пахана порозовело.

– Иди сюда, – приказал он Шаману.

Шаман нехотя подошёл. Дали кружку ему. Он поднёс к губам красноватый напиток, отдававший жжёным сахаром. Горячая жидкость обожгла горло, провалилась внутрь. В груди потеплело, голова слегка закружилась, сердце застучало.

– Только два глотка! – крикнул Борман. – Нужно делать только два глотка!

Каждый, дважды глотнув этого пойла, должен передать его соседу.

– Кайф! – Верзила-чайханщик погладил себя по животу.

Зэки с других шконок старались не смотреть в сторону пирующих. «За два глотка – шубу и джинсы!» – возмутился про себя Шаман.

Довольный пахан слез со шконки, и другие тут же поспешили залезть на свои места. Возле пахана остался лишь один Борман. Они вдвоём быстро стали ходить по камере туда-сюда. Шаман осторожно глянул на них. Глаза блуждающих по камере были почти бессмысленными, но слова...

– Вот, – разглагольствовал пахан, – коммунисты хвастались, что построили справедливое общество. Ого!.. Вроде у них нет ни бедных, ни богатых. Ха! Это – чушь, придуманная для безмозглых людей. Откройте глаза – коммунистические паханы обдирают народ как липку, а в свободное от грабежа время поднимают свои жирные зады на трибуну и снова блудят о равноправии, о ближайшем светлом будущем. И народ верит! Народ – это овцы, быдло. Они радуются, что в будущем будут жить в коммунизме, и того не знают, что живут в нём уже сегодня, сейчас. Забыли! А ведь когда-то Хрущёв обещал построить коммунизм уже к восьмидесятому году.

Пахан с Борманом продолжали носиться по камере.

– А настоящий коммунизм – не пустое слово, он есть! И он царит только в одном-единственном месте – в тюрьме. Здесь всё общее, сами видите. Может здесь кто-нибудь взять себе пайку побольше? Нет. К тому же у нас – чисто пролетарская диктатура. С гнилой интеллигенцией у нас разговор короток.

Пахан остановился.

– А там орут о справедливости. Вот у меня мама осталась одна-одинёшенька в Челнах. Брат – в тюрьме, я – в тюрьме. Как живёт наша мама? И пенсию не получает. А государство пальцем не пошевелит, чтобы помочь ей. А если мама с голода помрёт? Я этого никогда не прощу! Отомщу! Это говорю я – Ринат Туктаров!

Пахан закрыл лицо обеими руками:

– О, мама, милая!

Голос его задрожал, но когда он убрал с лица руку, глаза были по-прежнему холодны, чисты и лишены даже искорки мысли, по крайней мере, той мысли, представление о которой имеют большинство цивилизованных людей. Пахан опять завёлся:

– Но ещё я есть! Я помогу! Три недели тому назад на свидании я подарил ей две пары носков. У неё на ноги нечего было надеть. А коммунисты кричат о справедливом обществе, без бедных и богатых.

Передохнув, он продолжил речь:

– Самые честные люди – воры! Там... – он махнул рукой в сторону зарешёченного окна. – Там люди, считающие себя честными, делают совместные дела с помощью разных контрактов, договоров, нотариусов и тому подобной чепухи. А почему? Потому что не доверяют друг другу. А воры всегда друг другу доверяют. Если мы между собой договариваемся, нам не нужны никакие контракты или другая филькина грамота. Самый честный человек – вор! Мы слов на ветер не бросаем. Сказано – сделано!..

Пахан, наконец, устал, вытер пот со лба и растянулся на своей шконке. Рыжеволосый урка, лежавший рядом с Шаманом, тихо ругнулся:

– Падла... – Он повернулся к Шаману. – А ты за что попал?

– Врезал одному по харе.

«Интересно, слышал ли он мой разговор с паханом? – подумал Шаман. – Или просто поболтать хочет?»

– А я свояка топором зарубил, – сказал рыжий. – Оба пьяны были в стельку, в общем, ничего не помню. Зачем за топор схватился? А ведь хороший человек был свояк...

Он повернулся на другую сторону и уткнулся лицом в подушку. На пол соскочил какой-то черноволосый кудрявый ээк.

– Айда, Чёрный Щёгол, начинай! – подбодрил его Борман. – Повесили нас, завтра снова на суд идти, а прокурор «вышку» требует.

Чёрный щёгол принялся ходить по камере и декламировать стихи:

Пой же, пой, моя проклятая гитара.
Пальцы пляшут твои в полукруг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный друг.

Бархатный голос чтеца расслаблял душу, Шаман даже не помнил, как задремал, а когда проснулся, Чёрному Щёглу уже всю аплодировали.

– Молоток, Чёрный Щёгол, – хвалил его пахан. – Хорошо говоришь, за душу берёшь.

– А у татар, интересно, есть свои поэты? – вдруг спросил Борман.

– Не знаю, – ответил пахан. – Наверное, нету.

– Да ты же сам татарин! – свесил голову со шконки Чёрный Щёгол.

– Я и не татарин, и не русский, – с гордостью ответил пахан. – Я – вор в законе!

– Эй, Шаман! – крикнул Борман, – ты же деревенский парень, скажи, есть у татар поэты?

«Зачем этому бандюге знать о татарских поэтах? – неприязненно подумал Шаман, – откуда я знаю?»

– Почему же нет? – вдруг отозвался из угла еврей Вайнштейн, что-то писавший на бумаге. – Например, Муса Джалиль – поэт-герой...

– Еврей... Ничего не скажешь... – Борман засмеялся, довольный сам собой.

– Евреи – умный народ, – сказал пахан.

Чёрный Щёгол снова свесил со шконки голову:

– Где татарин есть, там еврею нечего делать!

Все засмеялись. Вайнштейн улыбнулся. Он всегда знал, когда следует улыбаться – на воле он был директором ресторана «Маяк».

– Ну-ка, Шаман, – скомандовал Борман. – Сбациай нам по-татарски стишок этого Мусы Джалиля.

«И чего он цепляется ко мне? – подумал Шаман. – Я даже не знаю, с чем эти стихи едят». И вдруг ему вспомнилась одна частушка, которую пели в деревне. И он запел её:

Түбэтэе бәрхетдин.
Күрше кызы ирдән кайткан,
Бар да безнең бәхетдин⁴.

– Такое короткое? – удивился Борман.

– Краткость – сестра таланта, – опять напомнил о себе Вайнштейн. – Хайку!

– Чего-чего?

– Трёхстрочное стихотворение японцы называют словом «хайку», – объяснил умный еврей. – У них это очень популярная форма с шестнадцатого века.

– Евреи – умный народ, – задумчиво произнёс пахан.

– Много знают, – поддакнул Борман.

Назавтра Вайнштейну предстояло переселиться на шконку получше.

* * *

Прервав воспоминания, внизу послышался звук, похожий на скрип открываемой двери. Шаман насторожился, прислушался, затаив дыхание. Звук не повторился. «Наверное, ветер, – перевёл дыхание Шаман. – Что-то нервы расшатались». Он сел на какой-то старый ящик, вытянул ноги. Взглянул на часы: до двенадцати ещё оставалось много времени...

3

– Ты меня больше не бросишь? – снова спросила Сылу. – Дай слово! Скажи, что никогда меня не бросишь. Слышишь? Никогда!

Влажной ладонью она гладила Шамана по голове.

– Ну, скажи, милый, поклянись!

– Я больше тебя никогда не брошу, – нехотя повторил Шаман. Для него было вовсе необязательным держать слово, данное женщине.

«Три года – срок немалый, – подумал он. – Сылу сильно изменилась, даже внешне. Вон какие груди спелые. Так и просятся сорвать...»

Душу его снова стал точить червь ревности.

– Ты ходила с парнями, пока меня не было?

– Да ты что? – Она обиделась. – Если не веришь, почему пришёл?

Она красиво поджала губки, и Шаман почувствовал, как снова заиграла кровь. Любил он пухлые губки Сылу!

В голове у него снова скрипнули и закрылись тюремные ворота. Он – на свободе! Шаман сначала несколько минут стоял на улице, не в силах двинуться с места. Шёл тихий снег. Прошло всего пять дней после Нового года, везде ещё сверкала праздничная иллюминация. Иди, Шаман! Иди и ни о чём не думай. Никто тебя не задержит, не лязгнет на тебя затвором винтовки... Расслабленно пошёл Шаман по улице. Хорошо на воле, как хорошо! Прекрасно жить

⁴ «Бархатная тюбетейка. Дочь соседа от мужа вернулась в отчий дом, Всё для нашего счастья».

на этом прекрасном свете. Это великое, всеобъемлющее чувство свободы не сможет полностью понять тот, кто не был узником...

Шаман потянулся, глотнул кофе. Вот и он живёт по-человечески! Теперь нужно устроиться на работу, создать семью... Он улыбнулся, представив, как возятся вокруг него, по крайней мере, двое маленьких «шаманчиков». Наверное, в этом и состоит смысл жизни...

В это время раздался сильный стук в дверь. Шаман вопросительно посмотрел на вышедшую из кухни Сылу. Кого принесла нелёгкая в такое время? Сылу в растерянности опустила руки, недоумённо пожала плечами.

Кто там?

А в дверь стучали и стучали, даже колотили. Сылу пошла открывать дверь. В комнату ввалились три милиционера. Сылу побледнела так, что лицо её стало похожим на гипсовую маску.

– Вставай, герой! – зашедший первым сержант рывком сдёрнул с Шамана одеяло. – Пошли!

– За что? – изумился Шаман, пытаясь ладонью закрыть срамное место.

– Лежит голый, падла! – ноздри сержанта раздувались в гневе, а глаза его налились кровью. – Встать, сказано!

Милиционер без размаха, но сильно ткнул кулаком Шамана под дых. От боли тот согнулся и несколько минут лежал, судорожно хватая ртом воздух.

– Вставай, симулянт! – сержант стянул его с кровати. – Одевайся!

Сылу с плачем кинулась Шаману на грудь:

– Господи, что ты ещё натворил?

Волосы её растрепались, нос покраснел.

– О-о, горе ты моё!

Вдруг она вскочила с пола, где ещё лежал поверженный Шаман, и встала на колени перед сержантом, уцепилась за его рукав:

– Не забирай его, Аблаев, пожалуйста, не забирай! Он не виноват, он никуда от меня не выходил, клянусь!

– Уйди, потаскуха! – сержант брезгливо отпихнул её в сторону. – Три дня нет, как из тюрьмы вышел, а уже квартиру ограбить успел! А ты стой смиренно, не то и тебя заберу в кутузку. У-у, шлюха!

Шаман пришёл в себя, нервными движениями принялся искать одежду, заглянул под кровать, наконец нашёл трусы под матрацем. Двое сержантов у дверей с издёвкой смотрели на него. Аблаев всё торопил Шамана. В глазах Аблаева горела неприкрытая ненависть.

– Никакую квартиру я не грабил, – голос у Шамана дрожал. – Ошибаешься, начальник.

Аблаев угрожающе замахнулся на него кулаком:

– Не трепи языком! Посмотрим, как ты в тюрьме запоёшь.

В углу всхлипывала Сылу:

– А-абла-а-ев! Не забирай его.

Но Аблаев даже не смотрел в её сторону. В отделении милиции Шамана завели в кабинет следователя.

– Попался, соколик? – встретил его следователь, седоватый, полный мужчина. – Только только освободился и снова за старое. Ай-яй-яй... Ну, голубчик, рассказывай. – Следователь уселся поудобнее в своём кресле. – Когда, как? Всё говори, без утайки. Когда, как, с кем?

– Не грабил я никакой квартиры.

– Что?! – аж взвизгнул следователь, поднимаясь с места и подбегая к Шаману. Жёлтыми от табака пальцами он поднял Шаману подбородок.

– Говори, гад! Не то!..

– Невиновен я...

Следователь сделал знак стоявшему у двери Аблаеву:

– Позови ту бабушку.

Аблаев вышел. Через некоторое время он зашёл с какой-то кривоногой маленькой старушкой.

– Э тот, бабушка? – ткнул пальцем в Шамана следователь.

Шаман съёжился от сверлящего взгляда бабки, отвёл глаза.

– Э тот, милоч, э тот, – кивнула старуха. – Сама видела, как выходил из нашего подъезда с двумя тяжеленными чемоданами. На голове шапка была, шея шарфом обмотана...

Она снова вперила свой взгляд в Шамана:

– Только тогда он вроде повыше ростом казался.

– Спасибо, бабушка. Вот подпишись здесь и можешь идти.

– Видал? – победоносно спросил Шамана следователь, едва за бабушкой закрылась дверь. – Свидетели есть. Против фактов не попрёшь. Ну, говори, как дело было?

– Ошибается она... Путаёт с кем-то...

– Она – очень наблюдательная старушка, – улыбнулся следователь, хотя глаза его в улыбке не участвовали. – Она помогла нам выявить уже несколько воров и ни разу не ошибалась.

«Старая ведьма! – подумал Шаман. – Наверное, свой человек у ментов, за «опознание» денежки получает...»

– Не тяни время, рассказывай. Вчера после обеда, часа в два, ты подошёл к дому номер 32 на улице Коммунизма... И? Продолжай!

От гнева Шаман ощутил спазмы в горле.

– Ты мне сказки не рассказывай, начальник, – сказал он, изо всех сил стараясь быть спокойным. – Я два дня из дома не выходил. Спроси у хозяйки квартиры.

– У этой? Что ж, спросим, спросим и у ней. А ты-то как туда попал? Может, ты ещё изнасиловал эту женщину, а? 117 статья. Сколько лет – сам, небось, знаешь... Поэтому бери на себя ограбление названной квартиры, и расстанемся на этом.

– Ну уж нет! Не грабил я этой квартиры! – голос Шамана сорвался.

Следователь шаг за шагом загонял его в угол, как матёрая кошка перепуганную мышь.

– Нет! – снова крикнул Шаман, но уже чувствовал, что не выбраться ему из расставленного капкана. Что-то сломалось в нём, внутри.

Следователь нажал на кнопку, и снова появился Аблаев.

– Не признавая своей вины, ты только себе делаешь хуже.

Следователь кивнул на дверь. Аблаев повёл Шамана по коридору в камеру. К ним присоединился ещё один милиционер. Камера оказалась пустой, только в середине была покрытая дерматином лежанка. Как только вошли в камеру, Аблаев ударил Шамана кулаком в пах, и парень рухнул как подкошенный. Второй милиционер стал пинать его по почкам.

– Осторожнее, – остановил Аблаев вошедшего в азарт коллегу. – Сделаем ему «ласточку», мигом шёлковым станет.

Шамана положили на лежанку, заломили назад руки-ноги и связали их. Дверь камеры с треском закрылась. «Всё равно вытерплю, – подумал Шаман. – Выдержу! Вон в кино показывали, как издевались над нашими гестаповцы, ногти вырывали, за ноги вешали, но своего так и не добивались! И ты терпи, Шаман, терпи».

Всё тело его ныло и ныло беспощадно. Это была невиданная доселе боль, нестерпимая, пронзительная. Через пять минут Шаман не выдержал и стал выть, словно волк-одиночка. Стянутые ремни врезались глубоко в запястья и щиколотки. Невозможно было даже пошевелиться. Он выл и выл. В глазах потемнело, сознание замутилось. До Шамана кто-то дотронулся: тело его безвольно дрожало.

– Сейчас, сейчас, – зашептал кто-то. – Потерпи немного.

Шаману чуть-чуть удалось повернуть голову, чтобы взглянуть на шептуна. Это был один из сержантов, пришедших в квартиру Сылу. Он торопливо ослаблял ремни.

– Развяжи! – закричал Шаман. – Или лучше убейте, я не могу больше терпеть!

Сердобольный сержант поднёс к его губам полную кружку воды.

– Попей, легче будет.

Шаман стал жадно пить, давясь водой. Зубы его стучали о край кружки.

– Развяжи!

– Успокойся, расслабь мускулы... – Голос сержанта был грустным. – Я... Я не могу развязать тебя, пойми...

– Тогда иди скажи этим падлам, что я согласен подписать их галиматью. Да, я ограбил эту чёртову квартиру, я...

Сержант медленно пошёл к двери, у порога остановился и спросил:

– Может, не будешь спешить?

– Иди! – застонал Шаман. – Моченьки моей нет! Скажи!..

Лицо его было залито слезами. Через несколько минут явился Аблаев вместе с тем «сердобольным» сержантом, который поспешно принялся развязывать жертву.

– Не суетись, Мидхат, – сказал ему Аблаев. – Хочешь добреньким казаться? А если мы попадёмся в руки этих бандитов? Они же нас к конскому хвосту привяжут, а коня как следует плёткой огреют.

Наконец путы узника упали на пол.

– Ай-яй, – Аблаев издевательски посмотрел на Шамана. – Герой! И на сколько хватило твоего терпения? Хлипкий ты, я гляжу. Тут некоторые обделывались на «ласточках». И почти всегда ставили подпись. А раз так, зачем понапрасну гробить своё здоровье?

Следователь набычился на Шамана через линзы своих допотопных очков:

– Ну, подумал подписывать? Давно бы так.

Он пододвинул к парню чистый листок бумаги.

– Подписывай.

– Но здесь ничего не написано.

– Так ты ничего нам не рассказывал. А теперь у меня нет времени тебя выслушивать.

Рабочий день кончился.

Он посмотрел на часы:

– Ого! А ещё по магазинам пройтись надо, то да сё. А ты подписывай, подписывай. Дома я сам напишу про твои художества. Завтра тебе, так и быть, покажут готовую писульку! Не бойся, напишу всё чин-чинарём, не зря в пионерские годы ходил в кружок самодеятельного творчества. Хотел поэтом стать, дурак! – Он засмеялся, оскалив гнилые зубы.

На бумаге появилась подпись Шамана, кривая, косая, будто последний путь мухи, околелшей от дихлофоса.

– Вот и ладненько, – сказал следователь, быстро пряча подписанную бумагу в стол. Потом он обернулся к Аблаеву и сказал:

– Умный джигит наш Шаман, верно? Зачем друг другу нервы портить? Чем валяться в вонючей камере, лучше поехать на зону, где свежий воздух, хорошая работа. И для кайфа там возможностей больше. И потом... Как ещё говорят? Раньше сядешь – раньше выйдешь. Так ведь, гражданин экз?

– Пошли, – сухо сказал Аблаев.

С лязгом открылась дверь камеры. Шаман хотел о чём-то спросить, но не успел: ударом кулака Аблаев снова отправил его в глубокий нокаут.

– А девка твоя – Сылу – классная, – сказал Аблаев, стоя на пороге. Увидев недоумённые глаза Шамана, он с удовольствием ухмыльнулся, гордый тем, что причинил боль другому, и добавил:

– Классно, говорю, ласкает. Всю ночь спать не даёт.
Дверь закрылась. Загремели засовы.

* * *

Через окошко чердака Шаман посмотрел на улицу. К отделению милиции подъехала ещё одна машина. «Собаки, – подумал Шаман. – Всех бы их порешить, ненавижу!» В это время из одного милицейского окна появилась как будто знакомая физиономия. «А-а... Это тот «сердобольный» сержант Мидхат, что ослаблял ему ремни и давал воду. Что же, и среди них встречаются люди». Шамиль удручённо курил, поглядывая на часы. Время казни Аблаева неотвратимо приближалось.

* * *

– Я всё равно убью тебя, Аблаев, – прошептал Шаман, когда его погружали в машину для отправки в изолятор. – Я не смогу жить, пока тебя не придушу.

– А ты и так не сможешь жить по-человечески, – поиграл желваками Аблаев. – Сопляк! Разве ты способен убить человека? Айда, айда! – он запихнул Шамана в машину. – В изоляторе штаны сушить будешь.

Горький ком в горле Шамана словно таял, распадался на несколько ручейков, подкатывал к глазам, заволакивая их жгучей влагой. Он ткнулся лицом в воротник шубы.

– Мне бы только выйти. Всё равно убью.

Старые часы с «хромыми» стрелками жалобно начали отсчитывать свои минуты.

4

Старинный, покосившийся дом напротив отделения милиции почему-то напоминал Аблаеву приседшего на корточках старика. Дом должны были снести, жильцы уже переехали в новые квартиры. Старый дом запустел.

Аблаев снова посмотрел через окно на ветхий дом и подумал: «А ведь там, по-моему, кто-то есть. В запустевшие дома обычно забираются разные подростки, шпана, бомжи. Надо будет проверить эту лачугу – как бы кто-нибудь пожар не устроил».

– Чего задумался, как поп, у которого крест в воду упал? – поддел его сержант Мидхат. – Я уже давно чай заварил, неси стакан, почаёвничаем.

Аблаев вытер пожелтевший стакан грязной тряпкой.

– Настроения нет, дома – одни скандалы, жена проходу не даёт.

– Я вот не женат, – осклабился Мидхат. – Каждый день, стало быть, праздник у меня. Надоело, по правде говоря.

Он вздохнул:

– Скоро тридцать стукнет, а у меня ни кола ни двора. В деревне дети моих сверстников уже в школу ходят. У тебя хотя бы жена, двое детей есть.

– Хе! Попробуй поживи с ними в тесной общаговской комнате, по-другому запоёшь. Радуйся пока тому, что не женат, брат.

Аблаев отхлебнул чая, заварка которого, кажется, наполовину состояла из пыли грузинских дорог, и продолжил:

– Все скандалы происходят из-за нищеты. Жена пилит: «Когда квартиру получишь, когда?» Как я получу то, чего не дают? А ведь я здесь уже десять лет работаю. Сразу после армии... Сволочи...

– Теперь уже и не думай, чтобы получить квартиру, – сказал Мидхат. – Уйду, наверное, с этой работы. В деревне меня мама ждёт. Да и работёнка в колхозе найдётся.

Аблаев лишь махнул рукой: об уходе с работы Мидхат твердил уже пятый год.

– Мы ведь, если подумать, ничего не можем, кроме того как собирать по улицам пьяных, – зло усмехнулся он. – И потом: тут какая-никакая, а власть. Человеку, привыкшему к власти, трудно работать в другом месте. Власть – это как наркотик. Возьми государственных чиновников... Еле ходят, песок из штанов сыплется, а за кресла свои мёртвой хваткой держатся. А как выйдут, наконец, на пенсию – больше месяца, бедолаги, не живут, коньки откидывают.

– Какая же у нас власть? – разочарованно протянул Мидхат, слегка удивлённый своеобразной «философией» коллеги. – Какая власть может быть у человека, днём и ночью рыскающего по улицам, словно пёс бездомный?

– Дурак ты, – снова принялся философствовать Аблаев, считавший Мидхата простачком. – Если сумеем воспользоваться хотя бы небольшой властью, то... Эта власть возрастет в три раза. Эх ты, дитя природы... Вот, к примеру, привозят к нам немного поддатого, хорошо одетого человека. Словом, интеллигента. И тут ты начинаешь на него рычать, наскакивать, пугать, до утра съешь его в каталажку, а если он будет упрямиться, пинком под зад наподдашь. А? Разве может быть власть слаще такой? Вот где смысл власти, браток.

– Так они ведь нас внутри души за людей не считают... – попробовал возразить Мидхат.

Аблаев ухмыльнулся, вспоминая какое-то событие, очевидно, важное для него. Потом гордо произнёс:

– Я вот этой ногой самого Тагира Якупова под зад пиннул, понял? Знаешь такого артиста?

И он торжественно поднял правую ногу в тяжёлом солдатском ботинке, демонстрируя своё превосходство над «вшивой интеллигенцией».

– Вот этой самой ногой пнул его в зад! А? Эту ногу можно в музей ставить, браток.

Когда они, случалось, задерживали хмельного Тагира Якупова, то непременно заставляли певца исполнить знаменитую татарскую песню «Олы юлның тузаны» («Пыль большой дороги»).

Аблаев, держа в руке стакан, снова подошёл к окну, взглянул на дом, предназначенный к сносу, и сказал напарнику:

– Мидхат, в этой развалюхе, что напротив, кажется, кто-то есть. Может, шантрапа какая бардачит. Надо бы проверить. Зайдём туда по пути на обед, ладно?

– Да, кто-то там есть, конечно, – подтвердил Мидхат. – Недавно встретил я старого приятеля. Ему негде жить. Вот я и подсказал ему обосноваться пока в этом доме. Когда ещё дом снесут? А парень хороший, порядок не нарушает, университет закончил, так что не беспокойся.

– Хе, – осклабился Аблаев. – Студенты... Да они даже представления не имеют, что такое порядок. Как они могут нарушать то, о чём представления не имеют? А, Мидхат?

– Пусть живёт, пока дом не снесут, – неожиданно твёрдо сказал Мидхат.

– Ну пусть живёт, – решил согласиться Аблаев. – Да я и сам устроился бы туда с семьёй в какую-нибудь большую комнату. Если дом подремонтировать, он ещё сто лет простоит. Видел, какие там высокие потолки? А на полах – дубовый паркет. Раньше умели строить, брат. Раньше богатеи такие домины отгрохивали...

– После работы я зайду туда, – сказал Мидхат, невольно облизывая губы. – Надо обмыть «новоселье» друга.

– А где он работает?

– Не работает, а рассказы пишет.

– Значит, бездельник, у которого ветер в карманах гуляет, – подытожил Аблаев и смачно сплюнул в угол комнаты. Он терпеть не мог людей безденежных.

– Деньги у меня есть, – ответил Мидхат. – Просто с ним поболтать по душам приятно.

– Если пить за чужой счёт, то и я могу соловьём заливаться, – хмыкнул Аблаев. – Если у тебя деньги в кармане чешутся, лучше после работы вдвоём «беленькую» уговорим.

В это время появился следователь Кафаров.

– Как дела, ребята? – он коlobком покотился к столу. – Чай пьёте? Если можно, и мне плесните.

Пальцы «следака» чуть-чуть дрожали.

– О-о, да ты, дядя Кафель, кажись, что-то праздновал вчера? – шутливо спросил Аблаев, заметив покрасневшие глаза и дрожь в пальцах у следователя. Что касается имени, то это была не кликуха – Кафелем следователя назвали ещё при рождении.

– Было немного, – признался Кафель, – дочь с зятем в гости приезжали.

– Что-то зачастили к вам гости, – ухмыльнулся Аблаев и снова повернулся к окну.

– Что подделаешь? Как зятю поллитру не поставишь?

Кафель поставил пустой стакан на стол и вдруг хлопнул себя рукой по лбу, вспомнив что-то.

– Да-а!.. Чуть не забыл сказать. Помнишь, повязали вы того рецидивиста, что квартиру обокрал? Как бишь его... Э-э... Шаман...

Аблаев встревоженно повернулся к нему.

– Так вот, – продолжал «следак», – этот Шаман сбежал из лагеря. Надо послать его фото во все отделения милиции.

– Вот тебе на... – растерянно протянул Мидхат. – Вот дурак. Теперь он вообще из тюрьги не выйдет. Пропал парень, зря это он...

Кафаров отвёл взгляд в сторону.

– Да-а... Теперь он точно сюда приедет... Может, он уже у той девки обитает?

– Там его не должно быть, – не очень решительно сказал Аблаев.

– Он же не круглый идиот, чтобы притащиться на засвеченную хату, – поддержал напарника Мидхат.

– Не говори наверняка. Кто его знает... чтобы «залечь на дно», беглец обычно отыскивает знакомых ему прежде женщин. Аблаев, ты возьми эту квартиру под наблюдение. И потом... Он может быть вооружён. Будь осторожен.

– Пусть только попробует туда сунуться, – потемнел лицом Аблаев.

– А чего ты так волнуешься? Или у тебя с этой девкой до сих пор шухер-мухер? – засмеялся Кафаров.

5

В тот вечер Аблаев пошёл в университетскую общагу к одному своему односельчанину. Подойдя к двери, он понял, что в комнате уже началась обычная для общаги пьянка. В полутёмной комнате сидели, развалясь, четверо-пятеро парней и одна девушка – все, естественно, хмельные. Магнитофон орал на полную мощность, так что невозможно было слушать собутельников. Увидев Аблаева, один из парней помахал ему рукой в знак приветствия, приглашая таким образом в компанию. Аблаев выключил магнитофон.

– Салют, товарищи студенты! – Во внезапно наступившей тишине громкий голос Аблаева заставил вздрогнуть бражников. – Откройте окно, а то дышать нечем!

Действительно, сигаретный дым стоял в комнате коромыслом.

– Иди бабушку свою поучи! – огрызнулся один из парней. Он лежал на подушке, и мокрые волосы его прилипли ко лбу.

– Не обращай на них внимания, – сказал односельчанин Аблаева. – Проходи...

Он протянул Аблаеву стакан с водкой.

– На, выпей сначала.

Аблаев не заставил себя упрашивать, опрокинул в рот водку, поискал глазами закуску. Но ничего не нашёл, кроме засохших кусочков хлеба. На середине стола красовалась дочиста вылизанная сковородка. Пришлось Аблаеву занюхать рукавом.

– Эй, гонец! – крикнул кому-то односельчанин Аблаева. Прикорнувший в углу гонец мгновенно наострил уши. – На деньги, возьми у корейцев две бутылки водки.

Аблаеву он пояснил: «Эти корейские студенты у нас водочным бизнесом занимаются».

– Хочу слушать музыку! – завопила пьяная девушка.

Аблаев вопросительно посмотрел на своего приятеля. Тот подал знак, стукнув ладонью правой руки по левому своему кулаку. Кто-то включил ритмичную музыку. Девка вскочила с криком: «Хочу танцевать! Танцуем! Танцуем все!»

Обитатели студенческой ночлежки поднялись со своих мест и стали дрыгаться в такт музыке. Только Аблаев сидел на кровати. Он, как говорится, ещё не дошёл до кондиции. «Теперь сколько ни выпей, а этих не догнать», – подумал он.

Гонец вернулся быстро, вынул из карманов две бутылки водки. Кто-то залез под кровать и вытащил оттуда целое сокровище – четыре или пять луковиц.

– Давайте выпьем за нашу красавицу, – предложил Аблаев и залпом осушил стакан. Поморщившись, сказал: «Фу! Что за отравка? Самопальная, что ли?»

– Да вроде нормально, – сидевший рядом парень с комической гримасой нюхал лук.

– Тост был за тебя, так что пей до дна, – подтолкнул девицу приятель Аблаева.

В руке у него – о, чудо! – появился даже кусочек настоящего шоколада.

Уступая просьбам джентльменов, девица не стала жеманиться и допила водку из своего давно немытого стакана, стенки которого утолщились, наверное, вдвое не только по причине немывтия, но и из-за частого употребления разных напитков.

– Вот и молодец! – похвалил её заводила компании и сунул ей в мокрый рот обломок шоколада.

Взгляд Аблаева остановился на портрете Сталина, висевшем на стене. Казалось, «отец народов» ласково подмигивает ему. Увидев, что его земляк сержант заинтересовался портретом вождя, заводила воскликнул:

– За Сталина! Наши деды шли в атаку с его именем на устах и задали фашистам всемирную трёпку! За Сталина!

– Я за него пить не буду, – заупрямился его сосед. – Скинь со стены этого палача. Он моего деда ни за что расстрелял в тридцать седьмом году.

– Умереть невинно казнённым – это даже почётно, – усмехнулся один из студентов. – Когда Сократа осудили на смерть, один из его учеников спросил: «Уважаемый учитель! Неужели ты так и умрёшь, осуждённым без вины?» «Глупец, – ответил ему Сократ, – неужели ты хочешь, чтобы я умер, казнённый за действительную вину?»

– Вы ведь в Бога верите, – заметил другой студент. – Считаете, что души невинно загубленных попадают прямоком в рай. А один только Сталин истребил миллионы ни в чём не повинных людей. Значит, он был озабочен лишь тем, чтобы души этих миллионов попали в рай. Ленин, Сталин, Гитлер – самые святые люди двадцатого века! А если человек умрёт своей смертью, прожив долго и, возможно, наделав кучу грехов – кто даст гарантию, что он попадёт в рай? Шариат, Коран, Библия, Церковные установления – это вам не советские законы. Божьи каноны нужно выполнять неукоснительно. Одной голой верой в Бога не достигнешь райских кущ...

Сталин на стене подмигнул Аблаеву другим глазом.

– А раз так, давайте выпьем за Иосифа Виссарионовича. Сегодняшние так называемые лидеры – жалкие пацаны по сравнению с ним.

– Сволочь! – крикнул вдруг соседний парень и, вскочив, сорвал со стены портрет Сталина. – Он деда моего расстрелял!

Аблаевский земляк засмеялся:

– Дурак! Выкинув его портрет, ты не выкинешь его самого. Ты глупец! Вспомни теорию Мальтуса: если не будет войн и репрессий, население планеты увеличится в опасных размерах. Земля просто не сможет прокормить столько ртов! Поэтому на определённых отрезках истории Бог сам шлёт на Землю новых Сталиных, Гитлеров. Такие люди бывали в каждом столетии, если их посчитать, то со счёта сбиться можно. Нерон, Калигула, Александр, Чингиз, Тамерлан, Торквемада, Иван, Пётр, Наполеон... И ещё целый сонм тиранов. Когда нас расплодится на Земле, как саранчи в Китае, появится новый Чингиз, чтобы истребить, раздавить часть человечества. На всё воля Божья...

Лицо говорившего было неестественно бледным, а кривая ухмылка дёргалась на его лице, словно птичка, попавшая в силки.

– Ладно, выпьем, – закончил он свою странную речь.

– Большой он, – шепнул Аблаеву сидевший рядом парень.

Аблаев пожал плечами и сказал:

– А ведь он правду говорит. Человеческая жизнь теперь ничего не стоит. Может, и никогда ничего не стоила. «Человек – это звучит гордо» – придумано для дураков.

– Да бросьте вы, наконец, свою политику! – взвизгнула пьяная девка. – Давайте потанцуем!

– Потанцуют сейчас на тебе, – снова шепнул Аблаеву сосед и с ненавистью сплюнул смачную слюну. – Ничего нет хуже, чем пить натошак.

– А что это за девка? – поинтересовался Аблаев. – Откуда она? Красивая, стерва. – И он плотоядно облизал пересохшие губы.

– Да так... Потаскуха одна, – ответил парень.

– А зовут как?

– А кто её знает... Кажется, Сылу...

– Ты отдохни немного, милочка, – сказал аблаевский земляк, – а мы освежимся.

Все задвигали стульями, поднимаясь и направляясь к выходу. Аблаев не двинулся с места. Когда все вышли, он подсел к девке.

– Как дела, Сылу?

– А тебе-то что? – грубо ответила она. – Ты доктор, что ли?

Аблаев обнял её. Она не сопротивлялась.

– Пошли со мной, я провожу тебя. Не оставайся с этими шакалами.

– Ты чё тут мне проповедь читаешь? – девушка оттолкнула его. – Делай своё дело и дуй отсюда! Или не в состоянии?

Аблаев не выдержал и закатил девке затрещину. Та упала на кровать, словно кукла со сломанной шейкой, и затихла.

«Кажется, сознание потеряла, – подумал Аблаев. – Что же, может, это ей на пользу пойдёт». Он закурил и вышел в коридор.

– Ну как, хороша? – спросил его земляк.

Аблаев не ответил.

– Теперь моя очередь, – сказал парень, сидевший рядом с Аблаевым, и шагнул к двери. Аблаев рванул его за плечо:

– погоди!

Парни удивлённо посмотрели на него.

– Никто из вас в комнату не зайдёт! – зло объявил Аблаев. – Её я с собой уведу!

– Ай-яй-яй, ну и ментяра! – обиженно произнёс земляк и осуждающе покачал головой. – Брезуешь кайфовать вместе с нами? Идёшь против коммуны? Нельзя так, нельзя. В тебе берут верх мелкобуржуазные взгляды. А классовый враг не дремлет, точит исподтишка нож по наши души. Лучше быть осторожным, мент...

– Брось! – сказал Аблаев. – Надоел ты мне со своей философией доморощенной. Тошнит меня от тебя.

– Козёл! – молчавший до этого патлатый парень кинулся на Аблаева. – Нашу девку красть! Да я тебя...

Не успел он досказать угрозу, как сильный удар откинул его аж до кухни. Он упал, ударившись головой о стену, и затих.

– Уведу? – требовательно спросил Аблаев у главаря компании.

– Ну если уж тебе так приспичило... – косо усмехнулся тот. – Но почему ты не хочешь покайфовать вместе? Не пойму. Кроме того, у тебя одного на неё силёнки не хватит.

– Ничего, я из колхоза в город сбежал. Как-нибудь сам попашу, плуг мой ещё не заржавел. И он уверенной походкой двинулся к двери.

– Ну-ну, дерзай, – снова ухмыльнулся главарь.

– Пошли со мной!

Строгий милицкий голос, кажется, подействовал на девку. Она нехотя пошла за ним. Студенты с усмешкой смотрели на удаляющуюся парочку. Кто-то нарочито громко, чтобы услышал Аблаев, стал рассказывать анекдот:

– Сидит мент на берегу реки. Мимо проплывает кучка говна. «Здорово, коллега!» – говорит менту дерьмо. Тот обижается: «Какой я тебе коллега?» «Коллега, коллега! – отвечает смрадная кучка. – И ты во внутренних органах, и я!»

На улице Аблаев ломал голову, с чего начать разговор с девушкой. Ни одна дельная мысль не пришла в его голову. Если сказать, что она понравилась ему с первого взгляда, что нет девушки красивей её? Такая туфта не пройдёт. Не тот контингент. Шлюха. Аблаев решительно обхватил девушку за талию.

– Убери лапу! – вяло огрызнулась она. – Зачем увёл меня, мент? Меня хочешь? А пошёл ты!..

На голову Аблаева словно ушат воды вылили. Справившись с волнением, он процедил:

– Молчать! Сейчас в отделение тебя поведу, в вытрезвитель запру.

Девушка сразу поникла, сжалась.

– Да шучу я, – испуганно сказала она. – Пошли ко мне. Там недопитая бутылка водки есть.

– Так-то лучше, – удовлетворился её ответом Аблаев. – Умная девочка.

А сам подумал: «И не таких обламывал».

...Среди ночи Аблаев собрался домой, думая о предстоящей очередной истерике жены.

– До свидания, Сылу.

– Больше не приходи.

– Почему? Ты мне очень понравилась.

– У меня парень есть. Через неделю вернуться должен.

– Откуда?

– Из тюрьмы. Узнает – убьёт и тебя, и меня.

Аблаев засмеялся.

– Не убьёт, не бойся. И нам нисколько не помешает. – И уже на пороге добавил со значением: «Вот увидишь».

* * *

Колючий взгляд Аблаева скользнул по дряблой физиономии Кафарова.

– Вечером мы с Мидхатом обыщем квартиру той девки. Мы поймем его, долго ему на воле не ходить.

Мидхат нахмурился. Вечером он собирался бражничать со своим другом-писателем в доме напротив. А тут...

– Охотиться за беглецами из тюрьмы – не наше дело, – недовольно пробурчал он. – Тем более, если он вооружён. Как-то не хочется покидать этот мир зазря. Я ведь единственный сын у матери.

– Если так дорожишь своей шкурой, оставался бы в деревне.

«Этот Мидхат – случайный человек в милиции, – подумал Аблаев. – Слишком мягкий. А милиционер в каждом должен вызывать страх. Основа порядка – страх. В душе человека затаился хищный зверь, и в клетке удержать его сможет не мораль, а животный страх». Аблаев знал, что Мидхат заходил в камеру Шамана, чтобы ослабить ему путы, дать воды. Знал, но не подал виду. Потому что согласен был в том, что после кнута обязательно положен хотя бы маленький пряник. Этот пряник может выбить человека из колеи уже фактом своего присутствия. Зэк, приготовивший себя к самым страшным пыткам, вдруг расслабляется, вкусив «пряника». И тут не надо зевать, а вить из него верёвки. Мидхат, конечно, слюняй. Жалеет какую-то шпану. Но именно этой жалостью, сам того не сознавая, он и выполняет обязанность милиционера в общепринятом смысле. Да, жизнь соткана из парадоксов.

Аблаев посмотрел на часы: скоро двенадцать.

– Я пошёл на обед, – объявил он, направляясь к двери.

– погоди, и я с тобой, – отозвался Мидхат. – Пойдём вместе.

В коридоре Аблаев свернул в сторону туалета.

– Я только быстро, – сказал он.

Не успел Аблаев закрыть дверь сортира, как с улицы донёсся приглушённый звук выстрела.

6

Из тюрьмы они бежали с корешом по кличке Артист.

– У меня в городе знакомых много, – хвастался Артист. – Выправим документы, ксивы в ажуре будут, изменим внешность и махнём в Среднюю Азию. Сейчас нам нужно лечь на дно.

– Мне сначала одного фараона на тот свет нужно отправить.

– Зачем? – удивился Артист. – Если хочешь отомстить, всегда это сделать успеешь. Не думаю, что мента ты хочешь грохнуть из-за денег. Этих легавых хоть вверх ногами тряси, ни копейки не выпадет – голь перекатная. Нам сначала нужно о самих себе позаботиться. А ты на «мокруху» собрался. В своём уме?

– Я слово ему дал.

– Кому?

– Менту этому. Что убью его, как только выйду из тюрьмы.

Артист задумался.

– Не держать слово, конечно, запахло...

– Я и сбежал только потому, чтобы выполнить свою клятву.

– Тогда нужно как следует подготовиться, – сказал Артист.

Сказано – сделано. Артист оказался настоящим профессионалом в своём деле. Это он первым обратил внимание на заброшенный дом напротив отделения милиции.

– С этого чердака и хлопнешь его, – посоветовал Артист.

Вскоре выяснилось, что намеченная жертва оказался человеком весьма аккуратным, пунктуальным. Ровно в двенадцать он выходил из отделения на обед.

– И у нас, оказывается, остались ещё такие аккуратные люди – чисто немчура! – обрадовался Артист. – По нему время сверять можно. – Он посерьёзней: – Значит, так: запомни – на соседней улице тебя будет ждать наш человек с машиной. Как застрелишь мента, спокойно, без

паники топай на соседнюю улицу. За пять минут тебя довезут до вокзала. Наш поезд отправляется в 12 часов 12 минут. Билеты взяты. Всё рассчитано. У нас в запасе ещё пять минут останется. Всё будет хорошо, старик!

– Здорово организовал! – похвалил друга Шаман.

– Каждая операция должна быть доведена до совершенства, как хорошо поставленный спектакль, – сказал Артист. – Искусство – это великое дело, друган!

«Действительно, всё хорошо продумано, до мелочей», – размышлял Шаман. Он посмотрел на часы. Скоро, очень скоро занавес откроется и начнётся спектакль. Занавесом в данном случае послужит дверь ментовского отделения.

По обочинам улицы клёны тихо сыпали свои жёлтые листья. Небо заволочло тучами. В деревне, наверное, всю убирают свёклу. Вечером затопят баньку. Тоска сдавила грудь Шамана. Вспомнился давний-давний семейный спор.

– Хватит и того, что мы с тобой всю жизнь горбатились в селе, – кипятилась в разговоре с отцом мать. – Я не пожелаю такой участи единственному сыну. Город – он и есть город. Тепло проведено, вода течёт. Сено для скота всё лето заготавливать не надо.

И она упрямо положила на стол свои потрескавшиеся, натруженные руки.

– Ты всё-таки подумай ещё раз, – спокойно говорил отец, который до этого совсем не умел перечить жене. – Мы уже стареем. Если уедет Шамиль, очаг наш захиреет. Кто будет заботиться о нас на старости лет?

У Шамиля были ещё четыре старшие сестры, все замужем, и все разъехались кто куда.

– Когда Шамиль получит в городе квартиру, то и нас к себе позовёт, – упорствовала мать.

Отец, что-то ворча, побрёл к двери, где стояли чёсанки и висела засаленная фуфайка, и стал одеваться.

– Куда опять собрался? – вскинулась мать.

– Как куда? На ферму, – спокойно ответил отец. Он работал скотником в колхозе.

– Убери навоз в коровнике, – сказал Шамилю отец и ушёл.

Эх, прибраться бы сейчас в коровнике, покидать навоз до седьмого пота! Господи, Шамиль уже забыл, как хорошо пахнет навоз, как он щекочет ноздри! Интересно, что делает сейчас мама? Теперь осталась она одна-одинёшенька в пустом деревенском доме. Уже в тюрьме узнал Шамиль, что отца насмерть придавило в лесу упавшим бревном. Сжав скорбное письмо в руке, Шамиль отвернулся в угол. Сквозь туман времени проявлялся образ отца, то приближаясь, то удаляясь. Шаман пытался вспомнить голос отца, но не мог, и мучился от этого.

...Даже теперь на чердаке Шаман будто увидел грустные глаза отца. И казалось ему, что в этих глазах умещается весь необъятный мир, всё мироздание.

Провожая сына на автобусной остановке, отец сказал:

– Будет трудно – возвращайся, сынок.

И обнял его за плечи. Сын стеснительно подался в сторону – не маленький же он, в конце концов!

– Куда бы ты ни поехал, ничего тебе не принесут за просто так, за красивые глазки. Всюду придётся вкалывать, чтобы заработать на мало-мальски человеческую жизнь. Древние говорили: «Куда бы ты ни поехал, всюду за тобой будет следовать твоя чёрная борода». Ну а здесь, сынок... – голос отца дрогнул. – Здесь, сынок, наш дом, наш очаг, могилы наших предков, наша родимая земля.

Как большинство детей, выросших в семье, где царила власть матери, Шаман с некоторой снисходительностью относился к отцу, поэтому не обратил особого внимания на его прощальные слова. Парня манила шумная городская жизнь, самостоятельность. И когда автобус отъехал, Шамиль лишь облегчённо вздохнул.

Шамана поселили в общежитии неподалёку от Центрального парка культуры и отдыха. Дверь комнаты была настежь открыта, а в самой комнате стояли только четыре кровати и стол со сломанной ножкой.

На кухне жарил картошку плешивый, бородатый мужик. Борода у него уже начала серебриться. Оказалось, это один из соседей Шамана.

– Петрович, – представился он, протягивая парню дрожащую руку. – Вот тут и живём, ха-ха! Картоха скоро поспеет. – Глаза мужичка как-то странно забегали. – Так что твоё вселение нужно отметить. Таков порядок, – сказал он.

Шаман хорошо знал этот порядок, поэтому с готовностью вынул из сумки бутылку водки, присел за стол, придав себе вид бывалого рубахи-парня.

Морщинистое лицо Петровича будто сразу разгладилось, засветилось.

– Молодец, паря! – похвалил он Шамана. – Сразу видно: свой человек. Ну, наливай быстреей, а то думал, что умру с похмелья. И денег нема, как назло.

Потом, уже как «своему» человеку, он пожаловался: «Даже одеколona нет». Он притащил ещё не совсем дожаренную картошку.

– Недоваренная картоха даже полезнее для организма, – заверил он Шамана.

– Давай!

– Поехали!

Шаману понравился Петрович. Был он уже в годах, но принял Шамана – совсем ещё пацана – как равного себе. «Простые люди живут здесь», – подумал он.

Выпили пол-литра. Покрасневшие глаза Петровича покрылись какой-то мутной пеленой.

– Ты не думай, что я конченный человек, – начал хвастаться он. – В своё время я прорабом работал. Вот эту руку, – он протянул свою длань с тонкими полупрозрачными пальцами, – сам Табеев жал. Да! «Молодец, – говорит, – Петрович! Оправдываешь доверие партии». Потому что... Потому что...

Старик на какое-то время потерял нить мысли.

– Потому что, – продолжил он, – в мире наблюдается напряжённая международная обстановка. Потому что наймиты империализма вторглись в Анголу. Но с нашей помощью товарищ Аугустино Нето намнёт им холку...

Он пробормотал ещё что-то, доплёлся до кровати и уснул как убитый. Разве что храпел, как пять живых хряков.

Шаман вышел на балкон покурить. Он был рад, что так легко вошёл в новый мир. В общаге действительно жили люди простецкие. Каждый день они что-нибудь да «отмечали». Причина всегда находилась чрезвычайно уважительная: кто получил зарплату, кто – премию...

Однажды Витя – один из жильцов комнаты – заявился, победоносно размахивая ботиночными шнурками.

– Вот! – объявил он. – Шнурки купил!

– Хорошо сделал, – беспечно откликнулся Шаман. – Ботинки крепче будут.

– Обмыть надо! – воскликнул Витя, вынимая из кармана бутылку «Вермута».

Шаман поморщился: «Этой бормотухой только заборы красить».

Витя уселся на кровать уже в удручённом состоянии.

– Откуда же я деньги на водку возьму? – плаксиво протянул он. – Ты же сам, Шаман, должен мне деньги. Али забыл? Знаешь, сколько ты мне должен?

– Знаю. Пятьсот рублей, – мрачно ответил Шаман, уже жалея, что ввязался в этот разговор.

– Когда отдашь?

– С каждой зарплаты по частям буду отдавать, – ответил Шаман.

– Ха-ха! Поглядите на этого умника! – Витя повернулся к Петровичу. Тот выпучил глаза, словно видел Шамана впервые.

– Так нельзя, сынок, – сказал, наконец, Петрович. – долги надо отдавать вовремя.

... Дело в том, что в комнате каждый вечер резались в карты. Рано или поздно Шаман должен был присоединиться к картёжникам, и тогда... Тогда произошло то, что произошло.

– Из твоих восьмидесяти рублей зарплаты долг ты будешь отдавать мне до самой пенсии.

Страшно было смотреть на зловеще искривлённое лицо Вити. Шаман лежал на кровати, уставившись в потолок.

– Ну? Жду ответа! – рявкнул Витя.

– Что же мне делать?

– С этого вопроса и надо было начинать. Для лихого парня есть разные способы, чтобы найти деньги. Салим из соседней комнаты должен мне триста рублей. Почему бы вам с ним не пройтись ночью по улицам города? Уразумел философию? Снял с лоха одну шапку – уже двести рублей. А шуба, или там дубленка, – ещё дороже. У Салима опыт уже имеется, не первый раз на дело выходит.

– Как? Грабить людей? – Шаман вскочил с места. – Нет, у меня не получится.

– Дело твоё. – Витя выпил бутылку вина из горла, без передыху, и угрожающе закончил. – Только завтра чтобы долг отдал. Не то...

Шаман отлично понял, что с ним будет за невозвращение долга.

Витя ушёл.

– У нас много хлопцев промышляют этим, – попытался успокоить Шамана двуличный Петрович. – Это поначалу страшно, потом и привыкаешь. А опосля королём ходишь, факт.

Старик прищёлкнул языком, будто восхищаясь удалью «королей»:

– Тут тебе и коньяк, и шоколад, и девки... А девки-то деньги любят, – сказал он так, будто сделал открытие.

Долго раздумывал Шаман. Потом тихо пошёл в комнату, где жил Салим. Петрович по обыкновению храпел.

* * *

Шаман взял со сломанного стула обрез. Стрелки часов вплотную приближались к двенадцати. Он осторожно высунул через окошечко короткое дуло обреза. «Каюк тебе, Аблаев, – мстительно подумал он. – Сволочь!»

Дверь отделения открылась, в дверях показалась милицейская фуражка.

Шаман нажал на спусковой крючок. Мент не успел сделать даже шага, и рухнул как подкошенный.

О, Господи! Шаман в оцепенении смотрел на распостёртое тело. Это был не Аблаев. Это ведь... Это... Тот сержант, что ослабил Шаману путы на «ласточке» и дал попить воды. «Сердобольный сержант!» «Господи, что я натворил?» – пронеслось у него в голове. Сдавленный стон вышел из его груди. Голова застреленного сержанта лежала в луже крови. Шаман закрыл лицо обеими руками, сквозь которые на брошенное на пол ружьё, капали слёзы...

Полубезумными глазами Шаман обшарил нутро чердака. Из угла на него такими же полубезумными глазами смотрел крысёнок. Шаманом овладела такая отчаянная беспомощность, бессилие, которое бывает у попавшего в капкан зверька.

Шаман поднял закапанные слезами ружьё и нащупал ствол своими недвижными, словно гипсовыми, губами.

7

Я с удовольствием потянулся на кровати, разминая затёкшие члены. Будильник на полу показывал 12 часов. В комнате как будто стало темнее, в окно шелестел мелкий дождь. Я уви-

дел, как открылась дверь отделения милиции и показалась коренастая фигура моего приятеля. И тут, неожиданно для себя, я вспомнил всё-таки его имя. Мидхат! Ну конечно, Мидхат!

Не успел он сделать и шага, как свалился будто подкошенный. С чердака послышался приглушённый звук выстрела. Я вскочил, но тут же уселся обратно, словно меня не держали ноги. Сознание отказывалось воспринимать то, что случилось на моих глазах.

Из дверей отделения выскочил ещё один сержант. Увидев распостёртого в крови Мидхата, он застыл на месте. Даже сквозь ситечко мелкого дождя можно было видеть мертвенную бледность его лица. «Где-то я видел и этого сержанта», – пронеслось у меня в голове и я постарался отвлечься от созерцания мёртвого тела Мидхата. Вспомнилось: этот милиционер часто заходил в наше студенческое общежитие, проводывал своего земляка, что жил в соседней комнате. Кажется, мы даже как-то пили в одной компании.

В это время на крыльцо милицейского отделения высыпало ещё несколько сотрудников. Они поспорили о чём-то, размахивая руками. Один из них занялся трупом бедного Мидхата, другие побежали на другую сторону улицы. И тут меня как обухом по голове ударило: ведь они бегут сюда, в заброшенный дом, где я так уютно было устроился. Выстрел раздался с чердака!

В волнении я сбросил на пол рукопись.

И тут на чердаке раздался ещё один выстрел. Я тщетно пытался освободиться от шариковой ручки, зажатой среди моих помертвевших и похолодевших от страха пальцев. Ручка никак не хотела падать из руки.

И я уже хорошо знал, какой фразой закончится начатый мной рассказ: «И тут на чердаке ухнул ещё один ружейный выстрел».

1991

Нам, татарам, всё равно

Повесть

1

На рассвете зазвонил мобильник. «Кому там неймётся в этот час? – Продрав глаза, Бугра повернулся к окну. – Солнце и на толщину оглобли не поднялось», – лениво подумал он. Номер не опознавался. Прокашлявшись, Бугра нажал на кнопку.

– Алё?

– Разбудил? – Голос на том конце не стал утруждать себя приветствием. – Сами, значит, то и дело подначиваете народ, мол, «Татары, проснитесь!», а сами спите до обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.